

УДК 8. 81
ББК 6/8. 80/84. 81

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ БАШКИРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А. У. Ахмадеева

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Статья посвящена выявлению видов перевода безэквивалентных башкирских фразеологизмов на русский язык, а также выяснению условий выбора видов перевода и частотность их применения на практике. Автор приходит к выводу о том, что в башкирско-русских фразеологических словарях фразеологические единицы переводятся на русский язык с использованием семантического (описательного), лексического, буквального, в некоторых случаях комбинированного видов перевода.

Ключевые слова: безэквивалентные фразеологические единицы, башкирский язык, русский язык, виды перевода.

Во фразеологии любого языка отражается система миропонимания народа, его национальный менталитет, выражающийся посредством различных образных выражений, осмысленных через призму национальной культуры, которую наиболее ярко отражают безэквивалентные фразеологизмы, объединяющиеся в различные тематические группы.

В башкирской фразеологии закрепился жизненный опыт народа, полученный в различных хозяйственных и бытовых ситуациях. Наиболее многочисленными являются тематические группы фразеологических единиц (ФЕ), отражающие описание традиционного образа жизни башкир, типа хозяйствования (наблюдения над природой, кочевое скотоводство, ремесла, промыслы, семейный уклад и др.), а также передающие характеристику качеств человека, оценку его поведения, внешности и др., интерпретацию конкретных жизненных ситуаций, событий, фактов и так далее. Национальную самобытность характеризуют также ФЕ, отражающие народные традиции, обычаи, праздники и закрепившие традиционные речевые формулы народного этикета. Особую модель составляют ФЕ, где используются диалектные и устаревшие слова башкирского языка.

В аспекте межъязыкового взаимодействия и межкультурной коммуникации большое значение имеет практика перевода фразеологизмов с одного языка на другой. Здесь отдельную проблему представляет перевод безэквивалентных фразеологизмов. Трудности перевода определяются самой ментальной и языковой природой фразеологизма как особой единицы языка с об-

разно-переносной семантикой. Феномен фразеологического образа анализируется в ряде работ исследователей [3; 6; 13 и др.], которые рассматривают данное явление как концептосферу, определяющую способы восприятия и познания человеком окружающего мира. Так, Р. Х. Хайруллина, М. Айчичек, А. Бозташ пишут: «Под фразеологическим образом следует понимать возникший в результате переносно-образной интерпретации компонентов исходной единицы смысл, который закрепляет миропонимание носителей языка» [10. С. 199]. В данном случае башкирская безэквивалентная лексика, имеющая также в своем компонентном составе иноязычные слова арабского, персидского (фарси), монгольского происхождения, является своеобразным языковым синтезом в культуре народа и вызывает особые трудности при переводе их на русский язык [9]. Ср.: *вайран* (арабск.) — «сломанный, разрушенный» и *вайран булыу* (башк.) — «разрушить, сломать что-либо»; *рисуай* (перс.) — «позор» и *рисуай итеу* (башк.) — «унижать, позорить кого-либо»; *морзах* (монг.) — «выехать на коне в путь» и *морзах сыгыу* (башк.) — «отправиться в путь, в путешествие» и др.

Исследователи проблемы перевода безэквивалентной лексики и ФЕ отмечают сложность их передачи на другой язык, выявляют особенности того или иного языка, предлагают некоторые методы передачи специфических выражений на язык перевода [1; 4; 11; 12 и др.]. Как отмечает А. В. Кунин, «перевод фразеологических единиц, особенно образных, представляет значительные трудности. Это объясняется тем, что многие из

них являются яркими, эмоционально насыщенными оборотами, принадлежащими к определенному речевому стилю и часто носящими ярко выраженный национальный характер» [5].

Проведенный нами анализ двуязычных словарей [2; 8] показал, что безэквивалентные башкирские фразеологизмы могут переводиться на русский язык тремя видами перевода: семантическим (описательным), лексическим (с помощью подбора синонимических лексем или словосочетаний) и реже — с помощью буквально-го перевода. Последний вид перевода становится средством создания в башкирском языке фразеологических калек с русского языка. Например: *буксирга алыу* — брать на буксир, *аккош йыры* — лебединая песня, *мәсәләне кабырғаһы менән куйыу* — ставить вопрос ребром и др.

Нами было проанализировано 837 ФЕ. По результатам анализа можно судить о том, что выбор вида перевода зависит от следующих свойств ФЕ: 1) типа ФЕ; 2) фразеологической образности; 3) компонентного состава. По нашим наблюдениям выявлено, что ФЕ в башкирско-русских фразеологических словарях переводятся на русский язык с использованием семантического (описательного), лексического, буквально-го, в некоторых случаях комбинированного видов перевода.

1. Семантический (описательный) перевод — из 837 башкирских безэквивалентных ФЕ на русский язык с использованием данного вида переведены 225 ФЕ, или 43,8 % от общего числа фразеологических оборотов.

Семантический перевод используется для толкования семантики ФЕ, ситуации его употребления в речи. В случае необходимости в словарной статье даются комментарии. Чаще всего с помощью семантического перевода дается толкование ФЕ, закрепивших описание исконного образа жизни башкир, их уклада жизни, культурных и бытовых особенностей, традиций и обычаев, правил этикета, специфических речевых формул и обрядов, то есть всего того, что составляет национально-культурное своеобразие фразеологической картины мира в башкирском языке, отражает особенности миропонимания народа. Толкование типичных жизненных ситуаций, интерпретация обстоятельств, внешних и внутренних качеств башкир необходимо, поскольку несмотря на универсальный характер труда, быта и межличностных отношений в социуме, каждый народ интерпретирует это по-своему и актуализирует только те явления, события и факты,

которые являются для него жизненно важными и типичными. Например: ФЕ, в состав которых входит компонент «юк» («нет»), на русский язык переводятся описательно, а в башкирском склоняются и наделяются особым смыслом: *юкка мин дә тук* (букв.: на «нет» и я сыт) — фразеологическое выражение употребляется в ответ на какой-либо отказ; *юктың баһын ауырттырыу* (букв.: заставляя болеть голову у «нет», на пустом месте) — желать чего-либо недосягаемого, несбыточного и др.

Семантический перевод является наиболее приемлемым в случаях, когда нужно дать толкование ФЕ, закрепивших фразеологическую интерпретацию каких-либо актуальных и информативно значимых предметов и понятий. Например, описание устоев мусульманского социума, семьи, уклада жизни кочевника, особенностей питания и многое другое, что определяет образную интерпретацию отдельных частотных компонентов типа *ир/мужчина*, *егет/джигит*, *юноша*, *ат/конь*, *бүре/волк*, *ит/мясо*, *бүрек/шапка* и др. Данные компоненты используются и в русской фразеологии, но в безэквивалентных башкирских ФЕ они выполняют особую национально маркированную функцию. Ср.: *Ат колонлатып йөрөү* (букв.: ходить и ждать, пока кобыла ожеребится) — надолго затягивать дело, и др.; *Бүре бауыр* (букв.: волчья печень) — злобный, немилосердный, и др.; *Егет корона кереү* (букв.: войти/пополнить круг джигитов) — возмужать, стать взрослым мужчиной, и др.; *Ир бауыры* (букв.: печень мужчины) — настоящий мужчина, и др.; *Бүрек кейеү* (букв.: надеть шапку) — вырасти, возмужать, повзрослеть; *Бауыр ите* (букв.: мякоть печени) — о дорогом сердцу человеку и др.

2. Лексический перевод — из 837 единиц переводятся: а) с помощью подбора лексических синонимов 103 ФЕ (20 %); б) с помощью подбора синонимических словосочетаний — 180 ФЕ (35,1 %).

Наиболее частотным видом перевода для адекватной передачи башкирских безэквивалентных ФЕ является лексический перевод. Обычно используется при переводе прозрачных по семантике ФЕ, выражающих понятие, которое передается на русский язык словом или словосочетанием:

а) перевод башкирских ФЕ, представляющих собой словосочетания, с помощью лексического синонима. Например: *борсак сәсеү* (букв.: сеять горох) — хвастаться; *серек сабата* (букв.: гнилой лапоть) — плакса; *бармак араһынан һығып сыгара* (букв.: выдавливает сквозь пальцы) —

скряга; *башка сун өйөү* (букв.: грузить мусор на голову) — обвинять кого-либо; *кара корһак* (букв.: черное брюхо) — обжора; *ком елек* (букв.: песчаные кости) — мягкий, пустотелый; *ком күзле* (букв.: песчаные глаза) — жадина и др.;

б) перевод башкирских ФЕ с помощью синонимического словосочетания. В башкирском языке данные ФЕ закрепляют описание более сложных ситуаций, событий, что требует их перевода пространственными словосочетаниями. Например: *бәләш төбөн кәтөү* (букв.: ждать донышка пирога) — не лезть вперед, ходить в задних рядах; *вак иләк аша үткәреү* (букв.: просеять через мелкое сито) — тщательно проверять; *ел ягына кабык куйып йәшәү* (букв.: жить, строя лубы на сторону ветра) — жить не утруждаясь, как попало; *кәбестә һурһаһын аз эскән* (букв.: мало пил капустного бульона) — жить легко, не зная нужды; *кашык-аяк шалтыратыу* (букв.: шуметь посудой) — устраивать скандал в доме и др.

3. Буквальный перевод употребляется очень редко, в нашем материале всего 6 ФЕ, переведенных данным способом (1,1 %): *кулга һугыу* — бить по рукам; *үз көсө менән* — своими силами; *күз уйнатыу* — играть глазами; *шул кәрәр* — так и надо; *һай йөзөү* — мелко плавать; *арка күрһәтеү* — показывать спину.

4. В словарях используется также комбинированный способ перевода, когда ФЕ переводится описательно и одновременно с помощью синонима или синонимического словосочетания. Как отмечает Е. А. Арсентьева, «гораздо практичнее прибегать к комбинированному переводу, благодаря использованию которого удастся более полно и адекватно передать значение безэквивалентного фразеологизма» [7. С. 11]. Такой перевод является наиболее целесообразным, поскольку позволяет передать семантику ФЕ с одного языка на другой с передачей тончайших культурных коннотативных смыслов. В процессе перевода

башкирских ФЕ такой подход также имеет место. Например: *балта һораганда көрәк биреү* (букв.: когда просят топор, давать лопату) — говорить или делать что-либо невпопад, путать; *ике тәкә башы бер казанга һыймай* (букв.: две головы барана в один котел не влезают) — не уживаться с кем-либо, не уметь жить сообща; *йомортканан йөй эзләү* (букв.: искать шов на яйце) — придирааться, искать изъяны и др.

При переводе безэквивалентных башкирских ФЕ на русский язык необходимо обращать внимание на так называемые «ложные» эквиваленты. Обороты могут совпадать по компонентному составу, но различаться содержанием. Ср.: *как пиявка* (пристал) — о нудном, неотвязном, надоедливом человеке и *һыу һөлөгө кеүек* (букв.: как водяная пиявка) — о красивой, грациозной девушке; *затянуть пояс* — бедствовать, урезать питание и *бил быуыу* (букв.: затянуть пояс) — готовиться с большой охотой к чему-либо; *сәдитһея не в свои сани* — выбирать что-либо, не соответствующее своему статусу и *арһаһына ултырыу* (букв.: сесть в его сани) — подчиниться, не иметь возможности ослушаться кого-либо и так далее.

Таким образом, подводя итоги анализа башкирских безэквивалентных фразеологизмов с точки зрения особенностей их перевода на русский язык, можно отметить, что среди нескольких видов перевода наиболее частотным видом является лексический перевод, представленный двумя разновидностями — переводом с помощью лексического синонима и синонимического словосочетания. Имеет также место комбинированный вид перевода, который считается наиболее целесообразным при передаче специфических особенностей ФЕ. Адекватный перевод безэквивалентных фразеологизмов обуславливает успешность межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Алексеева, М. Л. Проблема лексической безэквивалентности в науке о переводе: исторический, теоретический и лексикографические аспекты : дис. ... д-ра филол. наук / М. Л. Алексеева. — Екатеринбург, 2015. — 414 с.
2. Башкирско-русский словарь / под ред. З. Г. Ураксина. — М., 1996. — 884 с.
3. Волошкина, И. А. Фразеологический образ как отражение характера человека (на материале французского языка) / И. А. Волошкина // Вестн. Новгород. гос. ун-та им. Я. Мудрого. Сер.: Филология. — 2008. — № 49. — С. 55–58.
4. Кочарян, А. Р. Безэквивалентные фразеологические единицы в удинском языке / А. Р. Кочарян // Молодой ученый. — 2011. — Т. 1, № 4 (27). — С. 228–231.

5. Кунин, А. В. О переводе английских фразеологических единиц в англо-русском фразеологическом словаре / А. В. Кунин. — URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/transl-book-kunin.shtml.
6. Моисеева, С. А. Фразеологический образ как отражение универсальности и идиоэтничности мировосприятия носителей французского языка / С. А. Моисеева, Ю. Е. Ломоносова // Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. — 2011. — Т. 9, № 6 (101).
7. Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь / под ред. Е. Ф. Арсентьевой. — Казань, 2008. — 720 с.
8. Русско-башкирский словарь : в 2 т. / под ред. З. Г. Ураксина. — Уфа, 2005. — Т. 1–2.
9. Самситова, Л. Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Х. Самситова. — Уфа, 1999.
10. Хайруллина, Р. Х. Универсальные культурные концепты в контексте межкультурной коммуникации / Р. Х. Хайруллина, М. Айчикек, А. Бозташ // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер.: Филология и искусствоведение. — 2011. — Вып. 3. — С. 197–202.
11. Цзян, С. Безэквивалентная лексика и фразеология в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук / С. Цзян. — СПб., 1995. — 202 с.
12. Чой Юн Хи. Фразеологический образ в коннотативном аспекте (на примере соматических фразеологизмов русского и корейского языков) / Чой Юн Хи // Язык, сознание, коммуникация. — М., 2001. — Вып. 17. — С. 81–97.
13. Шаталов, Д. Г. Метафорическое осмысление перевода : дис. ... канд. филол. наук / Д. Г. Шаталов. — Воронеж, 2014. — 321 с.

Сведения об авторе

Ахмадеева Айгуль Уилдановна — соискатель-экстерн кафедры русского языка, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа, Россия. aidan72@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. III. Pp. 5–9.

FEATURES OF TRANSLATION OF NON-EQUIVALENT BASHKIRIAN PHRASEOLOGISMS IN RUSSIAN LANGUAGE

A. U. Akhmadeeva

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia. aidan72@mail.ru

The article is devoted to the identification of the types of translation of equivalent Bashkir phraseological units into Russian, as well as to clarify the conditions for choosing the types of translation and the frequency of their application in practice. The author comes to the conclusion that in the Bashkir-Russian phraseological vocabulary the phraseological units are translated into Russian using the semantic (descriptive), lexical, literal, and in some cases combined types of translation.

Among several types of translation, the most frequent type is a lexical translation represented by two varieties — a translation with the help of a lexical synonym and a synonymic phrase.

Keywords: *nonequivalent phraseological units, Bashkir language, Russian language, types of translation.*

References

1. Alekseyeva M.L. *Problema leksicheskoy bezekvivalentnosti v nauke o perevode: istoricheskiy, teoreticheskiy i leksikograficheskiye aspekty* [The problem of lexical nonequivalence in the science of translation: historical, theoretical and lexicographic aspects]. Ekaterinburg, 2015. 414 p. (In Russ.).
2. Uraksin Z.G. *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian Dictionary]. Moscow, 1996. 884 p. (In Russ., In Bashk.).
3. Voloshkina I.A. *Frazeologicheskiy obraz kak otrazheniye kharaktera cheloveka (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Phraseological image as a reflection of the character of a person (on the material of the French language)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Ya. Mudrogo. Seriya: Filologiya* [Bul-

letin of Novgorod State University named after Ya. Wise. Series: Philology], 2008, no. 49, pp. 55–58. (In Russ.).

4. Kocharyan A.R. Bezekvivalentnyye frazeologicheskiye yedinitiy v udinskom yazyke [Equivalent phraseological units in the Udi language]. *Molodoy uchonyy* [Young Scientist], 2011, vol. 1, no. 4 (27), pp. 228–231. (In Russ.).

5. Kunin A.V. *O perevode angliyskikh frazeologicheskikh yedinitiy v anglo-russkom frazeologicheskom slovare* [On the translation of English phraseological units in the English-Russian phraseological dictionary]. Available at: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/transl-book-kunin.shtml. (In Russ.).

6. Moiseyeva S.A. Frazeologicheskiy obraz kak otrazheniye universal'nosti i idioetnichnosti mirovospriyatiya nositeley frantsuzskogo yazyka [The phraseological image as a reflection of the universality and idioethnicity of the world perception of French speakers]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: The humanities], 2011, vol. 9, no. 6 (101). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/frazeologicheskiy-obraz-kak-otrazhenie-universalnosti-i-idioetnichnosti-mirovospriyatiya-nositeley-frantsuzskogo-yazyka>, accessed 26.06.2017. (In Russ.).

7. Arsentieva E.F. *Russko-anglo-nemetsko-turetsko-tatarskiy frazeologicheskiy slovar'* [Russian-English-German-Turkish-Tatar phraseological dictionary]. Kazan, 2008. 720 p. (In Russ.).

8. Uraksin Z.G. *Russko-bashkirskiy slovar'* : v 2 t. T. 1–2 [Russian-Bashkir Dictionary in 2 vol. Vol. 1–2]. Ufa, 2005. (In Russ., In Bashk.).

9. Samsitova L.Kh. *Bezekvivalentnaya leksika bashkirskogo yazyka* [The equivalent vocabulary of the Bashkir language]. Ufa, 1999. (In Russ., In Bashk.).

10. Khayrullina R.Kh., Aychichek M., Boztash A. Universal'nyye kul'turnyye kontsepty v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii [Universal cultural concepts in the context of intercultural communication]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of the Adyghe State University. Series: Philology and Art History], 2011, no. 3, pp. 197–202. (In Russ.).

11. Tszyan S. *Bezekvivalentnaya leksika i frazeologiya v russkom i kitayskom yazykakh* [The equivalent vocabulary and phraseology in Russian and Chinese]. St. Petersburg, 1995. 202 p. (In Russ., In Chin.).

12. Choy Yun Khi. Frazeologicheskiy obraz v konnotativnom aspekte (na primere somaticheskikh frazeologizmov russkogo i koreyskogo yazykov) [Phraseological image in connotative aspect (on the example of somatic phraseological units of Russian and Korean languages)]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow, 2001. Iss. 17. Pp. 81–97. (In Russ., In Korean).

13. Shatalov D.G. *Metaforicheskoye osmysleniye perevoda* [Metaphorical interpretation of translation]. Voronezh, 2014. 321 p. (In Russ.).

УДК 82-3
ББК 11.1

РОМАН «ЛОЛИТА» И КИНЕМАТОГРАФ: ОПЫТ ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫХ АЛЛЮЗИЙ И ПЕРЕВОДА

А. М. Высочанская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В статье рассматривается проблема взаимодействия кинематографа и литературы на примере романа В. Набокова «Лолита». Мы также анализируем то, как кинематографический код произведения реализуется в его экранизациях. Успешный интермедиаальный перевод романа, на наш взгляд, можно объяснить именно наличием в романе кинематографического кода.

Ключевые слова: *Набоков, интертекст, кинематограф, интермедиаальный перевод.*

Проблема интерпретации художественных текстов в киноэкранизациях обсуждалась деятелями искусства и литературоведами на протяжении всего XX в. Так, еще В. Вульф [1] утверждала, что альянс кино и литературы невозможен, так как кино делает акцент на визуальном образе, а литература — на внутреннем, психологическом. Писательница призывала режиссеров не заимствовать художественные приемы из литературы и не пытаться искать им киноаналоги, а создавать свой собственный киноязык, который, по ее мнению, складывается из символических деталей, движений и образов, меньше всего нуждающихся в вербальном или музыкальном пояснительном сопровождении. С. Эйзенштейн [9], напротив, утверждал, что специфически кинематографические приемы, такие как монтаж и крупные планы, генетически восходят к литературе. Анализируя фильмы Д. Гриффита, первого создателя собственного режиссерского киноязыка, который применил монтаж как элемент художественный, а не сугубо технический, С. Эйзенштейн писал о том, что и монтаж, и темп, и план, и ракурс — все это уже было открыто Ч. Диккенсом.

С его точки зрения, именно литература предвосхитила формирование системы кинематографических приемов и повлияла на них. Той же позиции в дальнейшем придерживался режиссер и теоретик кино М. Ромм [6], который указывал на блестящее воплощение монтажно-го принципа построения текста у А. Пушкина и Л. Толстого. В России проблематикой взаимосвязи слова (сценария) и визуального ряда на заре становления отечественного кинематографа активно интересовались не только писатели (среди них Л. Андреев, Л. Толстой, В. Маяковский, Е. Замятин и др.), но и литературоведы — пред-

ставители формализма. Ю. Тынянов [8], например, называл кино искусством абстрактного слова: театр, по его убеждению, строится на слове цельном, сочетающем в себе смысл, мимику и звук, а вот кино — на его разложенной абстракции, на том, что можно понять, увидеть и услышать только через посредство киноэкрана.

Новый всплеск интереса к экранизации как феномену синтеза искусств пришелся в отечественной научной среде на 60–70-е гг., когда многие искусствоведы (например, М. Маневич) и литературоведы (например, Ю. Лотман) вновь занялись разработкой вопросов, связанных с взаимодействием литературы и кино. В последнее время эта сфера «диалога искусств» активно развивается как зарубежными (Дж. Бойэм, Б. Макфарлен, Дж. Блюстоун, П. Уэллс, Т. Лейтч и др.), так и отечественными исследователями, в том числе историками литературы (среди них — И. Монисова, Н. Кольцова, П. Рыбина, В. Катаев, Т. Михайлова, В. Мильдон и др.). Поскольку русская культура вплоть до 1990-х гг. отличалась «литературоцентризмом», не удивительно, что роли текста, особенно если речь идет об экранизации, уделяется в отечественной науке особое внимание.

Помимо использования кинематографом литературных сюжетов и художественных средств выразительности, обращает на себя внимание и встречная тенденция последних десятилетий — заимствование литературой жанровых форм и визуальных приемов, присущих кино, а также кинематографические интертексты и рефлексия над теми или иными кинолентами в произведениях словесности. Так, например, Б. Акунин отнес пять своих книг, входящих в цикл «Смерть на брудершафт», к жанру «романа-кино». Н. Сакур, интерпретируя классические гоголевские образы

в пьесе «Панночка», создала, по сути, ремейк — новую версию известного всем произведения (сам термин, кстати, пришел из кинематографа).

Киноэкранизации, как правило, резко усиливают степень актуальной влиятельности и тиражи своих литературных «первоисточников». Этот факт отмечал еще французский теоретик кино А. Базен [2], заметивший, что экранизация «Гамлета» вновь заставила массового читателя обратиться к текстам У. Шекспира, а «Дневник сельского священника», талантливо экранизированный Р. Брессоном, удесятирил число читателей Ж. Бернаноса. Эта тенденция особенно ярко наблюдалась с середины XX в. Свидетельство тому — широко распространившаяся практика «кинематографического» оформления обложек книг, на которых помещаются портреты актеров, снимавшихся в успешных экранизациях произведений. Так, например, российское издательство АСТ выпускает с 1994 г. серию книг «Кинороман», в которую входят исключительно те книги, которые получили свою киноверсию.

Таким образом, взаимодействие литературы и кинематографа не ограничивается кинопостановками по мотивам романов, повестей, рассказов или пьес. Два смежных вида искусств порой сближаются так, что литературный текст и его экранизация становятся едва ли не «сиамскими близнецами» — «сверхродовыми» эстетическими образованиями со сложной системой «кино(лите)ратурных» мотивных и стилистических связей. Весьма интересным является с этой точки зрения творчество В. Набокова, чьи произведения не только получили ряд экранизаций, но и сами содержат на эксплицитном (тематическом) или латентном (стилистическом) уровнях оригинальную и прихотливую рецепцию киноискусства.

Стихотворение 1928 г. «Кинематограф» открывается характерным признанием: «Люблю я световые балаганы / все безнадежнее и все нежней» [5]. В десяти катренах текста дана ироническая выжимка «типовых» мотивов, фабульных ходов и даже устойчивых символов «распутства» и «добродетели» в современном Набокову «немом» кино. Лирический герой отказывает кинематографу в «полете ума», «усладе гармонии», в конечном счете — в жизненности.

Первые развернутые образы кино появились у В. Набокова еще в дебютном романе «Машенька» (1926). Законы этого «балаганного искусства» во многом определяют течение прошлого и «тусклого романа» Ганина с Людмилой;

в одном из эпизодов, сидя на киносеансе, Ганин словно прозревает — сквозь неправдоподобную драму, разлитую по экрану — фарсовость своей собственной берлинской жизни, в павильонных потемках которой и нищая толпа, и крикливый режиссер, и сам герой «не ведают, что творят». Кинематограф становится по ходу сюжета предметом изображения или объектом рефлексии персонажей в романах «Камера обскура» (1933), «Ада» (1969) и др., в которых пародийно воспроизводятся типовые сюжетные коллизии голливудских фильмов (соблазн, преступление, ревность, удачные стечения обстоятельств и так далее).

Ряд исследователей (Р. Янгиров, Н. Григорьева) прямо говорят о «кинематографической технике» набоковского письма: она проявляется, например, в повторяющихся из произведения в произведение персонажных ампула, выразительных «титровых» диалогах персонажей, игре с планами, светотенью, ракурсами, монтажом и так далее. А. Леденев [3] также отмечает, что в ходе стилиевой эволюции В. Набоков приближался к искусству синтетического типа, придавая слову живописную красочность, графическую отчетливость, содержательную музыкальность и танцевальную пластичность, — все то, что также присуще кинематографическому образу. О связи прозы писателя с изобразительным искусством подробно пишут авторы книги «Набоков и искусство живописи» (“Nabokov and the Art of Painting”) Дж. де Врайс, Д. Б. Джонсон и Л. Ашенден [10], доказывая, что приемы визуальных видов искусства были искусно инкорпорированы в технику набоковского письма.

Неожиданные сюжетные ходы, иронически имитирующие стандартные композиционные повороты кино, мотивы взаимодействия вымысла и реальности, атрибуты «голливудского» портретирования в обрисовке персонажей, а также интенсивная игра с ракурсами, светотенью, звуковым «сопровождением» и так далее — весь этот арсенал приемов был развернут Набоковым в самом известном его «американском» романе. Неслучайно именно «Лолита» была дважды экранизирована (в 1962 г. — С. Кубриком и в 1997 г. — Э. Лайном): роман сам по себе очень кинематографичен.

Показательна прежде всего фигура главной героини романа, в обрисовке которой существенная роль принадлежит именно мотивным переключкам с миром «голливудских грёз». Девочка

читает киножурналы, мечтает о Голливуде, внешне и она, и ее мать напоминают Гумберту киноактрис, наконец, Долли сбегает от главного героя с киносценаристом Куильти. Одержимая миром кино и принимающая на веру все, что написано в киножурналах, она «вырезает, раззадорясь, вздор о кинобожестве» [4. С. 344] и любит «музыкально-комедийные, гангстерские, ковбойские» [4. С. 242] фильмы. Влюбленный в нее Гумберт с легкой иронией относится к этому ее увлечению, однако невольно интерпретирует некоторые события через призму шаблонных коллизий популярных киножанров. Так, финальную схватку с Куильти он воспроизводит в шаржированных декорациях кульминационных сцен вестерна, утрируя неправдоподобную живучесть своего демонического противника, в которого Гумберт стреляет несколько раз. Этому предшествует стихотворение о Лолите, в котором она изображается сидящей в кинотеатре и смотрящей фильм, «где с коней за деньги оранжевые падали индейцы» [4. С. 417].

Вообще, Гумберт по ходу своей исповеди не раз упоминает кинематограф и его атрибутику. Иногда это воображаемый «кинематографический перевод» того или иного действия персонажей: «Вибрация двери, захлопнутой мною, долго отзывалась у меня в каждом нерве, что было слабкой заменой той заслуженной оплеухи наотмашь, которую она бы получила на экране по всем правилам теперешних кинокартин» [4. С. 58]; «она мне это позволит и даже прикроет глаза по всем правилам Холливуда» [4. С. 83]. Порой «кинематографический» комментарий получает та или иная черта характера Лолиты или конкретный атрибут ее облика: «Дитя нашего времени, жадное до киножурналов, знающее толк в снятых крупным планом, млеющих, медлящих кадрах» [4. С. 83], «она направилась к раскрытому чемодану, как будто подстерегая издали добычу, как будто в замедленном кинематографе» [4. С. 178].

Отсылки к типовому репертуару «фабрики грез» нередко встречаются в описании интерьеров или в моментальных «стоп-кадрах» периферийных персонажей: «Усадьбы времен до гражданской войны с железными балконами и ручной работы лестницами — теми лестницами, по которым в роскошном цветном кино актрисочка с солнцем обласканными плечами сбегает» [4. С. 223]; «бессловесные мужского пола статисты» [4. С. 264]; «какой-нибудь коммивояжер или гангстер из кинокомедии и его приспешни-

ки травят меня» [4. С. 335]; «пожилые читатели, наверное, вспомнят в этом месте “обязательную” сцену в ковбойских фильмах, которые они видели в раннем детстве» [4. С. 415].

Да и «автопортрет» главного героя явно ориентирован на узнаваемые голливудские образцы. Он, например, носит шелковую домашнюю куртку, «как в кинодрамах» [4. С. 267], и нередко соотносит себя с киноактерами: «С персонажами кинофильмов я, по-видимому, разделяю зависимость от всемогущей machine telephonica и ее внезапных вторжений в людские дела» [4. С. 290]. Кстати говоря, о смерти жены Гумберту — в «лучших традициях» кинематографа — тоже сообщают по телефону. Постоянная нота грусти в исповеди Гумберта связана с тем, что он не сумел заснять Лолиту на киноплёнку: «Она бы тогда осталась и посейчас со мной, перед моими глазами, в проекционной камере моего отчаяния» [4. С. 325].

Он примеряет на себя роль не только актера, но и режиссера (а также оператора, поскольку манера его письма ассоциируется с движением камеры: учитываются ракурсы, планы, освещение, часто встречается прием монтажа, например, в описании его путешествия с Лолитой по стране). Таким образом, кинематографический код, заложенный в произведение В. Набоковым, не только реализуется на самых разных уровнях композиции, но и влияет на металитературную проблематику романа. Размышления Гумберта о кино, пусть даже довольно поверхностные, являются, по сути, размышлениями художника о современном ему положении культуры, в частности, литературы (напомним, что Гумберт — преподаватель французской литературы, не лишенный поэтического дара и пытающийся привить свои художественные вкусы Лолите, ребенку нового поколения, для которого кино — важнейший ресурс самоидентификации).

Т. Вакашима [13] в статье «Двойная экспозиция: о превратностях перевода «Лолиты»» («Double Exposure: On the Vertigo of Translating Lolita») проводит любопытные параллели между некоторыми сценами романа и фильмом «Зуд седьмого года» (“The Seven Year Itch”) с М. Монро в главной роли и отмечает, что упоминающиеся в произведении кинокартины «Грубая сила» (“Brute Force”), «Бесы» (“Possessed”) и «Тихий человек» (“The Quiet Man”) фигурируют там не случайно (то, что В. Набоков видел эти фильмы, подтверждает и А. Аппель). Писатель не просто

пытается добавить изображению жизнеподобия, упоминая вышедшие в 1947 г. фильмы, о которых Гумберт вычитывает из газеты. Эти фильмы связаны с сюжетом «Лолиты» тонкой паутиной иронических мотивных перекличек.

Первая кинолента рассказывает о побеге из тюрьмы, подсвечивая тот факт, что Гумберт пишет о Лолите, находясь в камере предварительного заключения; автор «исповеди» не раз говорит о животной, иррациональной стороне своего характера — но именно этому мотиву вторит название фильма. Вторая кинолента заканчивается сценой помутнения разума главной героини, вызванного страстным любовным увлечением, и это — очевидная тематическая параллель с маршрутом судьбы Гумберта. Сюжет последнего фильма пересказывает госпожа Гейз вечером на веранде: «тихий человек», в прошлом боксер, когда-то забил оппонента насмерть, что породило в его сознании непреходящее чувство вины. Такое же чувство вины неумолимо разъедает сознание Гумберта: после знаменитой сцены в отеле «Очарованных охотников» он чувствует себя «рядом с маленькой тенью кого-то, убитого мной» [4. С. 204]. Правда, исследователь оговаривается, что фильм “The Quiet Man” вышел на экраны в 1952 г., а значит, госпожа Гейз и ее дочь не могли видеть его. Т. Вакашима так и не дает однозначного объяснения этому анахронизму, но предполагает, что это «не ошибка автора, а ошибка Гумберта», и что подобная «фальсификация» указывает на ненадежность его памяти и крайнюю субъективность повествования (впрочем, исследователь допускает мысль о том, что в «романной вселенной» этот фильм вышел раньше, чем в реальности конкретно-исторической).

Интересна в контексте обсуждаемой темы позиция И. Смирнова [7], который называет «Лолиту» «антикинороманом» и объясняет это тем, что В. Набоков развенчивает культ кино, вплетая его в литературный контекст середины XX в. Он указывает на параллели между романом и фильмами русского режиссера Е. Бауэра «За счастьем», «Дитя большого города» и «Дети века». Примечательно, что героиня кинокартины «За счастьем» Ли в финале теряет зрение, у Лолиты тоже развивается близорукость, из-за которой она начинает носить очки. Декорации многих сцен в романе также схожи с декорациями фильма Е. Бауэра (автомобиль, на котором увозят героиню от главного героя, веранда и скамейка как места их романтических встреч и

так далее). За счет подобных отсылок, как считает И. Смирнов, реализуется метафора о невозможности духовного возрождения литературы на путях ее взаимодействия с кинематографом (как невозможно было возвращение Гумберта во времена его детской любви благодаря роману с Лолитой).

Об экранизации «Лолиты» 1962 г., для которой В. Набоков сам создавал сценарий в соавторстве со С. Кубриком, написано немало, но в целом оформились две контрастные точки зрения на этот фильм. В качестве иллюстраций этих оценочных полюсов приведем мнения Р. Стэма [12] и Т. Аллена Нельсона [14]. Первый в своей работе «Рефлексия в кино и литературе: от Дон Кихота до Жана Люка Годарда» (“Reflexivity in Film and Literature: From Don Quixote to Jean Luc Godard”) писал, что С. Кубрик не смог сохранить все кинематографические аллюзии, которые присутствовали в фильме, что не удалось ему подобрать адекватные эквиваленты в киноязыке и многим собственно литературным приемам В. Набокова. По его мнению, режиссер не смог передать то, что Гумберт характеризует себя как «статного мужественного красавца, героя экрана» [4. С. 71], а госпожу Гейз как «слабый раствор Марлены Дитрих» [4. С. 68]. Второй исследователь, напротив, пишет в работе «Кубрик: в лабиринте сознания кинохудожника» (“Kubrick: Inside a Film Artist’s Maze”) о том, что С. Кубрику удалось, даже опустив по настоянию продюсеров эротические сцены, передать основной игровой принцип, по которому построена любовная коллизия романа, а изменение некоторых сцен в экранизации не противоречит общей авторской концепции. Речь идет о символическом «шахматном» поединке между Гумбертом и Куильти за возможность сделать Лолиту своей «королевой»: благодаря этой базовой метафоре режиссер создает на протяжении всего фильма едва ли не параноидальное сюжетное напряжение.

Действительно, преодолевая стилевые границы кино и литературы, С. Кубрик адаптирует к экрану важные для романа приемы. Сохраняется принцип композиционной рамки первоисточника: роман начинается и заканчивается именем Лолиты, фильм же начинается и заканчивается именем Куильти. В киноленте, как и в романе, повествование ведется от первого лица — в форме закадрового голоса. Кроме того, передаются важные черты характеров персонажей: «шут» Куильти паясничает и улыбается перед лицом смерти, Лолита, перед которой Гумберт

беспомощен (это «волевое неравенство» символически передано в сцене, в которой он красит ей ногти на ногах), сочетает в себе привлекательную женственность и забавную детскость и так далее. С. Кубрик окружает своих героев произведениями искусства — точно так же, как это сделал В. Набоков в романе.

Так, например, госпожа Гейз демонстрирует главному герою в своей спальне репродукции картин Р. Дюфи, К. Моне и В. ван Гога, а также упоминает лекцию Куильти о «Докторе Живаго», Гумберт читает Лолите стихотворение своего любимого поэта Э. А. По и приносит книгу Д. Джойса «Портрет художника в юности». Возникают отсылки и к кинематографическим картинам «Спартак» С. Кубрика и «Проклятье Франкенштейна» Т. Фишера, а сцена борьбы с раскладушкой в номере отеля напоминает комические сцены из фильмов с участием Чарли Чаплина.

Как и в романе, в фильме подчеркнута связь образа Лолиты с кинокультурой. Во-первых, Шарлотта говорит, что ее дочь «ведет себя, как кинозвезда». Во-вторых, у девочки в комнате висят вырезки из киножурналов, в том числе реклама с портретом Куильти. В-третьих, она говорит Гумберту, что не любит иностранных фильмов. Наконец, Куильти обещает ей контракт с киностудией, но в итоге предлагает сниматься в «артистическом фильме». Чтобы увезти Лолиту из Бердсли, главный герой картины придумывает, что его пригласили в качестве консультанта в Голливуд на съемку «экзистенциалистского» фильма.

Кроме того, в ряде сцен, когда главные герои остаются наедине, в кадре фигурирует телевизор. Впервые он появляется в номере отеля, где герои останавливаются после смерти госпожи Гейз, а потом многократно мелькает на экране по мере движения сюжета, в последний раз появляясь в сцене финальной встречи Гумберта с Лолитой. Образ телевизора в экранизации не только символизирует массовую культуру (в частности, кинематограф), но и служит косвенным напоминанием о телесценаристе Клэре Куильти, безостановочно преследующем Лолиту и Гумберта.

Экранизация Э. Лайна 1997 г. значительно уступает фильму С. Кубрика в плане уровня интермедиального перевода и использования кинематографических аналогов литературных приемов и художественной игры В. Набокова. Как утверждает М. да Силва [11] в статье «О субъек-

тивной эстетике “Лолиты” Э. Лайна» (“On the Subjective Aesthetic of Adrian Lyne’s Lolita”), фильм лишен юмора, свойственного фильму С. Кубрика, однако он погружает зрителя в «субъективную эстетику» Гумберта. По мнению исследователя, режиссер создает конфликтную психологическую ситуацию, в которую втянуты два полярно противоположных характера, и предлагает сопереживать, по сути, безумцу, для которого Лолита является воплощением его души (этот смысл не был эксплицирован в экранизации С. Кубрика, хотя романский Гумберт не раз называет ее «душечкой»).

Придерживаясь сюжета литературного оригинала, режиссер ведет диалог скорее с уже существующей киноэкранизацией, чем с литературным текстом. Связь с предыдущим фильмом устанавливается через экспозиционную сцену с видом дороги, через закадровое повествование от первого лица, через крупный план ступни Лолиты с накрашенными ногтями, отсылающими к более ранней экранизации. Переосмыслен в новой киноверсии сам образ Лолиты: теперь она ассоциируется с маленьким демоном, который искушает свою жертву и издевается над ней. Демоническая сторона ее характера проявляется с самого начала фильма, когда девочка отказывается идти с матерью в церковь, которую называет мерзким местом.

На всем протяжении киносюжета она ведет себя как маленький чертенок, ее настроение резко меняется, а во время одной из ссор с Гумбертом она даже кричит ему: «Убей меня, как ты убил мою мать!», угадывая его тайные мечты о смерти госпожи Гейз. Показательна сцена, когда Гумберт возвращается в номер гостиницы и видит Лолиту с размазанной помадой: она неуклюже лжет ему, что не покидала номера (зрители, однако, понимают, что она выходила встречать Куильти). Гумберт разоблачает ее, но она демонически смеется над его ревностью и страданием. Из «ребенка века» она, таким образом, превращается в опасное существо, манипулирующее чувствами и разумом главного героя. Однако самое показательное в этой экранизации то, что в ней почти нет интересующих нас интермедиальных кинематографических отсылок.

Итак, роман В. Набокова «Лолита» утверждает кинематограф как чарующую и пугающую эмблему нового поколения, и происходит это на разных уровнях. На уровне сюжета любовь Гумберта и Лолиты разрушается связью девочки

с человеком из мира кино и телевидения. На уровне романной поэтики старомодный Гумберт, пытаясь донести до присяжных свое мировидение, нисходит до киношаблонов, популярных в современном обществе. На метауровне глобальных авторских обобщений особенно важно то, что главный герой выражает презрение к «детскости» сознания, формируемого «голливудоцентричной» культурой, однако сам не может полностью закрыться от ее влияния.

Первая по времени и в целом, как нам кажется, более успешная экранизация, над которой В. Набоков работал совместно со С. Кубриком, передает эти ключевые для понимания смысловых нюансов романа металитературные и мета-

искусствоведческие аспекты. Вторая экранизация, как мы постарались показать, намеренно отклоняется от решения этой задачи, концентрируясь на более подробной передаче сюжета произведения и будто выявляя его внутреннюю «кинематографичность». Таким образом, в рамках разговора о проблеме интерпретации художественного текста в кино можно высказать предположение, что литературное произведение лучше всего откликается на интермедиальный «перевод» в том случае, когда оно уже содержит в себе синтетический (так сказать, «синематурный») потенциал, что мы и стремились продемонстрировать на материале романа «Лолита» и двух его экранизаций.

Список литературы

1. Аронсон, О. Кино, Вирджиния Вульф и опыт времени / О. Аронсон // Киновед. зап. — 2004. — № 69.
2. Базен, А. За нечистое кино. (В защиту экранизации) / А. Базен // Что такое кино? — М., 1972. — 384 с.
3. Леденев, А. Набоков и другие: поэтика и стилистика В. Набокова в контексте художественных исканий первой половины XX века / А. Леденев. — Ярославль, 2004. — 255 с.
4. Набоков, В. Лолита : роман / В. Набоков. — СПб., 2004.
5. Набоков, В. Стихотворения / В. Набоков. — СПб., 2002. — 344 с.
6. Ромм, М. Вопросы киномонтажа / М. Ромм. — URL: <http://lib.vkarp.com/2011/01/26/михаил-ромм-вопросы-киномонтажа/>.
7. Смирнов, И. Видеоряд. Историческая семантика кино / И. Смирнов. — СПб., 2009. — 402 с.
8. Тынянов, Ю. Кино — слово — музыка / Ю. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 320–322.
9. Эйзенштейн, С. М. Диккенс, Гриффит и мы / С. М. Эйзенштейн // Избранные произведения : в 6 т. — М., 1964–1971. — Т. 5.
10. Gerard De Vries, D. Barton Johnson, Liana Ashenden. Nabokov and the Art of Painting / D. Gerard De Vries. — Amsterdam, 2006. — 224 p.
11. Michael Da Silva. On the Subjective Aesthetic of Adrian Lyne's Lolita / Michael Da Silva. — URL: <http://sensesofcinema.com/2009/feature-articles/on-the-subjective-aesthetic-of-adrian-lynes-lolita/>.
12. Stam, R. Reflexivity in Film and Literature: From Don Quixote to Jean Luc Godard / R. Stam. — New York, 1992. — 285 p.
13. Tadashi Wakashima. Double Exposure: On the Vertigo of Translating Lolita / Wakashima Tadashi. — URL: <https://www.libraries.psu.edu/nabokov/wakashima.htm>.
14. Nelson, Th. A. Kubrick: Inside a Film Artist's Maze / Th. A. Nelson. — Bloomington, 1982. — 268 p.

Сведения об авторе

Высочанская Анастасия Михайловна — аспирантка кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия. stasyaleta@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 10—16.

“LOLITA” AND CINEMATOGRAPH: ON INTERMEDIATE ALLUSIONS AND TRANSLATION

A. M. Vysochanskaia

Moscow State University. M. V. Lomonosov, Moscow, Russia. stasyaleta@yandex.ru

This article is dedicated to the intermediate interaction between cinema and literature by the example of V. Nabokov’s “Lolita”. Cinematic code of the novel reveals itself in a form of allusions to specific films, genres, patterns and roles which are most typical for American cinematograph. Thus, the aim of our research is discovering the elements of this code and establishing their role in the novel. Moreover, it seems interesting to analyze the way cinematic code reveals itself in the screen versions of Nabokov’s literary work. During the intermediate translation of the novel to the language of cinema this code adapts (like in S. Kubrick’s movie) or reduces (like in A. Lyne’s film). However both screen versions transferred the original text to the cinematic platform successfully, which might be explained by the fact that the cinematic code in the novel allowed it to become a fertile material for the intermediate translation. With the aid of textual and intermediate analysis we show on the example of the interconnection between literary and cinematic poetics how these two both distant and close to each other types of art can interact.

Keywords: *Nabokov, intertext, cinema, intermediate translation.*

References

1. Aronson O. Kino, Virginia Woolf i opyt vremeni [Cinema, Virginia Woolf and the Experience of Time]. *Kinovedcheskije zapiski* [The Notes on the Film Studies], 2004, no. 69. Available at: <http://www.kinozapiski.ru/print/sendvalues/90/>. (In Russ.).
2. Bazen A. Za “nechistoje” kino. (V zash’itu ekranizacij) [For “Impure” Cinema: In Defence of Screen Versions]. Bazen A. *Chto takoje kino?* [What Is Cinema?]. Moscow, 1972. 384 p. (In Russ.).
3. Ledenev A. *Nabokov I drugije: poetica I stilistika V. Nabokova v kontekste hudozhestvennyh iskanij pervoj poloviny XX veka* [Nabokov and the Others: Poetics and Stylistics of V. Nabokov in a Context of Artistic Searches of the First Half Of XX Century]. Yaroslavl, 2004. 255 p. (In Russ.).
4. Nabokov V. *Lolita: Roman* [Lolita: The Novel]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.).
5. Nabokov V. *Stihotvorenija* [Poems]. St. Petersburg, 2002. 344 p. (In Russ.).
6. Romm M. *Voprosy kinomontazja* [Questions of Cinematic Montage]. Available at: <http://lib.vkarp.com/2011/01/26/михаил-ромм-вопросы-киномонтажа/>. (In Russ.).
7. Smirnov I. *Videoryad. Istoricheskaya semantica kino* [The Video. Historical Semantic of Cinema]. St. Petersburg, 2009. 402 p.
8. Tynyanov Y. Kino — slovo — muzyka [Cinema — Word — Music]. *Poetica. Istorija literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, 1977. Pp. 320–322. (In Russ.).
9. Eizenshtein S. Dickens, Griffit i my [Dickens, Griffit And Us]. Eizenshtein S.M. *Izbrannye proizvedeniya : v 6 t. T. 5* [Selected works in 6 vol. Vol. 5]. Moscow, 1964–1971. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/html/052012/16052012-02a.html>. (In Russ.).
10. Gerard De Vries, D. Barton Johnson, Liana Ashenden. *Nabokov and the Art of Painting*. Amsterdam, 2006. 224 p.
11. Michael Da Silva. *On the Subjective Aesthetic of Adrian Lyne’s Lolita*. Available at: <http://sensesofcinema.com/2009/feature-articles/on-the-subjective-aesthetic-of-adrian-lynes-lolita/>.
12. Stam R.. *Reflexivity in Film and Literature: From Don Quixote to Jean Luc Godard*. New York, 1992. 285 p.
13. Tadashi Wakashima. *Double Exposure: On the Vertigo of Translating Lolita*. Available at: <https://www.libraries.psu.edu/nabokov/wakashima.htm>.
14. Nelson Th. A. *Kubrick: Inside a Film Artist’s Maze*. Bloomington, 1982. 268 p.

УДК 39.398
ББК 82.3(2)

МЕЖДУ ФОЛЬКЛОРОМ И ЛИТЕРАТУРОЙ (к творческому портрету Д. М. Торопова)

А. А. Зыков

Курганский государственный университет, Курган, Россия

В статье рассматривается «наивное» творчество зауральского крестьянина-краеведа первой четверти XX в. Д. М. Торопова, раскрываются понятия терминов «низовая фольклористика» и «наивная литература». Также выявляются связи творчества Д. М. Торопова с фольклором и литературой.

Ключевые слова: *«наивная литература», «низовая фольклористика», фольклор, традиции, поэтическое творчество, Шадринский район, песенник, «Новый русский Наутилус», Д. М. Торопов.*

Дмитрий Михайлович Торопов (1899–1933) — крестьянин-фольклорист, проживший недолгую жизнь в разных селениях современного Шадринского района. Слабому здоровью, малограмотному, ему удалось составить объемную рукописную книгу, вобравшую более 600 фольклорных текстов, поэтических шедевров русской и зарубежной классики, а также произведения его собственного сочинения. Собрание Торопова «Новый русский Наутилус» хранится в коллекции В. П. Бирюкова в Государственном архиве Свердловской области за номером Р-2757 (3). Бирюков отмечал, что «после Торопова осталась странного вида книга размером до полутора тысяч страниц в восьмушку писчего листа, мелко исписанная исключительно печатным почерком. В сущности, тут несколько книг, переплетенных неумелой рукой в одну... После каждого слова, напечатанного от руки, стоит точка. Кроме того, текст обильно снабжен рисунками, сделанными чернилами, иногда рисунки раскрашены синим и красным карандашом. Рисунки либо орнаментального порядка, напоминающие узоры на полотенцах деревенского шитья, либо всякого рода сценки, сделанные по-ребячьи, но зачастую с очень большой экспрессией» [2. С. 350]. Следует также отметить, что часть архива, сохранившегося до настоящего времени, состоит из семи отдельных конвертов, датированных 1916–1919 гг. Отдельные страницы утрачены, на некоторых отсутствует нумерация. Составителем собрания и автором ряда произведений рукописи дано название «Наутилус. Собрание новейших песен». Это название варьируется: «Новый русский Наутилус», «Новосвободный Наутилус». Исследование этого собрания выявляет круг чтения шадринской провинциальной деревни начала

XX в. Зажиточность, наличие культурных центров и ярмарки, развитие ремесел и промыслов, наличие церквей с их школами влияли на рост грамотности, потребность в книге. Рукопись Д. М. Торопова свидетельствует о начитанности составителя, его высокой аксиологической шкале восприятия литературы.

Содержание рукописной книги обязывает дать определение ряда терминов: «низовая фольклористика» и «наивная литература». Первый был предложен М. К. Азадовским. «Наряду с различными проявлениями фольклоризма в разных слоях дворянского и буржуазного общества необходимо отметить еще факты низового, или массового, фольклоризма... Пожалуй, большее значение для последнего, а особенно для истории фольклористики, имеют многочисленные рукописные сборники и списки песен, былин, сказок, пословиц и других видов фольклора, весьма распространенные в ту эпоху. Рукописная традиция в русской жизни продолжала существовать и позднее, вплоть до нашего времени... Каким-то неизвестными любителями, книжниками, собирателями записывают народные песни, былины, заносят в свои сборники сказки, пословицы, загадки...» [1. С. 102–103].

«Низовая фольклористика» — самостоятельная фольклористическая работа. В Зауралье ее становление связано с именем А. Н. Зырянова, показавшего пример служения крестьянской культуре, в том числе и вербальной. Приисетское «культурное гнездо» (семья Флоринских-Кокосовых, И. М. Первушин, протоиерей Далматовского монастыря О. С. Плотников) способствовало становлению фольклористов Бирюковых, в первую очередь, В. П. Бирюкова. Зауральские краеведы не только собирали фольклор, но и публиковали его,

привлекали к работе крестьянство (И. М. Первущин, В. П. Бирюков), пробуждая в них интерес к фиксации различных фольклорных жанров. Составляя рукописные сборники, они дополняли их собственными сочинениями, тем самым ставя себя в один ряд с фольклорной традицией и вместе с тем — с литературой. Так «низовая фольклористика» устанавливала связи с «наивной литературой».

Термин «наивная литература», как известно, ввел в научный оборот С. Ю. Неклюдов. Под ним он понимал, в первую очередь, «прозаические и поэтические опусы неумелых людей, подражающих образцам “высокой словесности”» [5. С. 7]. В настоящее время под руководством С. Ю. Неклюдова действует интернет-проект «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика», в рамках которого также рассматриваются проблемы изучения «наивной литературы». Согласимся с мнением участника проекта Е. В. Кулешова, считающего, что большинство текстов, отнесенных к «наивной литературе», написаны крестьянами-непрофессионалами. «Представляется, что здесь мы имеем дело с исторически обусловленным явлением, расцвет которого предположительно можно отнести к XX веку, хотя из-за отсутствия не только статистики, но и сколько-нибудь заметного корпуса текстов, иллюстрирующих историю явления, приходится быть крайне осторожным даже в предположениях... Литератор из народа, создавая свои произведения, ориентируется на определенные литературные образцы, а несоответствие написанного прототипу может быть разительным, причем несовпадение это проявляется не только в отношении языка или поэтики опуса (что очевидно), но и в отношении прагматики текста... Таким образом, произведения “наивной литературы” можно рассматривать как источник для изучения рецепции произведений “высокой” словесности необразованным читателем. Очевидно, что для “наивного” литератора важнейшей составляющей литературного произведения является установка на воспроизведение “правды жизни”, с одной стороны, и на авторскую самоидентификацию, с другой» [9].

Одно из ведущих свойств «наивного и непрофессионального творчества провинциальных авторов», по мнению И. Е. Ивановой, — «мифологизация провинциального пространства». Это выразилось «в стремлении всех без исключения авторов отразить в своем творчестве до-

стоинства (исторические и культурные) региона, заявив о них в поэтической форме» [4. С. 31]. На основе курских периодических изданий О. С. Стрелкова отметила, что художественная ценность «наивной литературы», «как правило весьма незначительная с литературной точки зрения, может быть признана такой лишь на первый взгляд, поскольку поэтическое творчество провинциальных авторов, являясь, бесспорно, литературно вторичным по отношению к высоким литературным образцам, перерабатывает последние в целях создания произведений, доступных для «низового» читателя и удовлетворяющих его эстетические потребности. Тем не менее в настоящее время наивное творчество провинциальных авторов остается крайне малоисследованным явлением культурной жизни русской провинции XIX — начала XX в. (большая часть в силу недоступности или недостаточности текстов, хотя и определенный скептицизм в данном вопросе продолжает иметь место). Как правило, нежелание рассматривать наивные произведения объясняется их художественными недостатками, выявление которых считается одним из критериев определения таких текстов [6]. В. П. Федорова справедливо отмечает, что «публикации, обсуждения, а, главное, — наличие самих произведений убедительно говорят о том, что проблемы изучения “наивной литературы” есть» [8]. Согласимся с С. Е. Никитиной в том, что исследования этой формы словесности «могут проводиться с разных точек зрения и с различными целями». Один из подходов — изучение «ее ценностных ориентиров» [7. С. 24–25]. Помимо проблемы нехватки источников, вызывает трудности идентификация «наивного» творчества. В частности, А. А. Панченко отмечает, что «термин “наивная литература” представляется достаточно проблематичным по нескольким причинам. Во-первых, эпитет “наивный” по определению связан с областью рецепции. Никто из нас не станет повторять: “Я наивен” — но мы легко можем назвать наивным другого. Кроме того, сама по себе категория наивности может апеллировать к самым разным системам нормативов эстетического, этического, социально-экономического и иного порядка. В связи с этим не очень понятно, кто, собственно говоря, должен постулировать наивность “наивной литературы”: ее первоначальный адресат (адресаты), какая-либо аудитория “вторичного порядка” или, наконец, мы — исследователи-гумани-

тарии, также обладающие некоторым фоновым знанием того, что такое “литература” и что такое “наивность”? Ситуация еще более усложняется в исторической перспективе: то, что вчера казалось неправильным или неумелым использованием нормативной поэтики, сегодня будет восприниматься как текст, обладающий независимыми эстетическими достоинствами. Взаимные пересечения авторских интенций и читательской рецепции (особенно — если речь идет об отношениях с достаточно развитой системой коммуникаций) образуют в этом смысле чрезвычайно сложную мозаику, которая вряд ли дает возможность говорить о каких-либо стабильных тенденциях» [9]. Поставленные вопросы, конечно, требуют решения, и решаются они не всегда гладко. В частности, позволим себе лишь отчасти согласиться с классификацией О. С. Стрелковой, выделившей три основных определяющих критерия наивного поэтического текста: «1) рукописная продукция, имеющая “спонтанный” характер, производимая на “потребление”, а не на “сбыт”, то есть адресованная узкому кругу читателей, не претендующая на “профессионализм”; 2) результат индивидуального творчества с ярко выраженной авторской позицией; 3) наивное произведение, возникшее на основе невладения навыками литературного мастерства» [6]. Автор данной классификации упустила важный компонент — грамотность. Знакомство с текстами «наивной литературы» убеждает в том, что большинство авторов показывают «невладение» нормами орфографии и пунктуации, а также индивидуального литературного стиля. Поэтому за образец, как правило, берется произведение известного поэта. Отсюда одним из критериев, идентифицирующих «наивную литературу» — подражательность.

В Зауралье ярким примером «наивной литературы» может служить комплекс текстов, сочиненных Д. М. Тороповым («Горькая доля моя», «Сиротская доля», «В полеводческом селении», «У креста», «Трудна нынче доля», «Злободневная песня», «Горька и постыла доля бедняка», «Песня про солдаток» и др.). Торопов ставит себя между фольклором и литературой. Так, в аннотации сказано: «*Песни из русской, германской и австрийской, турецкой войны (1914–1915, 1916 года), военные песни и рассказы и песни сочинения Димитрия Михайловича Торопова из деревенского быта и сочинения Пушкина, Лермонтова и Никитина, Кольцова и других*» [3. С. 1].

Открывает сборник эпиграф, взятый из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»:

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит* [3. С. 8].

Заданная культурная планка, по мнению В. П. Федоровой, стала возможна благодаря творчеству Н. А. Некрасова, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, И. З. Сурикова, С. Я. Надсона, Я. П. Полонского и др. «Сборник Д. М. Торопова — ответ на вопросы священнослужителей о человеке вообще, зауральце в частности, о духовности земляков» [8]. Своим становлением «наивная литература» обязана и литературному фону своего времени.

К сожалению, о жизни талантливого зауральского крестьянина нам известно мало. По воспоминаниям В. П. Бирюкова, «это был интересный представитель старой зауральской деревни. Родился он в селе Крестах Шадринского уезда, в тех самых Крестах, где когда-то существовала огромная по своим оборотам ярмарка <...> Сын бедняка, Торопов рано остался сиротой. Он, несмотря на сильную близорукость, выучился грамоте и много читал, что попадет под руки» [2. С. 349–350].

Отдельные штрихи жизни Торопова отражены в его творчестве. В частности, мотив сиротства продиктован личной судьбой. В духе Н. А. Некрасова, И. З. Сурикова, И. С. Никитина сиротство названо «горькой долей»:

<i>В Крестовском селении —</i>	<i>Сколько мы прожили</i>
<i>Я родился там.</i>	<i>После нее год,</i>
<i>Это приключение</i>	<i>Время проводили,</i>
<i>Расскажу друзьям.</i>	<i>Что же вышло? Вот:</i>
<i>И тогда был малый,</i>	<i>Здесь теперь живу я</i>
<i>Просто поживал,</i>	<i>У дяди своего,</i>
<i>Мой отец удалый</i>	<i>Помня участь злую,</i>
<i>Честно работал.</i>	<i>Только и всего.</i>
<i>И когда во время</i>	<i>Из своего детства</i>
<i>Выьет и вина,</i>	<i>Много увидал.</i>
<i>Знал свое он время,</i>	<i>Жизнь из малолетства</i>
<i>Работал сполна.</i>	<i>Всю вам рассказал.</i>
<i>Жил с ними привольно</i>	<i>Эх, горькая доля,</i>
<i>Лишь десяти лет.</i>	<i>Доля бедняка —</i>
<i>Мать моя невольна</i>	<i>Слезы и неволя,</i>
<i>Оставила свет.</i>	<i>Горе мужика</i> [3. С. 12].

Мировоззрение Торопова формировалось в трудный период начала XX в. (войны, голод, революции). Проблемы сиротства, несправедливой тяжелой доли были актуальны во все времена. Русская литература, пронизанная сочувствием к слабым и угнетенным, всегда обращала внимание на эти вопросы и стремилась дать на них ответ. С особой пронзительностью говорит Н. А. Некрасов о судьбе детей-сирот, которые вынуждены сами зарабатывать на хлеб работой на фабрике («Плач детей»). В лирике Кольцова бедняк не только жалуется на свою судьбу, он умеет бросить ей вызов, смело пойти навстречу любым препятствиям. Тема сиротства, тяжелой доли пронизывает лирику И. З. Сурикова.

*Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!
Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька!
(«Доля бедняка»)*

Источник поэтических мотивов Торопова — суровые жизненные обстоятельства. Суровое столкновение с жизнью наложило отпечаток на все его творчество. Тема сиротства, одиночества, тяжелой доли связывает ряд произведений в цикл. Личная судьба приобретает характер обобщения. Размышления о частной жизни выводятся на уровень философских заключений. Пример тому — песня «Сиротская доля»:

*Как вспомнишь об этом ужасно,
Что немного простой человек
Все обиды он терпит несчастный
И страдает бедняга весь век...
Уж такая сиротская участь —
Крест тяжелый до гроба нести.
Всю жизнь так живи, всегда мучись,
Отрады нигде не найти [З. С. 13].*

В тексте звучат устойчивые мотивы протеста против несправедливого устройства жизни, беспощадного гнета зажиточных купцов. Выходец из крестьянской бедноты, Д. М. Торопов сам был готов вступить в борьбу с несправедливостью окружающей его действительности. Так, в этой же песне в духе времени звучит открытый призыв к обездоленным встать на защиту своих прав и свобод. В этом заключается авторская позиция.

*Но надо поднять наше восстание
И восстать на защиту свою.*

*Приведем всех врагов в содроганье,
Собравши всю силу свою [З. С. 14].*

Следует сказать, что все тексты Д. М. Торопова пронизывают устойчивые мотивы протеста против социальной несправедливости («Когда б он знал», «Горе не знавал он», «У могилы матери», «Доля моя злая», «Доля наша злая», «Сиротка», «Было время ведь такое»). Однако, вытерпев многое (сиротство, семейную неустроенность, унижение, ложь и беззаконие), Торопов продолжает верить в добро, чудо, проповедует доброжелательное отношение к миру. В записях также можно встретить размышления о тяжелой судьбе осиротевшего крестьянина, живущего в отдаленном уголке России.

Отсутствие семьи, изменение традиционных устоев крестьянского лада привели к нарушению «своего» пространства, внутреннему противоречию с окружающей действительностью. Безусловно, деревенскую «бедноту» привлекали громкие революционные лозунги, но крестьянский менталитет с традиционным взглядом на устройство мироздания. Отсюда трагические мотивы, связанные с сиротством, скукой, угнетением. «Исторически русская крестьянская семья предполагала гармоничность обязанностей, каждый делал свое дело, выполнял ему предназначенные функции» [6. С. 28]. Торопову не дано было ощутить это чувство, но он постоянно стремился приблизиться к нему, понять, осознать. Возможно, именно этот факт стал причиной зарождения безмерной пытливости автора. Торопову хотелось войти в то русло философии, которое объясняет мир и его тайны, раскрывает особенности социального неравенства, бытового уклада. В одном из примечаний к записанной им легенде он говорит о том, что «человек ищет истину и, как охотник, бродит за ней по лесу. Чаша какая-то кругом, впереди болотная топь, время, как дятел, отсчитывает потерянные мгновения. Одиноко, тоскливо. Как быть? Где искать красоты жизни? Радости и счастье ее в вечных, старых, седых, как мир, человеческих истинах, в истинах о Боге, о Божьей правде, но Божьей любви. Кто даст свободу телу, губит душу» [З. С. 636]. Торопов расширяет контекстное поле общеизвестных локальных фольклорных сюжетов собственными зарисовками и поэтическими «наивными» текстами.

Список литературы

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М., 2014. — 1056 с.
2. Бирюков, В. П. Дореволюционный фольклор на Урале / В. П. Бирюков. — Свердловск, 1936. — 364 с.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2757, коллекции 1193–1195. — 1258 с.
4. Иванова, И. Е. Фольклор в системе журналистских жанров: мифосмыслы и мифотворчество (по материалам провинциальной — тверской — периодики XIX в.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. Е. Иванова. — Тверь, 2006. — 46 с.
5. Неклюдов, С. Ю. Наивная литература: исследования и тексты / С. Ю. Неклюдов. — М., 2001. — 246 с.
6. Стрелкова, О. С. Феномен наивного поэтического творчества (по материалам издания «Курские епархиальные ведомости») / О. С. Стрелкова // Ученые зап.: электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. — 2011. — № 1 (17). — URL: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=18>.
7. Федорова, В. П. Хронотоп «наивной литературы» Зауралья / В. П. Федорова // Культура провинции : сб. науч. ст. — Курган, 2010/4. — С. 24–29.
8. Федорова, В. П. Бирюков. Собиратель и хранитель частных архивов / В. П. Федорова // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры» : материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 25–26 февр. 2011 г. : в 2 ч. / ред. Н. Г. Апухтина. — Челябинск, 2011. — Ч. II. — 350 с.
9. Материалы Круглого стола: обсуждение «Что такое “наивная литература”?» // Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика. — URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/bel_circl.html.

Сведения об авторе

Зыков Антон Андреевич — аспирант кафедры истории литературы и фольклора, Курганский государственный университет. Курган, Россия. az_zykov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). *Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 17–22.*

BETWEEN FOLKLORE AND LITERATURE (a creative portrait D. M. Toropov)

A. A. Zykov

Kurgan State University, Kurgan, Russia. az_zykov@mail.ru

In this article we consider the “naive” art D.M. Toropov Zaural peasanthistorian of the first quarter of the XX century, concepts of the terms “blowing folklore” and “naive literature”. Detected due to the creativity D.M. Toropov folklore and literature.

Keywords: “naive literature”, “blowing folklore”, *folklore, traditions, poetry, Shadrinsk province, songwriter, “New Russian Nautilus”, D.M. Toropov.*

References

1. Azadovskiy M.K. *Istoriya russkoi folkloristiki* [History of Russian folklore]. Moscow, 2014. 1056 p. (In Russ.).
2. Biryukov V.P. *Dorevolucionnii folklor na Urale* [Pre-revolutionary folklore on the Urals]. Sverdlovsk, 1936. 364 p. (In Russ.).
3. *Gosudarstvennii arhiv sverdlovskoi oblasti* [State Archive of Sverdlovsk Region]. Fond P-2757, kollekcii 1193–1195. 1258 p. (In Russ.).
4. Ivanova I.E. *Folklor v sisteme jurnalisticheskikh janrov: mifosmisli i mifotvorchestvo (po materialam provincialnoi tverskoi periodiki XIX veka)* [Folklore in the system of journalistic genres: myths and myth-making]. Tver, 2006. 46 p. (In Russ.).

5. Neklyudov S.Y. *Naivnaya literature: issledovaniya i teksti* [Naive literature: research and texts]. Moscow, 2001. 246 p. (In Russ.).
6. Strelkova O.S. *Fenomen naivnogo poeticheskogo tvorchestva* [The phenomenon of naive poetic creativity]. Kursk, 2011. Available at: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=18>. (In Russ.).
7. Fedorova V.P. *Hronotop «naivnoi literaturi» Zauralya* [Chronotope Zaural's "naive literature"]. Kurgan, 2010. Pp. 24–29. (In Russ.).
8. Fedorova V.P. Biryukov. *Sobiratel i hranitel chastnih arhivov* [Biryukov. Collector and custodian of private archives]. Chelyabinsk, 2011. Available at: http://manytexts.com/lazarevskie_chteniya/379-v-p-biryukov-sobiratel-i-hranitel-chastnyh-arhivov.html. (In Russ.).
9. «Chto takoe “naivnaya literature”?» [What is “naive literature”?]. *Folklor i postfolklor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics]. Available at: http://www.ruthenia.ru/folklore/bel_circl.html. (In Russ.).

УДК 316.77
ББК 76.0

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИМ СМИ НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ XIX ВЕКА FREEDOM'S JOURNAL И ОНЛАЙН-ИЗДАНИЯ XXI ВЕКА FREEDOM'S JOURNAL MAGAZINE

А. А. Ильинская

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается реализация принципа преемственности этнического СМИ посредством сохранения и адаптации в соответствии с требованиями времени типологических параметров периодического издания, а также трансляции культурных кодов, свойственных конкретному этносу. Реализация данного принципа анализировалась на материале первой афро-американской газеты *Freedom's Journal* (1827–1829 гг.), а также ее современного ремейка *Freedom's Journal Magazine* (2008–2017 гг.).

Ключевые слова: этнические СМИ, афро-американские СМИ, СМИ XIX в., СМИ XXI в., типологические параметры, культурный код, *Freedom's Journal*, *Freedom's Journal Magazine*.

Этническая журналистика раскрывает события, происходящие в жизни этноса. Именно в журналистике начинается поиск идеи развития, происходит напряженное переосмысление укоренившихся представлений, проявляется видение различных национальных проблем и их решений. Этническая журналистика афроамериканцев насчитывает почти двести лет с момента создания первой газеты *Freedom's Journal*, издававшейся с 1827 по 1829 г. Опыт этнических СМИ чернокожих США — один из старейших, проверенных временем и динамикой развития общественно-политических идей и парадигм разных исторических этапов. Анализ типформирующих (типологических) параметров, транслируемых культурных кодов, традиций первой афро-американской газеты, вызвавшей к жизни всю афро-американскую журналистику, и сохранившей свои черты в одноименном онлайн-издании XXI в., делает афро-американскую журналистику ярким примером реализации принципа преемственности.

Обобщенный опыт ведущих исследователей типологии периодических изданий А. И. Аكوпова [1], А. Г. Бочарова [4], В. В. Ворошилова [5], С. М. Гуревича [8], С. Г. Корконосенко [13], Е. А. Корнилова [14], Е. П. Прохорова [15], А. А. Тертычного [17], М. В. Шкондина [19]. Работы в области этнической журналистики И. Н. Блохина [2], О. А. Богатовой [3], А. М. О. Гасанова [7], Р. Л. Исхакова [9], П. Н. Киричек и П. Ф. Потапова [10], А. Н. Кондаковой [12] позволили выделить типологические параметры этнического периодического издания, среди которых

есть как первичные, непосредственно влияющие на издание, так и вторичные, оказывающие эффект на средство массовой информации опосредованно.

К первичным относятся такие параметры, как: 1) социальные факторы возникновения; 2) аудитория; 3) проблематика; 4) реализуемые функции; 5) авторский состав / издающий орган. Социальные факторы возникновения необходимы для понимания контекста, условий, в которых вынуждено существовать этническое СМИ.

Аудитория — неотъемлемая составляющая любого издания. Этническое СМИ обладает возможностью быть адресованным как к своим непосредственным читателям, представителям конкретного этноса, так и к принимающему обществу.

Проблематика этнического средства массовой информации имеет специфику, выражающуюся в соответствующих культурных кодах этноса. Наибольшую реализацию культурные коды получают именно в повестке дня, создаваемой СМИ. «Культурные коды формируют “тематическое поле”, “систему координат”, “субъективную реальность”, в которой значимые для индивида объекты будут размещены. Индивид обычно не способен определить, какой культурный код является для него важным, а какой — неважным. Культурный код позволяет выстраивать гибкий алгоритм коммуникации в обществе» [11. С. 10]. Следовательно, знание культурных кодов, верная их интерпретация, дешифровка и актуальное их использование становятся ключевыми факторами

культурного и межкультурного сотрудничества и взаимопонимания. Культурный код выступает в роли инструмента социализации и самоидентификации, соотношения себя с определенными социальными, профессиональными, этническими и другими группами. Он универсален за счет отсутствия иерархии, является источником интерпретации разнообразных перемен в жизни этноса, его самосознания, а также реализует потребность своего народа в связи с собственными культурно-историческими истоками. Возвращение к этим истокам возможно благодаря трансляции культурных кодов в СМИ, создающим легко распознаваемое, понятное и единое смысловое пространство для своего этноса, предоставляя при этом возможность социализироваться в принимающем обществе.

Реализуемые этническим изданием функции, согласно подходу А. И. Аكوпова и Д. П. Гавры [6], можно разделить на подуровни: 1) функция этнического СМИ познания собственного бытия реализуется через информационную, аналитическую и познавательную функции журналистики; 2) функция объединения и интеграции подразумевает мобилизационную функцию и функцию организации поведения; 3) функция сохранения и развития культурной самобытности находит свое отображение благодаря культурно-просветительской функции и функции документирования.

Авторский состав нередко сам и выступает в роли издающего органа в связи с распространенной практикой создания, финансирования и продвижения этнических СМИ только энтузиастами и активистами своего сообщества.

Первичные типологические параметры отражают содержание издания.

Вторичные типологические параметры состоят из: 1) жанров; 2) структуры издания; 3) оформления; 4) периодичности; 5) распространения; 6) объема и тиража.

Разнообразие жанров логично рассматривать в соответствии с наиболее полной и комплексной классификацией А. А. Тертычного, который выделяет информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры.

Структура периодического издания отражается в рубрикации, которая, в свою очередь, вносит стройность и согласованность в раскрытие проблематики СМИ.

Оформление — это «лицо» издания, его композиция, удобство в восприятии информации.

Периодичность отображает технические возможности издания.

Распространение передает востребованность издания, его географию.

Такие параметры, как объем и тираж, демонстрируют оптимальный показатель информации, реализуемой СМИ.

Вторичные типологические параметры характеризуют форму издания.

Обобщенный опыт ученых позволил проанализировать особенности первой афро-американской газеты согласно выделенным типологическим параметрам.

Freedom's Journal [21] — первая афро-американская газета, издававшаяся афроамериканцами об афроамериканцах и для афроамериканцев. Основанная 16 марта 1827 г. священником баптистской церкви Самюэлем Корнишем и третьим по счету афроамериканцем, получившим высшее образование, Джоном Рассвумом газета поднимала проблемы рабства и несправедливости американского общества к афроамериканцам.

Аболиционистская по своей направленности, газета приводила аргументы в защиту афро-американского сообщества, служила инструментом защиты и объединения афроамериканцев в условиях рабовладельческого строя на Юге и дискриминации на Севере, проводила кампании по выкупу афроамериканцев из рабства. Самое главное — газета стала голосом своего этноса.

Сопоставление трех периодов эволюции типологических параметров первого печатного органа афроамериканцев *Freedom's Journal* (с 16 марта по 28 сентября 1827 г., с 28 сентября 1827 г. до 5 апреля 1828 г., с 5 апреля 1828 г. и до закрытия газеты 28 марта 1829 г.) дает следующую картину.

В первый период сложилась модель газеты *Freedom's Journal* под редакцией С. Корниша и Дж. Рассвума, включающая вышеперечисленные типологические параметры. Аудиторией газеты были афроамериканцы и американцы Севера и Юга Америки, Гаити, Англии, Ньюарка (Канада). Проблематика делилась на этнически-общинную, социально-политическую и информационно-развлекательную. Проблематика сбалансированно транслировала базовые культурные коды афроамериканцев, выделенные нами вслед за И. М. Удлер [18]: 1) стремление к свободе; 2) грамотность как ключ к свободе; 3) самоидентификация; 4) опора на Библию; 5) связь с африканскими корнями и традициями; 6) коммуникация с белыми американцами. Все три функции

этнического СМИ были реализованы равноправно с небольшим перевесом в пользу функции познания собственного бытия.

В штате *Freedom's Journal* был двадцать один корреспондент, шесть из которых работали в газете постоянно. Издание выходило еженедельно, по пятницам, насчитывало четыре полосы по четыре колонки, с тиражом около 500 экземпляров. Композиция издания была смешанной, инфографика отсутствовала.

Уход главного редактора С. Корниша вызвал к жизни постепенные изменения в типологической модели издания в период с 28 сентября 1827 г. по 4 апреля 1828 г. К этнической функции объединения и интеграции *Freedom's Journal* под редакцией Дж. Рассума добавилась социальная ответственность СМИ, выразившаяся в проведении кампаний по выкупу чернокожих невольников и продвижении литературных и публицистических работ афроамериканцев. Изменение было воспринято аудиторией положительно, судя по повышению тиража издания и расширению сети его корреспондентов. Однако постепенный отход от таких культурных кодов, как опора на Библию и самоидентификация, ведение пропаганды возвращения в Африку, как и потеря четкой тематической организации, принудил *Freedom's Journal* серьезно пересмотреть формат газеты, что подтверждает логичность выстроенной нами схемы типологической модели этнического СМИ афроамериканцев.

С 5 апреля 1828 г. издание меняет практически все вторичные типологические параметры: акценты в жанрах и оформлении, рубрикация утрачивает системность, распространение издания было расширено. Однако тираж сохраняется, как и количество корреспондентов. К зиме 1828 г. окончательно реализуются тенденции в первичных типологических параметрах, наметившиеся сразу после ухода главного редактора. Исчезают прежние тематические доминанты, газета становится средством пропаганды колонизации Африки. Реализуемые средством массовой информации функции также постепенно сводятся к пропаганде колонизации. Культурные коды работают на популяризацию идеи возврата на историческую родину. Доминирующими кодами становятся связь с африканскими корнями и традициями, коммуникация с белыми американцами, получившая негативную коннотацию. Большинство постоянных корреспондентов уходит из-за позиции единственного редактора, из

шести постоянных корреспондентов остаются только двое. Главы общин разрывают отношения с газетой, аудитория открыто отказывается от предлагаемого газетой цивилизационного решения. 28 марта 1829 г. издание прекращает свое существование. Изменение первичных типологических параметров стало роковым для первой афро-американской газеты.

Но *Freedom's Journal* не исчезла бесследно. Вслед за ней создается множество афро-американских газет, порой с очень коротким периодом существования. Тем не менее в них можно проследить следующие традиции первичной модели *Freedom's Journal*: сбалансированная трансляция культурных кодов, реализация всех трех основных функций этнического СМИ, поиск цивилизационного пути развития афроамериканцев, открытость и непредвзятость в его обсуждении с аудиторией.

Афро-американская пресса XIX в. продолжила борьбу, начатую газетой, используя ее фундаментальную идею о том, что темнокожий народ должен сам говорить за себя. Газеты «Райтс ов ол», «Норт стар» боролись за отмену рабства и обретение гражданских прав и свобод своим этносом, «Нэйшнэл уотчмен» отстаивала интересы одного из первых юридически закрепленных и признанных союзов чернокожих — «Афро-американского фермерского союза».

Спустя почти два столетия, в XXI в., *Freedom's Journal* вновь оказалась необходимой своему этносу. В 2008 г. газета появилась под несколько иным именем — *Freedom's Journal Magazine*. В истории современного издания *Freedom's Journal Magazine* представляется возможным выделить два этапа: 1) 2008–2015 гг.; 2) с 2015 г. по настоящее время.

Примечательно, что медиа было анонсировано 26 марта 2008 г. — в день закрытия первой афро-американской газеты. Современное СМИ берет не только название и программу у своего прототипа, но и сохраняет первичные типологические признаки, несколько измененные в соответствии с требованиями эпохи. Сопоставление типологических параметров *Freedom's Journal* до 28 сентября 1827 г. и *Freedom's Journal Magazine* до весны 2015 г. демонстрирует их соотносимость, хотя, разумеется, современный ресурс трансформирует некоторые ее элементы.

Freedom's Journal Magazine [22] — онлайн-ресурс афро-американской консервативной партии. Если говорить о социальных условиях, медиа

было авторским проектом журналиста, ученого, пастора Эрика Уолласа (*Eric M. Wallace*) — еженедельным онлайн-журналом *Freedom's Journal Magazine*. Примечательно, что релиз о начале работы ресурса был обнародован 26 марта 2008 г., то есть приурочен к дате выпуска последнего номера первой афро-американской газеты.

К 2010 г. его предприятие разрослось и превратилось в онлайн-журнал, запустивший в мае того же года собственное онлайн-телевидение *FJMTV (Freedom's Journal Magazine TV)* по принципу продакшн-студии. Программы телевидения не дублируют материалы онлайн-ресурса.

В том же году *Freedom's Journal Magazine* начинает радиовещание онлайн. Радиоэферы представляют собой отдельные программы, также не дублирующие сайт или телепрограммы. С 2014 г. программы выходят в формате подкастов, доступных как на сайте, так и на *iTunes*.

В рассматриваемый период новаторством онлайн-издания стали не только современные каналы распространения. Культурные коды также получили модификацию в соответствии с требованиями времени. Культурный код стремления к свободе потерял свою актуальность в силу исторических событий, в то время как культурный код стремления к грамотности как ключа к свободе трансформировался в стремление к просвещению как ключа к гражданским правам, тем самым наметив новые горизонты в работе СМИ.

Второй период ознаменовался появлением на базе *Freedom's Journal Magazine* весной 2015 г.

общественной организации *Freedom's Journal Institute*, частью которой средство массовой информации остается до сих пор. Организация занимается просветительской и общественной деятельностью. 2017 г. посвящен афро-американской семье, в связи с чем запланирован целый комплекс мероприятий, направленных на сохранение и процветание института афро-американской семьи.

Вряд ли в 1827 г. С. Корниш и Дж. Рассвум могли думать, что их издание окажется столь актуальным сегодня. Рабство отменено, сегрегация преодолена, афро-американское сообщество едино и образованно, но новое время приносит новые трудности, которые теперь придется преодолевать прямому наследнику газеты — сетевому изданию *Freedom's Journal Magazine*, выросшему из авторского проекта в общественную организацию, постепенно набирающую социально-политический вес.

На примере истории первой афро-американской газеты *Freedom's Journal*, афро-американской прессы XIX в. и современного ремейка *Freedom's Journal Magazine* можно сделать вывод, что афро-американское издание будет жизнеспособным — при условии обращения к культурным кодам, их сбалансированной репрезентации, сохранению первичных и вторичных типологических параметров модели, в чем и воплощается принцип преемственности. Соблюдение этого принципа может стать залогом успеха афро-американского этнического СМИ.

Список литературы

1. Акопов, А. И. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция / А. И. Акопов. — Ростов н/Д., 1996. — 88 с.
2. Блохин, И. Н. Этножурналистика в политических процессах: ролевой анализ : дис. ... д-ра полит. наук / И. Н. Блохин. — СПб., 2009. — 510 с.
3. Богатова, О. А. «Конструирование этничности» и этническая пресса / О. А. Богатова // Материалы всерос. науч.-практ. конф. в МГУ им. Н. П. Огарёва. — Саранск, 2003. — С. 149–153.
4. Бочаров, А. Г. Основные принципы типологии современных советских журналов / А. Г. Бочаров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика. — 1973. — № 3. — С. 31–32.
5. Ворошилов, В. В. Журналистика : учеб. пособие / В. В. Ворошилов. — М., 2010. — 320 с.
6. Гавра, Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт / Д. П. Гавра. — СПб., 1995. — 235 с.
7. Гасанов, А. М. О. Средство массовой информации диаспор в структуре этнической журналистики: на примере средств массовой информации азербайджанской диаспоры в России : дис. ... канд. филол. наук / А. М. О. Гасанов. — М., 2007. — 203 с.
8. Гуревич, С. М. Газета вчера, сегодня, завтра : учеб. пособие / С. М. Гуревич. — М., 2004. — 288 с.
9. Исхаков, Р. Л. Этническая журналистика: предметное поле и проблематика / Р. Л. Исхаков // Журналистское образование в XXI веке. — Екатеринбург, 2000. — С. 181–187.

10. Киричек, П. Н. Публицистика и политология: природа альянса / П. Н. Киричек, П. Ф. Потапов. — Саранск, 1995. — 84 с.
11. Клименкова, А. М. Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций / А. М. Клименкова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. — 2013. — № 2. — С. 8–14.
12. Кондакова, Н. Разноязычная пресса России / Н. Кондакова // Пресса и этническая толерантность. — М., 2000. — С. 120.
13. Корконосенко, С. Г. Основы журналистики : учеб. пособие / С. Г. Корконосенко. — М., 2001. — 316 с.
14. Корнилов, Е. А. Журналистика на рубеже тысячелетий / Е. А. Корнилов. — Ростов н/Д., 1999. — 360 с.
15. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. пособие для студентов вузов / Е. П. Прохоров. — М., 2011. — 353 с.
16. Социология журналистики : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. С. Г. Корконосенко. — М., 2004. — 421 с.
17. Тertyчный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тertyчный. — М., 2002. — 384 с.
18. Удлер, И. М. В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольнического повествования» в XVIII–XIX веках / И. М. Удлер. — Челябинск, 2009. — 239 с.
19. Шкондин, М. В. Система средств массовой информации как фактор общественного диалога. — М., 2002. — 120 с.
20. *Freedom's Journal* Vol. 1: March, 1827 — March, 1828. — URL: Winsconsinhistory.org/libraryarchives/aanp/freedom/volume1.asp. *Freedom's Journal* Vol. 2: April, 1828 — March, 1829. — URL: Winsconsinhistory.org/libraryarchives/aanp/freedom/volume2.asp.
21. *Freedom's Journal Magazine*. — URL: <http://www.freedomjournal.net>.

Сведения об авторе

Ильинская Ангелина Анатольевна — аспирант кафедры теории массовых коммуникаций факультета журналистики, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. linxavolha@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). *Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 23–28.*

THE PRINCIPLE OF THE ETHNIC MEDIA CONTINUITY IMPLEMENTATION ON THE EXAMPLE OF THE XIX CENTURY NEWSPAPER FREEDOM'S JOURNAL AND ON LINE RESPURCE OF THE XXI CENTURY FREEDOM'S JOURNAL MAGAZINE

A. A. Ilinskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. linxavolha@mail.ru

The article deals with the implementation of the principle of continuity of ethnic media. It can be implemented through the preservation and adaptation of typological features within a periodical in accordance with the time requirements, as well as of cultural codes component, which is specific to any particular ethnic group. The implementation of this principle was analyzed on the basis of the experience of the headlining journalism scientists and the issues of the first African American newspaper *Freedom's Journal* (1827–1829) as well as its modern remake titled *Freedom's Journal Magazine* (2008–2017). The media experience has revealed that the more balanced the cultural codes component and the adaptation of typological features are the longer the media lifetime is.

Keywords: *ethnic media, African American media, XIX century media, XXI century media, typological features, cultural code, Freedom's Journal, Freedom's Journal Magazine.*

References

1. Akopov A.I. *Analiticheskie zhanry publitsistiki. Pismo. Korrespondentsiya* [Analytical genres of journalism. Correspondens]. Rostov-on-Don, 1996. 88 p. (In Russ.).
2. Blohin I.N. *Etnozhurnalistsika v politicheskikh protsessah: rolevoy analiz* [Ethnic journalism in political processes: role analysis]. St. Petersburg, 2009. 510 p.
3. Bogatova O.A. «Konstruirovaniye etnichnosti» i etnicheskaya pressa [Construction of ethnicity and ethnic press]. Saransk, 2003. Pp. 149–153. (In Russ.).
4. Bocharov A.G. Osnovnyie printsipy tipologii sovremennyih sovetskih zhurnalov [Basic principles of the typology of modern Soviet journals]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. II. Zhurnalistsika* [Bulletin of Moscow University. Ser.: Journalism], 1973, no. 3, pp. 31–32. (In Russ.).
5. Voroshilov V.V. *Zhurnalistsika* [Journalism]. Moscow, 2010. 320 p. (In Russ.).
6. Gavra D.P. *Obschestvennoe mnenie kak sotsiologicheskaya kategoriya i sotsialnyiy institut* [Public opinion as a sociological category and social institution]. St. Petersburg, 1995. 235 p. (In Russ.).
7. Gasanov A.M.O. *Sredstvo massovoy informatsii diaspor v strukture etnicheskoy zhurnalistsiki: na primere sredstv massovoy informatsii azerbaydzhanskoj diasporiy v Rossii* [Mass media of diaspora in the structure of ethnic journalism: on the example of the mass media of the Azerbaijani diaspora in Russia]. Moscow, 2007. 203 p. (In Russ.).
8. Gurevich S.M. *Gazeta vchera, segodnya, zavtra* [Newspaper yesterday, today, tomorrow]. Moscow, 2004. 288 p. (In Russ.).
9. Ishakov R.L. *Etnicheskaya zhurnalistsika: predmetnoe pole i problematika* [Ethnic journalism: subject field and problematics]. *Zhurnalistskoe obrazovanie v XXI veke* [Journalistic education in the 21st Century]. Ekaterinburg, 2000. Pp. 181–187. (In Russ.).
10. Kirichok P.N., Potapov P.F. *Publitsistika i politologiya: priroda alyansa* [Publicism and political science: the nature of the alliance]. Saransk, 1995. 84 p. (In Russ.).
11. Klimenkova A.M. *Kulturnyye kodyi kak faktoryi formirovaniya tsennostnyih orientatsiy* [Cultural codes as factors of formation of value orientations]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia], 2013, no. 2, pp. 8–14. (In Russ.).
12. Kondakova N. *Raznoyazychnaya pressa Rossii* [Multilingual Press of Russia]. *Pressa i etnicheskaya tolerantnost* [Press and ethnic tolerance]. Moscow, 2000. P. 120. (In Russ.).
13. Korkonosenko S.G. *Osnovyy zhurnalistsiki* [Basics of Journalism]. Moscow, 2001. 316 p. (In Russ.).
14. Kornilov E.A. *Zhurnalistsika na rubezhe tyisyacheletiy* [Journalism at the turn of the millennium]. Rostov-on-Don, 1999. 360 p. (In Russ.).
15. Prohorov E.P. *Vvedenie v teoriyu zhurnalistsiki* [Introduction to the theory of journalism]. Moscow, 2011. 353 p. (In Russ.).
16. *Sotsiologiya zhurnalistsiki* [Sociology of Journalism]. Moscow, 2004. 421 p. (In Russ.).
17. Tertychnyy A.A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of the periodical press]. Moscow, 2002. 384 p. (In Russ.).
18. Udler I.M. *V rabstve i na svobode: stanovlenie i evolyutsiya dokumentalno-publitsisticheskogo zhanra «nevolnicheskogo povestvovaniya» v XVIII–XIX vekah* [In slavery and on freedom: the formation and evolution of the documentary-publicistic genre of “slave narrative” in the XVIII–XIX centuries]. Chelyabinsk, 2009. 239 p.
19. Shkondin M.V. *Sistema sredstv massovoy informatsii kak faktor obschestvennogo dialoga* [The system of mass media as a factor of public dialogue]. Moscow, 2002. 120 p. (In Russ.).
20. *Freedom's Journal Vol. 1: March, 1827 — March, 1828*. Available at: [Winsconsinhistory.org/libraryarchives/aanp/freedom/volume1.asp](http://winsconsinhistory.org/libraryarchives/aanp/freedom/volume1.asp). *Freedom's Journal Vol. 2: April, 1828 — March, 1829*. Available at: [Winsconsinhistory.org/libraryarchives/aanp/freedom/volume2.asp](http://winsconsinhistory.org/libraryarchives/aanp/freedom/volume2.asp).
21. *Freedom's Journal Magazine*. Available at: <http://www.freedomjournal.net>.

УДК 943.11:411.4

ФОНЕТИКА СЕВЕРНОГО ДИАЛЕКТА КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

М. К. Кайназарова

Нукусский педагогический институт имени Ажинияза, Нукус, Узбекистан

Статья посвящена анализу фонетических явлений северного диалекта каракалпакского языка, подтверждаемых примерами из разговорной речи местного населения. Языковой материал рассматривается с опорой на научные исследования по фонетике местных говоров и литературного каракалпакского языка. В сопоставительном плане анализируется чередование гласных и согласных звуков, явления метатезы, элизии, гаплогонии и другие смежные фонетические явления северного диалекта.

Указано расположение гласных и согласных звуков на основе фонетических принципов, охарактеризован каждый звук.

Ключевые слова: *каракалпакский язык, северный диалект, фонетические особенности, говоры северного диалекта, профессиональные слова, земледелие, животноводство, рыбоводство.*

В диалектной фонетике изучаются особенности разговорного языка народа, проживающего на определенной территории. Систематическое научное изучение каракалпакского языка начинается в советский период. В 30-е гг. XX в. свое мнение о фонетических особенностях каракалпакского языка и его диалектов высказали известные русские тюркологи Н. А. Баскаков, С. Е. Малов, Е. Д. Поливанов. Они приняли участие в Хорезмской экспедиции и написали работы на основе своих наблюдений над диалектными особенностями и отличиями узбекского и казахского языков. Ж. Оспанов в статье «С. Е. Малов и исследование каракалпакского языка» оценил вклад ученого следующим образом: «С. Е. Малов на богатом материале, собранном с диалектов каракалпакского языка, уверенно доказал, что существует множество неиспользованных ресурсов каракалпакского языка» [5. С. 78].

В диалектной системе каракалпакского языка классификация Д. С. Насырова занимает особое место. Она указывает на фонетические, морфологические, лексические отличия в качестве основных междиалектных показателей в различении северного и южного диалектов каракалпакского языка. Северный диалект каракалпакского языка охватывает северные (Муйнакский, Шуманайский, Канлыкульский, Ходжейлийский, Чимбайский, Кегейлийский, Караузьякский, Тахтакупырский) районы Каракалпакстана, а южные диалекты каракалпакского языка охватывают особенности разговорного языка народа, проживающего в южных (Турткульского, Берунийского, Элликкалинского, Амударьянского) районах Каракалпакстана.

Как видим, фонетическими особенностями диалектов исследователи заинтересовались еще на заре развития каракалпакского языкознания. Из-за сложной диалектной системы каракалпакского языка и сегодня данному вопросу уделяется большое внимание, учеными были выполнены широкомасштабные работы, посвященные южному диалекту [2] и звуковым соответствиям чимбайского говора [4].

Остановившись на фонетических особенностях северного диалекта, мы заметили, что говоры северного диалекта во многом похожи друг на друга. По мнению А. Ниязова, звуковые особенности чимбайского говора в системе склонения подобны парадигме падежей кегейлийского говора. Напр., в кегейлийском говоре *қауын түри* — *қауынның түри* ‘сорт дыни’, в чимбайском говоре *там басына* — *тамның басына* ‘на крышу дома’, *ким:м (кимнің) баласысаң* — *кимнің баласысаң* ‘ты чей сын’ — в обоих говорах особенности в родительном падеже очень схожи.

Естественность происхождения подобных совпадений убедительно проявляется при сравнении вокалических и консонантных особенностей северного диалекта каракалпакского языка с его литературным вариантом [1].

Сопоставляя фонетические особенности некоторых слов, используемых в северных говорах, мы обнаруживаем чередование гласных звуков. В приведенных нами парах слов сначала записано литературное произношение, а потом диалектное.

Соответствие звуков е-э. Вместо литературного повышенного нижнего гласного звука переднего ряда [e] употребляется центральный, открытый гласный звук [э]. **Кесе-кэсэ // кэса** ‘пиала’.

Кәсаларга шай қуйуп ишип отыра бериң, тартымбай (Наливайте чай в пиалу, не стесняйтесь). **Дерек-дәрек** ‘весть’. *Жойтылған ылақтың дәрегі табылмай, бираз қыйланып ұотырмыс* (Переживаем из-за того, что нет вестей о потерянном козленке).

Слово гешир, связанное с земледелием и обозначающее овощ, в Кегейлийском говоре применяется как гәшир, здесь заменены звуки [е-э].

Соответствие звуков е-и. Вместо литературного звука переднего ряда [е] употребляется центральный звук [и]. **Жейди-жийди** ‘кушать’. *Бизлер кеште дастурхан әтирапына жыйналып аўқат жиймиз* (Мы все вечером собираемся за столом и кушаем).

Соответствие звуков и-е. Литературный центральный звук [и] в говорах заменяется звуком переднего ряда [е]. **Тигинши-тигенши** ‘портниха’. *Ол тигиншиге көйлегин тапсырды* (Она заказала портнихе платье).

Соответствие звуков о-у. Литературный губной открытый звук [о] заднего ряда в говорах заменяется губным [у] заднего ряда. **Қопалқупал** ‘грубый’. *Усы қупаллығы менен ҳеши кимге жақпайды* (Этот грубый человек никому не нравится).

А также случаи замены звуков [у-ы], [и-ү] часто встречаются в словах, связанных с животноводческими профессиональными терминами каракалпакского языка. Например, в Муйнакском и Чимбайском говорах каракалпакского языка слово *бузау*, обозначающее теленка до восьми месяцев, употребляется в форме *бызау*. А слова, обозначающие крупный мясистый вид петуха *гилаңгир/гулаңгир* употребляются в Муйнакском и Чимбайском говорах каракалпакского языка.

Соответствие звуков а-ү. В говорах вместо открытого гласного звука [а] употребляется губной тонкий гласный звук [ү]. **Таўсылды-түўсилди** ‘кончились’. *Атыздағы қаўын да, гарбыз да түўсүлди* (В огороде кончились дыни, арбузы).

Соответствие звуков ў-г. В имеющихся у нас материалах мы наблюдаем замену парно-губного сонорного звука [ў] на заднеязычный шумный звонкий согласный звук [г]. **Жуўырды-жүгирди** ‘бегать’. *Бар, жүгүрүп барып Тазахан апанды шақырып кел!* (Иди! Сбегай, позови тетю Тазахан!). Связанное с земледельческой профессией название зернового растения жүўери употребляется как жүгери. Напр., Түске жүгери жарма писирдик (На обед приготовили кашу из джугары).

Итак, фонетическая особенность, присущая изучаемому нами северному диалекту каракалпакского языка, — явление мены гласных и согласных звуков, как мы видим по анализируемым примерам, не меняет значения слов. Правописание и орфоэпия каракалпакского литературного языка имеют небольшие различия. По отношению к диалектам это расхождение становится значительным. **Взаимная перестановка звуков или метатеза** в говорах северного диалекта каракалпакского языка напрямую связана с разговорным языком местного населения. Особенно в многосложных словах (*мугаллим-мугаллим* ‘учитель’, *көриў-көрүү* ‘смотреть’, *барамыз-барамыс* ‘пойдем’, *айтыпты-айтыбды* ‘сказал’) явление метатезы в произношении и написании [а] и [э], [ү] и [и], [з] и [с], [п] и [б] становится очень заметным. Приведем примеры, где эти особенности выявляются в сопоставлении с литературным языком.

Подобные явления встречаются и в словах, связанных с земледелием и рыбоводством, северного диалекта каракалпакского языка. Напр., *батпан-батман*. Қалада тарының бир батманы жигирма беске шығыпты. (На рынке цену одного батмана проса повысили до двадцати пяти). В этом примере заменены звуки [т-п].

Слово *шаңгалақ*, обозначающее в Кегейлийском говоре семечко фруктового дерева (урюк, персик), в Чимбайском говоре употребляется в форме *паңгалақ*. Напр., Ериктиң шаңгалағын ап қой. (Убери семечко урюка), Шабдалдың паңгалағы ири екен (Семечко персика оказалось крупным). В приведенных примерах звуки [ш-п] употреблены в замененном виде. А в Муйнакском говоре в словах, обозначающих приспособление для ловли рыб, *бекире гармақ/бекире қармақ* заменены звуки [ғ-қ].

Жыйланған — ‘собрались’. *Тойга жыйланып барамысго* (Все соберемся и пойдем на свадьбу). *Жыйланыс* (лит.) — жыйналыс: [л] — [н] ‘собрание’. *Бүгин ата-аналар жыйланысы болады* (Сегодня родительское собрание). *Саўал* — в лит. яз. *soraў* [o]/[y] — [p] ‘вопрос’. *Саўал бермең маған* (Не задавайте мне вопросов). Слово *буйра*, связанное с волосами, в говорах используется как *бийра* [y] — [и]. В данных примерах произошла замена звуков [л] — [н], [а] — [o]/[y] — [p], [y] — [и].

Некоторые слова применяются в разных формах и тем самым указывают на своеобразность говора. Напр., слово «воскресенье» в чимбайском говоре звучит как *қәлә гүн*, в хожелийском —

қала кун, а в других — *базар кун*. В этих примерах гласные звуки ([э] — [а], [и] — [у]) заменили друг друга.

Вместе с тем в говорах можно встретить случаи замены звуков в падежной парадигме, напр., аффикс творительного падежа *нан-нен* под воздействием начального [б] в следующем слове заменяется на *нам-нем*. Например, *будан* — в лит. яз. *буннан* ‘из-за этого’. *Будан басқа жәрдем бералмайман* (*бере алмайман*) (Все! Больше ничем не могу помочь). *Соннам бери* — в лит. яз. *соннан бери* ‘после того’. *Соннам бери оның менен көреспедик* (С тех пор мы не виделись). *Ишкеннем бери* — в лит. яз. *ишкеннен бери* ‘после того, как выпил’. *Со дәрини ишкеннем бери жақсыман* (С того времени как пью это лекарство, я чувствую себя хорошо). В некоторых случаях окончания *галы/гели* в устной форме произносятся как *кели* (*ишкели берли*).

А также послелог в литературном языке «да» в шуманайском говоре используется в форме «ям». Например, *оның атасыям, анасыям өзим*. В литературном языке *оның атасы да, анасы да өзим* (я и мать, и отец). В ходжейлийском говоре есть такая особенность: при окончании личного местоимения форма «ям» заменяется формой «эм». Например, *силлер эм* — в лит. яз. *сизлер де* ‘вы тоже’. *Бу тойга силлер-эм барасыз. Бул тойга сизлер де барасыз* (На эту свадьбу вы тоже пойдете).

Мы считаем, что существование подобных особенностей является следствием влияния разговорного языка местного населения узбекской национальности, потому что влияние разговорного языка подавляющего большинства представителей какой-либо национальности на местный разговорный язык является закономерным явлением.

Выпадение звуков. Явления выпадения звуков в некоторых фонетических случаях в языкознании называются **элизией** (элизия — лат. *elision* «выпадение»). В северном диалекте каракалпакского языка выпадение звуков очень продуктивно в беглой речи.

В лингвистике в зависимости от позиции (в начале, в середине или в конце слова выпадают отдельные звуки или части слов) данное явление называют **контракцией**. Изменения при выпадении первого звука лексического единства называются **афезой** (*магар-егер* ‘если’); изменения при выпадении звука или слога в середине слова называются **синкопа** (*жоңырышқа-жонышқа* ‘клевер’; *серкешики/серкешик-серке ешки* — так

называют двухгодовалого козла). Синкопа может встретиться и в основе, и в окончании, и между ними. Изменения в конце слова называются **апокопа** (*беккем-бек-беккем* ‘прочный’, *газета-газет* ‘газета’). Подобную вариативность и дублетность необходимо учитывать в преподавании каракалпакского языка в диалектной среде. Она в северном диалекте по сравнению с литературным языком каракалпаков имеет большие отличия, здесь живой разговорный язык отличается большой орфоэпической вариативностью. Напр., слова *келатыр, қарылпақ* (в чимбайском говоре), *жерма* (в ходжейлийском говоре) в литературном языке звучат *киятыр* ‘идет’, *қарақалпақ, жигирма* ‘двадцать’. Подобные особенности служат примером еще одной своеобразной элизии, потому что выпадение звуков, сокращение или протяжное проговаривание указывают на своеобразные звуковые особенности местного разговорного языка. В говорах можем встретить и другие примеры. Личные местоимения *бизлер* ‘мы’, *сизлер* ‘вы’, подвергшиеся элизии, используются в форме *бизер, силер* (*бизер кеттик* ‘мы ушли’, *силер еситиң* ‘вы слушайте’). *Бизер ертең аўылға барамыз, силер не?* (Завтра мы поедем в аул, а вы поедете?).

В говорах северного диалекта каракалпакского языка замена одного звука другим становится причиной выпадения звуков. Возьмем, к примеру, переход звука [п] в звук [б]. Каракалпакские литературные глагольные словосочетания *тилеп алган* ‘желанный’, *ишип алган* ‘выпивший’, *келип едим* ‘ходил’ в говорах северного диалекта звучат как *тилебаган, ишибаган/ишибан, кебедим*.

При сочетании глагольных слов, как указывается в научной литературе, происходит явление спирализации, которое присуще не только узбекскому языку, но и другим тюркским языкам кипчакской группы [6].

Кроме того, в говорах сокращаются слова, сочетающиеся с глагольным окончанием прилагательного *тугын/ган-ген*, которое приобретает форму *тин*, напр.: *келетин* — в лит. яз. *келетугын* ‘приходящий’; *баратын* — в лит. яз. *баратугын* ‘идуший’; *аган* — в лит. яз. *алган* ‘брал’; *кеген* — в лит. яз. *келген* ‘пришёл’.

В кегейлийском говоре каракалпакского языка наблюдаются явления выпадения звуков в указательных местоимениях, напр.: *шу/шул* ‘это/тот’, *шуншелли* ‘до такой степени’, *шуның* ‘этого’, *шуны* ‘то’ в литературном языке — *сол, соншелли, соның, соны*.

При разговоре в звуковом комплексе слов в той или иной степени происходят изменения из-за взаимодействия соседних звуков в словах и словосочетаниях, отождествления некоторых слоговых особенностей и других причин. Подобные случаи можно наблюдать в следующих примерах.

Жарпақ — в лит. яз. *жапырақ* ‘лист’, *торпақ* — в лит. яз. *топырақ* ‘почва’. *Үйдеги гүллеримниң бәриниң жарпақлары саргайып кеткен екен, соған таза торпақ салдым* (У домашних цветов все листья пожелтели, поэтому я добавила новую почву).

Сокращение звуков в словах. Это явление в большинстве случаев присуще устному разговорному языку и продуктивно используется в языковых особенностях местного языка. Например, *бүйтип* — в лит. яз. *булай етип* ‘таким образом’; *өйдегеним* — в лит. яз. *олай дегеним* ‘так как, из того’; *айтәс* — в лит. яз. *айтшы/ айтса* ‘скажи-ка’; *отырең* — в лит. яз. *отыр едиң* ‘ты сидел’; *әкел* — в лит. яз. *алып кел* ‘принеси’; *әпер* — в лит. яз. *алып бер* ‘подай’; *ыраспекен* — в лит. яз. *ыраспа екен?* ‘правда ли?’; *әкеткен* — в лит. яз. *алып кеткен* ‘унес’; *апараман* — в лит. яз. *алып бараман* ‘принесу’; *қамаспекен/ қалмаспекен* — в лит. яз. *қалмаспа екен* ‘не останется ли’; *оқытамекен* в лит. яз. *оқыта алама екен* ‘сможет ли учить’; *көбисин* — в лит. яз. *көпшилигин* ‘в большинстве’; *кеп тур* — в лит. яз. *келип тур* ‘заходи’.

У большинства исследователей можно встретить мнение о необходимости поисков причин

существования фонетических вариантов слов в языковых материалах братских народов в самом языке, действующих в нем закономерностях, диалектных (разговорных) особенностях [3].

Таким образом, при внимательном изучении звуковых особенностей в говорах можно заметить отличия от литературного языка, а также то, что большинство из них применяется в устном разговорном языке. Особенно заметно выпадение звуков и их замена. Это можно назвать своеобразными признаками говоров.

Мы, изучив фонетику северного диалекта каракалпакского языка, пришли к следующим выводам:

1) учитывая то, что подобные результаты можно получить лишь путем изучения живого разговорного языка местного населения, мы должны вести повседневные исследования диалектной речи, которые в современных условиях быстро нивелируются и отмирают;

2) в ходе диалектологической практики студентов-филологов появляется возможность пополнения словарной картотеки каракалпакского языка и приобщения их к богатому языковому наследию каракалпакского народа;

3) исследование фонетики северного диалекта каракалпакского языка дает возможность изучить онтогенез каракалпакского языка, выявить языковые и этнические связи каракалпакцев с тюркским и иноязычным этническим миром.

Список литературы

1. Бердимуратов, Е. Тил билимине кириспе / Е. Бердимуратов, А. Даўлетов. — Нөкис, 1998. — 75 б.
2. Бекбаулов, О. Қарақалпақ тилиниң түслик диалектлериниң фонетикасы бойынша бир қанша бақлаўлар / О. Бекбаулов // ӨзССР ИА ҚҚФ Хабаршысы. — 1965. — № 3.
3. Нажимов, А. Сөз вариантлары ҳәм оның сөз жасаўға қатнасы / А. Нажимов, И. Сейтназарова // Қарақалпақ тил билиминиң гейпара мәселелери. — Нөкис, 1994.
4. Ниязов, А. Шымбай говорының даўыслылыр (вокализм) системасы / А. Ниязов // Өз ССР ИА ҚҚФ Хабаршысы. — 1963. — № 3.
5. Оспанов, Ж. С. Е. Малов ҳәм карақалпақ тилиниң изертлениўи / Ж. Оспанов // Қарақалпақ тилиниң гейпара мәселелери. — Топлам; Нөкис, 1994.
6. Решетов, В. В. Ўзбек диалектологияси / В. В. Решетов, Ш. Шоабдурахманов. — Тошкент, 1978. — 223 б.
7. Ҳамроев, Ҳ. Ўзбек тилининг Қашқадарё шеваларидаги асосий фонетик хусусиятлар : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ҳ. Ҳамроев. — Ташкент, 2007. — 22 б.

Сведения об авторе

Кайтназарова Мийрихан Калмуратовна — старший научный сотрудник-исследователь, Нукусский педагогический институт имени Ажинияза. Нукус, Узбекистан. mirkhank@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 29—33.

THE PHONETICS OF NORTHERN DIALECT KARAKALPAK LANGUAGE

M. K. Kaypnazarova

Nukus State Pedagogical Institute named after Azhiniyaz, Nukus, Uzbekistan. mirkhank@mail.ru

In this article we are talking about the phonetics of the northern dialect of the Karakalpak language. The phonetic peculiarity of the northern dialect of the Karakalpak language is the use of vowels and consonants in it and the existence of phonetic phenomena. All this, of course, is shown with the help of examples, in comparison with the literary language. The question of phonetic features of dialects attracted attention even in the early periods of language development. Talking about the naturalness of revealing the origin of such phonetic features through the colloquial language of local residents, the article considers the phonetics of the northern dialect of the Karakalpak language using the example of vowel and consonant sounds.

In the article is said that research work on the phonetics of the northern dialect of the Karakalpak language began much earlier, today they are being revised and scientifically supplemented. Relying on the scientific opinions of local scientists on the phonetics of the dialects of the Karakalpak language, the materials are analyzed more fully in new ways, and at the end of the article it is noted that the main goal is to bring them to the younger generation. It is said that in identifying the local features, a certain place is occupied also by their phonetic features. Such studies, of course, are carried out by studying the native language of the local population. Therefore, we realize that we should not be indifferent to the spoken language of the people.

Because through the teaching of the younger generation to the phonetic characteristics of dialect words, we will achieve, firstly, the ability to distinguish dialects from the literary language, and secondly, we will feel in phonetic features a peculiar sign of the spoken language of the local population.

Features in sounds were discussed by scientific sides. Vowel is consonant sounds were placed according to phonetic principles and meaningful features were shown with examples.

Keywords: *dialect of the Karakalpak language, northern dialect, the phonetic peculiarity, vowels and consonants sounds, spoken language of the local population, dialects of a northern dialect of the Karakalpak language, professional words, agriculture, livestock production, fish breeding.*

References

1. Berdimuratov E., Dauletov A. *Til bilimine kirispe* [Introduction to Linguistics]. Nukus, 1988. 275 p. (In Karakalpak).
2. Bekbaulov O. *Qaraqalpaq tiliniń tıslık dialektleriniń fonetikasy boıynsha bir qansha baqlaylar* [Vocal of the Muinak dialect in the Karakalpak language]. *ӨзССР ІА ҚҚФ Хабарshysy* [Scientific magazin KKF SA Uz SSR], 1965, no. 3. (In Karakalpak).
3. Nazhimov A., Seitnazarova I. *Söz variantlary xэм onuń söz zhasaıǵa qatnasy* [Variants of words and their participation in the formation of words]. *Qaraqalpaq til biliminiń geıpara maseleleri* [Some questions of Karakalpak linguistics]. Nukus, 1994. (In Karakalpak).
4. Niyazov A. *Shymbaj govorynuń daıyslylyr (vokalizm) sistemasy* [The system of vowels (vocal) of the Chimbaj dialect]. *Өз SSR ІА ҚҚФ Хабарshysy* [Scientific magazin KKF SA Uz SSR], 1963, no. 3. (In Karakalpak).
5. Ospanov J.S.E. *Malov xэм qaraqalpaq tiliniń izertleniıi* [S.E. Malov and the study of the Karakalpak language]. *Qaraqalpaq tiliniń geıpara maseleleri* [Some questions of Karakalpak linguistics]. Nukus, 1994. (In Karakalpak).
6. Reshetov V.V., Shoabdurakhmanov Sh. *Ўzbek dialektologijasi* [Uzbek dialectology]. Tashkent, 1978. 223 p. (In Uzbek).
7. Khamroev H. *Ўzbek tilining Qashqadarjo shevalaridagi asosij fonetik hususijatlari* [The basic phonetic features of the Kashkadarya dialects of the Uzbek language]. Tashkent, 2007. 22 p. (In Uzbek).

УДК 371.011
ББК 74.200.507

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «МЕДИЦИНА — ЭТО ЧЕЛОВЕК» В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСАХ

Е. М. Клещенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук), проект № 15-04-00455а «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности»

Исследуется одна из метафорических моделей развлекательного медицинского кинодискурса на основе теории метафорического моделирования А. П. Чудинова. В результате рассмотрения метафор из медицинских сериалов делаются выводы о сходствах и различиях российского и американского дискурсов в представленной модели. В выводах отражаются структурированность, эмотивная окраска, наличие/отсутствие фреймов или слотов в сравниваемых дискурсах.

Ключевые слова: *метафорическая модель, дискурс, фрейм, слот.*

Изучение медицинских метафор проводится в рамках медицинского дискурса. В нашем исследовании, если быть более точным, в рамках развлекательного медицинского кинодискурса. Развлекательный медицинский кинодискурс представляет собой устный институциональный дискурс в дискурсе, где на поверхностном уровне представлен развлекательный дискурс, а внутри него медицинский дискурс. Развлекательный дискурс — это устный институциональный дискурс, участниками которого являются актеры и зрители, основная цель которого — развлечение зрителей, основными в

нем являются кульминационная, привлекающая, интригующая и эмпатическая стратегии. Медицинский дискурс — это устный институциональный дискурс, участниками которого являются врачи и пациенты, основная цель которого — поддержание здоровья общества, основными в нем являются диагностирующая и лечащая стратегии.

Развлекательный медицинский кинодискурс характеризуется наличием большого количества метафорических моделей. Рассмотрим метафорические модели российского и американского дискурсов в таблице.

Метафорические модели российского и американского дискурсов

Метафорическая модель	Российский дискурс	Американский дискурс	Всего
Медицина — это Человек	40	68	108
Медицина — это Война	51	35	86
Медицина — это Природа	58	16	74
Медицина — это Религия	40	20	60
Медицина — это Художественное искусство	38	8	46
Медицина — это Спорт	24	20	44
Медицина — это Дом	12	31	43
Медицина — это Механизм	16	9	25
Медицина — это Социум	12	6	18
Медицина — это Криминал	8	7	15
Медицина — это Театр	1	1	2
Медицина — это Наука	5	0	5
Медицина — это Право	4	0	4

В настоящей статье мы рассмотрим фреймы и слоты метафорической модели МЕДИЦИНА — это ЧЕЛОВЕК. Метафорическая модель МЕДИЦИНА — это ЧЕЛОВЕК занимает первое место по количеству примеров (108 примеров), что составляет 20 % от числа всех проанализированных метафор. Из 108 метафор 40 принадлежат российскому дискурсу и 68 — американскому. Рассмотрим фреймы и слоты метафорической модели МЕДИЦИНА — это ЧЕЛОВЕК в российском дискурсе (рис. 1).

Фрейм 1. «Собственно человек»

Слот 1.1. «Образы и свойственное им поведение»

В данном слоте врачи и пациенты сравниваются с известными образами (император, английская принцесса, Шумахер). Свойственное этим образам поведение находит отражение в героях медицинских сериалов. Пациента, которого вынудили рисковать своей жизнью, сравнивают с Шумахером, подвергающим свою жизнь опасности. А врача, который любит командовать, сравнивают с императором. Ср.:

• «Вцепилась она в этого *Шумахера* в коме» [Земский доктор]; «В чем дело? — Нет. Ничего, *император*. — Мальчик, десять лет, таскает трехтонный вагон. Ясно, что тут генетические отклонения» [Доктор Тырса].

Дополнительная функция этого слота — невозможность или неожиданность развития хода

событий. Врача Ольгу Владимировну также неожиданно увидеть влюбленной, как и английскую принцессу увидеть в бикини. Ср.:

• «Может она влюбилась в этого мистера *икс*? — Влюбленная Ольга Владимировна — это как *английская принцесса в бикини*» [Земский доктор].

От полненькой девушки-сумоистки никто не ожидал, что она заболит анорексией, имея вес более 100 килограмм. Ср.:

• «У нее истощение. За последний месяц она похудела на 12 килограмм. — Как? — Как у *манекенщиц*, которые по подиуму ходят» [Доктор Тырса].

Слот 1.2. «Возрастная группа»

В одних примерах функция метафоры — показать здоровое состояние, отсутствие аномалий или заболеваний; «чистота» организма. Ср.:

• «Никаких следов. Чиста как *младенец*» [Доктор Тырса]; «На МРТ тоже всё чисто. Мозг как у *младенца*» [Доктор Тырса].

В других примерах у пациентов (спортсменов, мужчин) прослеживается поведение как у маленьких детей. Ср.:

• «Кто ж у нас тут *срыгнул-то*? — Мужики — это все-таки диагноз» (взрослому мужчине) [Склифосовский]; «Во-первых, спортсмены — это *дети*. А кого наказывают дети, когда падают? — Не помню. — Я помню по себе. Наказывают пол» [Доктор Тырса].

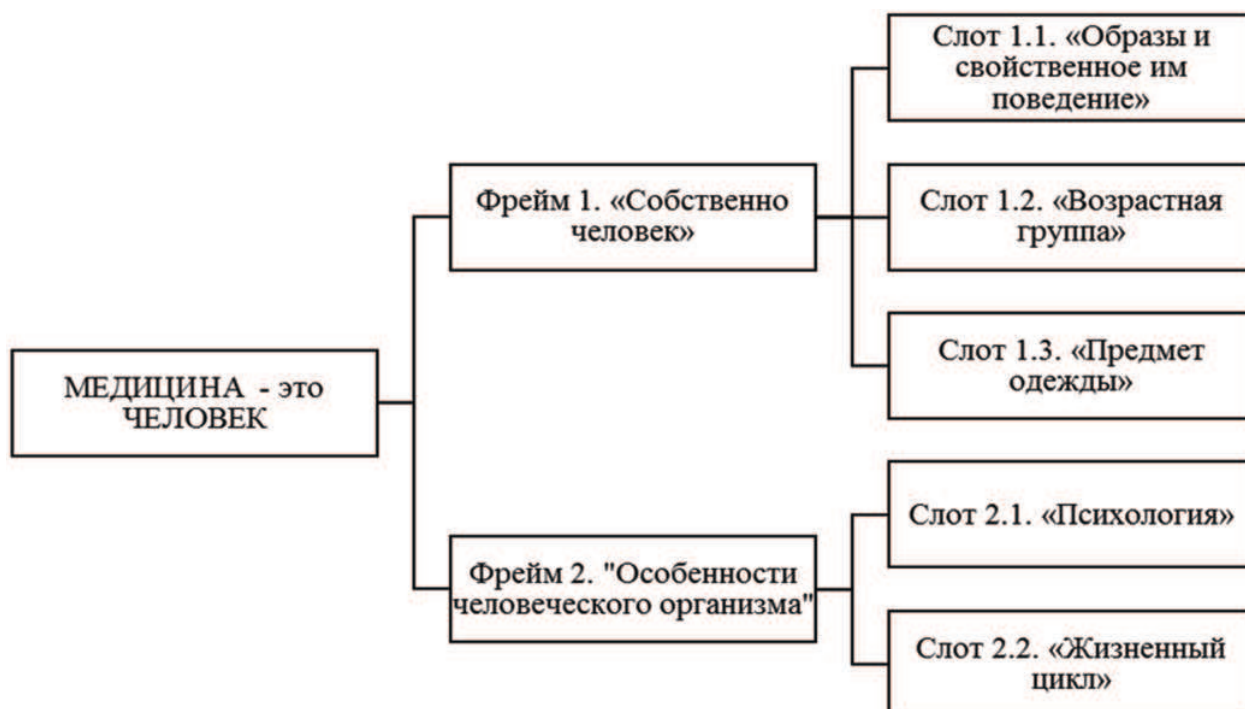

Рис. 1. Метафорическая модель «МЕДИЦИНА — это ЧЕЛОВЕК» в российском дискурсе

Слот 1.3. «Предмет одежды»

Примеры этого слота используются врачами в отрицательно окрашенных ситуациях, что свидетельствует о негативном прагматическом потенциале этих метафор. Ср.:

- «Парень очухается и повесит тебе *штатив от капельницы как галстук*» [Доктор Тырса]; «Я сейчас ему *засандаю глюкокортикоидов* по самое нехочу и что тогда будет?» [Доктор Тырса].

Фрейм 2. «Особенности человеческого организма»

Слот 2.1. «Психология»

Основная функция — обозначение эмоциональной характеристики или черты характера; эмоциональная мотивация поступков; сигнализация о нарушениях эмоционального благополучия. В следующем примере опухоль негативно реагирует на раздражение извне и проявляет отрицательную эмоцию (недовольство). Ср.:

- «Потеря сознания, ушиб мозга средней тяжести, думали, обошлось, но тогда же начала развиваться опухоль. — Изменение личности? — Да. Извращение вкуса, неспособность воспринимать запахи, девушка становится невозможной. Муж думает, что дело в плохом характере, и тут новое падение и новый удар головой. *Недовольная опухоль, которая славно устроилась на стыке височной и затылочной долей, выдает свой фирменный трюк — характерные только для этой зоны галлюцинации*» [Доктор Тырса].

В других двух примерах биологический материал и опухоль, как и человек, имеют черты характера (шутливость, лживость). Ср.:

- «Наша с вами профессия предполагает особую душевную чуткость. *Биологический материал, как известно, не врет, но любит пошутить*. А пациенты юмор не понимают. Им не до юмора» [Доктор Тырса]; «*И шутница-опухоль* тут же выдает сюжет» [Доктор Тырса].

Слот 2.2. «Жизненный цикл»

Органы (мозг) или новообразования (опухоль) проходят те же этапы жизненного цикла, что и человек (опухоль может вырасти, а мозг — умереть). Ср.:

- «*Опухоль не росла*. Была абсолютно доброкачественной» [Доктор Тырса]; «*Поздно. Мозг умер*. Это всё» [Доктор Тырса].

В жизненный цикл человека входит процесс принятия пищи. Метафоры, в которых сравниваются медицинские предметы (явления) с едой, чаще всего имеют негативный прагматический потенциал и выражены в языковом материале

дисфемизмами или грубыми словами (фарш, котлеты рубленые мороженые, лицо всмятку — о пациентах; выжали как лимон — о врачах). Ср.:

- «Ты понимаешь какая ситуация. Они его выжали *как лимон*, а потом сами бросили» [Доктор Тырса]; «Олег Михайлович, в операционную, там пациента привезли с челюстно-лицевой. Всё лицо *всмятку*» [Склифосовский]; «Очень много пострадавших. — Воскресение, выходной, утро. Конечно много пострадавших. — Вот именно, выходной. Три часа назад произошло, почему до сих пор не везут? — Салам, не волнуйся, нам самый *фарш* привезут. — Костя, какие ты слова говоришь? Фарш. Это между прочим люди. — *Котлеты там рубленые мороженые* будут, а не люди. Железные конструкции сложились как карточный дом. На улице -5, а они в труселях» [Склифосовский].

В другом примере для сохранения жизни человека опухоль претерпевает процесс «консервации», как при консервировании пищевых продуктов: овощей, фруктов, мяса, рыбы. Функция метафоры здесь — сохранение в неизменном состоянии. Ср.:

- «Я могу *законсервировать* опухоль, она не исчезнет, но перестанет расти. Это даст вам время» [Земский доктор].

Слот 2.3. «Части тела»

Основополагающая функция — превосходство человека над медицинским аппаратом. В данном примере автор метафоры доводит смысл, что жизнь человека вернее сохранить, если во время операции использовать не аппарат, а руки хирурга. Ср.:

- «Считается, что тромб лучше разрушать аппаратом. Но это не так. Аппарат может отпустить маленькую частичку, которая наделает много бед. А *хирург* — это не аппарат, *это руки*» [Склифосовский].

В следующем примере проводится сравнение врача, который находится в подчинении и одновременно с этим в незаметном, но защищенном месте, как и мышечная впадина человека. Ср.:

- «Ты что хочешь всю жизнь у него *под мышкой* просидеть?» [Склифосовский].

Второстепенная функция — основополагающая часть; часть без которой невозможно обойтись; руководство. В примере проводится аналогия главы отделения с головой человека, так как они управляют зависимыми от них элементами (подчиненными, другими органами).

- «Это наша гордость — отделение экспериментальной диагностики. А вот и его *голова*» [Доктор Тырса].

Представленный материал свидетельствует, что метафорическая модель МЕДИЦИНА — это ЧЕЛОВЕК в российском дискурсе детально структурирована. Основная часть рассматриваемых метафор способна нести положительный (слот «Части тела») или отрицательный (слоты «Предмет одежды», «Жизненный цикл») прагматический потенциал.

Далее рассмотрим метафорическую модель МЕДИЦИНА — это ЧЕЛОВЕК в американском дискурсе (рис. 2).

Фрейм 1. «Собственно человек»

Слот 1.1. «Возрастная группа»

Основная функция — отнесение к человеку признаков, характерных черт других групп людей. Например, молодой человек может иметь сходство с пожилым; а взрослый мужчина может вести себя как маленький ребенок. В следующих примерах прослеживается нехарактерное для людей поведение: молодой парень после операции чувствует себя пожилым; пьяного мужчину, сбившего на своей машине несколько людей, несколько не мучает совесть, он крепко спит как маленький ребенок. Ср.:

- «How is Matthew feeling tonight? — He's all right. Walks funny like an *old man*. — Как себя чувствует Мэтью? — Нормально. Ходит смешно, как *старик*» [Doctor Quinn]; «The driver sleeps like a *baby*. No scratch on him. — Пьяный парень спит как *ребенок*. У него ни царапины» [ER].

В другом примере мальчик 10 лет имеет за плечами жизненный опыт пожилого человека. Автор высказывания использует оксюморон. Ср.:

- «I don't remember if I ever seen such an *old little boy*. — Никогда еще такого не видела — *ребенок-старик*» [ER].

Слот 1.2. «Социальная роль»

В статусно-ориентированных отношениях (глава отделения и его сотрудник) прослеживается сходство с вечным конфликтом между родителями и детьми, где главный врач и родители имеют превосходство над зависимыми от них людьми. Ср.:

- «You want a negative test for every auto-immune disease known to man? Fine, I'll get them! — *Be home by midnight or he can't have the car this weekend*. — Хотите проверить его на все аутоиммунные, известные науке? Хорошо, я их сделаю. — *И чтобы был дома к полуночи, или машину на выходные не дам*» [Doctor House].

Как и в российском дискурсе, американские врачи часто приводят в пример известных людей, которые имеют заслуги перед обществом: Нельсон Мандела, доктор Фрейд. Ср.:

- «I can be your friend, please, come on. — When you finish making new friends, *doctor Freud*, make to the patient eye wash at the shower. — Вот увидите, мы с вами станем очень хорошими друзьями. — Когда закончите налаживать дружеские отношения, *доктор Фрейд*, нужно будет промыть пациенту глаза» [ER]; «What am I supposed to be a big brother or something? Am I supposed to speak with every gangster just like *Nelson Mandella*? — Я что его старший брат? Я что должен общаться с каждым хулиганом как *Нельсон Мандела*?» [ER].

Также в американских сериалах приводятся образы, основанные на географических и исторических истоках. Например, норвежцев сравнивают с викингами. Ср.:

- «We have to find more patients for the study, because Norwegians do the same kind of study. And Peter, we can not let the *Vikings* leave us behind. — Найдем какого-нибудь пациента, потому что нор-

Рис. 2. Метафорическая модель «МЕДИЦИНА — это ЧЕЛОВЕК» в американском дискурсе

вежцы занимаются похожими исследованиями. Питер, нельзя позволить викингам нас обогнать» [ER].

Фрейм 2. «Особенности человеческого организма»

Слот 2.1. «Жизненный цикл»

Жизнь бактерий, личинок ленточного червя, кист-паразитов внутри человека метафорически приравнивают к человеческим жизненным циклам. Ср.:

• «Those masses in your chest are not tumors. They are parasitic cysts from a bug called echinococcus. Touch a dead fox, they jump aboard, *they can hunker down for decades — growing, spawning, shopping.* — Образования у тебя в груди — это не опухоли, это кисты-паразиты по имени эхинококк. Тронул мертвую лису и готово. Они могут спать годами, расти, размножаться, ходить по магазинам, веселиться» [Doctor House]; «Hold my finger. You have a bacterium. *Bacteria moved in, parked their cars on the lawn, there goes the neighborhood.* And by neighborhood, I mean your internal organs. — Сожми мой палец. Пахнет виноградом. У вас бактерии. Они есть у всех, но в этих синяках от псевдо-кушинга им особенно хорошо. Бактерии заселились, припарковались на лужайке и пошли в гости к соседям. Соседи — это твои внутренние органы» [Doctor House]; «In a typical case if you don't cook pork well enough you ingest live tapeworm. They got these little hooks they grab onto your bowel, *they live, they grow up, they reproduce.* — Обычно при недостаточной обработке свинины можно съесть живых личинок ленточного червя. Маленькими крючками они цепляются за ваш кишечник, где живут, растут и размножаются» [Doctor House].

Основная функция — нахождение в невыгодном или неудобном положении; а также вне зоны комфорта. Ср.:

• «That little boy in there is scared to death, and you are poking around at him *as if you are stocking a turkey.* He's never seen a doctor. — Ребенок запу-

ган до смерти, а ты тычешь в него пальцами *как в индейку.* Он же никогда не видел врача» [ER]; «Who are they? — *New meat.* Medical students. — Это еще кто такие? — *Свежее мясо,* студенты-практиканты» [ER].

Ярко выражена аналогия мозга с кашей, яичницей. Как правило, именно мозг, а не другие органы сравниваются с полужидкими пищевыми продуктами, поскольку мозг является центром всех систем органов человека. Ср.:

• «If we don't subdue the fever, we gonna have *scrambled eggs instead of the brain.* — Если мы не собьем ему температуру, вместо мозга у него будет яичница» [ER]; «His brain is turning into mush, and he is at risk for more infections, so we have to do it. — *Его мозг превращается в кашу,* и он рискует заразиться другими инфекциями, поэтому нужно делать биопсию» [Doctor House]; «Ok, let's wait for you to run titers on 4000 viruses while this kid's brain turns to mush. — Давай подождем, пока мозг ребенка превратится в кашу» [Doctor House].

В метафорической модели МЕДИЦИНА — это ЧЕЛОВЕК в американском дискурсе наблюдается чуть менее выраженная структурированность, чем в российском дискурсе. В обоих дискурсах в слоте «Жизненный цикл» метафоры о еде имеют негативную эмотивную окраску. Еще одна схожесть — в обоих дискурсах приведены в пример известные личности (слоты «Образы и свойственное им поведение» в российском и американском дискурсах). В слоте «Возрастная группа» в американском дискурсе наблюдается только психологическое сравнение людей с другими возрастными группами, а в российском дискурсе помимо психологического сравнивают еще и физическое состояние с состоянием новорожденного ребенка. Слот «Предмет одежды» присутствует только в российском дискурсе.

Для российского дискурса характерна аналогия не только людей, но и неодушевленных опухолей, биологического материала с людьми, которые испытывают эмоции.

Список литературы

1. Жура, В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении / В. В. Жура. — Волгоград, 2008. — 376 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. — Волгоград, 2002. — 477 с.
3. Мишланова, С. Л. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты) / С. Л. Мишланова. — Пермь, 2008. — 428 с.
4. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.

Сведения об авторе

Клещенко Екатерина Михайловна — аспирантка кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. katekleshchenko@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). *Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 34—39.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE METAPHORICAL MODEL «MEDICINE IS HUMAN BEING» IN RUSSIAN AND AMERICAN DISCOURSES

E. M. Kleshchenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. katekleshchenko@list.ru

In article under consideration, we analyze metaphorical model MEDICINE IS HUMAN BEING. We use basics of the theory of metaphorical modelling of A.P. Chudinov. All metaphorical models have structure, which consists of frames and slots. The model is analyzed in Russian and American discourses with the help of comparative method. Metaphorical model MEDICINE IS HUMAN BEING in Russian discourse consists of two frames («Human being» and «Peculiarities of the human organism») and five slots («People and their behavior», «Age group», «A piece of clothing», «Psychology», «Life cycle»). Metaphorical model MEDICINE IS HUMAN BEING in American discourse consists of two frames («Human being» and «Peculiarities of the human organism») and three slots («Age group», «Social role», «Life cycle»). Both metaphorical models in Russian and American discourse have something different and something in common. Aspects, which are analyzed in the model, are the following: structure of frames and slots and emotional coloring.

Keywords: *metaphorical models, discourse, frame, slot.*

References

1. Zhura V.V. *Diskursivnaya kompetenciya vracha v ustnom medicinskom obshchenii* [Doctor discursive competence in oral medical communication]. Volgograd, 2008. 376 p. (In Russ.).
2. Karasik V.I. *Yazykovoij krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concept, discourse]. Volgograd, 2002. 477 p. (In Russ.).
3. Mishlanova S.L. *Metafora v nauchno-populyarnom medicinskom diskurse (semioticheskij, kognitivno-kommunikativnyj, pragmaticheskij aspekty)* [Metaphor in scientific-popular medical discourse (semiotic, cognitive-communicative and pragmatic aspects)]. Perm, 2008. 428 p. (In Russ.).
4. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in metaphorical mirror: cognitive analysis of the political metaphor]. Ekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russ.).

УДК 070.1:316.774+159.955:330
ББК 80

«ТОННЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ» КАК ФУНКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Д. Э. Коноплев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В данной статье мы рассматриваем феномен «тоннеля реальности» в рамках экономического мышления и обозначаем основные механизмы, с помощью которых индивидуальное восприятие картины экономической реальности преломляется сквозь инструменты личностной фокусировки.

Ключевые слова: *экономическое мышление, массовая коммуникация, тоннель реальности, контекстная маркированность, картина экономического мышления, поведенческие паттерны.*

В условиях восприятия экономической действительности через публикации в средствах массовой информации, потенциальная аудитория взаимодействует с формируемой посредством масс-медиа картиной экономического мышления (КЭМ). КЭМ представляет собой совокупность базовых представлений о текущем состоянии экономики и финансовой сферы, а также их влиянии на потенциального читателя. Одним из факторов восприятия этой картины является так называемый «тоннель реальности», который фокусирует взгляд потенциального читателя на определенном ракурсе восприятия проблемы или ее отдельных элементах. С точки зрения психологии восприятия, тоннель реальности встраивает КЭМ в индивидуальное восприятие потенциального читателя, либо формирует отличную от КЭМ систему оценки.

Как отмечает Дилан Эванс в монографии «Эмоции: наука настроения»: «Тоннель реальности образует поле восприятия действительности либо в рамках объективного мира, либо выстраивая мир иллюзорный» [6].

Под тоннелем реальности мы, таким образом, будем понимать индивидуальную, субъективную среду восприятия картины экономического мышления через набор поведенческих паттернов и установок.

В зависимости от того, как расположен тоннель реальности по отношению к КЭМ, могут быть определены четыре базовых сценария их взаимодействия.

Сценарий первый (ТР1) — тоннель реальности лежит в плоскости КЭМ. Такой сценарий предполагает совпадение индивидуального восприятия экономической реальности с господствующей концепцией КЭМ, в том числе формируе-

мой через средства массовой информации. При этом на уровне деталей отдельные элементы КЭМ могут пониматься неверно в рамках данного тоннеля. Первый сценарий означает успешную адаптацию экономического мышления к индивидуальному восприятию, не встречающую противоречий внутри своей структуры и отвергающую любые данные вне тоннеля реальности, противоречащие господствующей КЭМ.

Сценарий второй (ТР2) — тоннель реальности пересекает КЭМ в определенных точках (через ядра кластеров — логические центры связанных групп понятий, представляющих каркас журналистского текста). В таком случае определить точки прохождения КЭМ можно через так называемые маркеры принадлежности (субстраты кластеров или понятия, выстраивающиеся вокруг логических центров текста, принадлежащие как самой картине экономического мышления, так и тоннелю реальности в восприятии картины экономического мышления). Точки пересечения тоннеля реальности с КЭМ всегда контекстно-маркированы и могут быть идентифицированы по своей особой лексической и композиционной заданности. Этот сценарий отличается меньшим уровнем адаптации тоннеля реальности к КЭМ, но тем не менее укладывается в некоторое количество базовых постулатов картины экономического мышления, хотя и может противоречить ей за пределами точек соприкосновения.

Сценарий третий (ТР3) — тоннель реальности лежит вне плоскости КЭМ, но находится в рамках экономической реальности. Это так называемый «внемедийный» сценарий, когда роль средств массовой информации в формировании картины экономического мышления и сопутствующего ей тоннеля реальности нивелированы, а

восприятие КЭМ детерминировано субъективным опытом, в рамках которого целиком и лежит тоннель реальности. Как правило, субъективный опыт в данном сценарии опирается на индивидуальные особенности восприятия (дауншифтинг, компактно проживающие группы мигрантов и так далее). «Выключенность» этих групп из общей картины КЭМ позволяет им хоть и находиться в рамках экономической реальности в целом (с которой они так или иначе взаимодействуют), но не пересекаться с господствующей картиной экономического мышления.

Сценарий четвертый (ТР4) — тоннель реальности не имеет точек пересечений как с КЭМ, так и с экономической реальностью в целом. В данном поле, которое в большинстве случаев является немедийным, находится пропаганда, теории заговора и любые другие формы восприятия реальности, противоречащие не только КЭМ как таковой, то также и здравому смыслу. При этом, несмотря на свою дистанцированность от КЭМ, тоннель реальности ТР4 может включать в себя элементы маркированности, прямо сопоставимые с элементами пропаганды.

Фактически тоннель реальности выступает субъективным инструментом контекстной маркированности, формирующимся во внетекстовой среде, то есть на стороне восприятия аудиторией определенных фактов и их трактовки. В связи с этим точная идентификация первоначального фактора, который сформировал сценарий тоннеля реальности, не всегда возможна. Это может быть как непосредственное влияние средств массовой информации, так и индивидуальный социокультурный опыт аудитории.

Как явление, напрямую связанное с динамикой восприятия экономической действительности, тоннель реальности (ТР) может отклоняться в рамках КЭМ и переходить из одного сценария реализации в другой. Такого рода переходы можно обозначить как ΔTR , или дельта тоннеля реальности, а крайними формами перехода считать сценарий ТР4, то есть выход восприятия действительности и за пределы КЭМ, и за пределы экономической реальности как таковой.

Таким образом, дельта тоннеля реальности может быть записана в виде: $TR4 \leftarrow TR3 \rightarrow \Delta TR3 \rightarrow TR1 \rightarrow \Delta TR1 \rightarrow TR2 \rightarrow \Delta TR2 \rightarrow TR4$. Исходным положением тоннеля реальности в таком случае является сценарий 1 ($TR1 = КЭМ$), а выпадением из экономической реальности сценарий 4 ($TR4 \neq КЭМ$).

При этом важно отметить, что не каждое восприятие КЭМ является тоннелем реальности. Само по себе восприятие экономической реальности аудиторией может быть шире КЭМ. Также восприятие КЭМ может не укладываться в рамки одного тоннеля реальности, особенно в тех случаях, где установлено, что это восприятие дискретно и сочетает в себе элементы нескольких сценариев, которые противоречат друг другу. Например, индивидуальная оценка события сочетает в себе сценарий Т2 и сценарий Т4, когда в восприятии присутствуют как элементы КЭМ, так и элементы пропаганды и намеренного искажения фактов.

Так, в публикациях «Обаму просят повлиять на агентов в российском правительстве», «Обама прекрати: россияне написали петицию президенту США с просьбой пощадить дальнбойщиков», «В РФ направили Обаме петицию по бастующим дальнбойщикам» (24 ноября 2015, издания: «Вести», «Апостроф», портал «Ura.ru») обозначаются как факты, находящиеся в рамках КЭМ, с которыми косвенно пересекается тоннель реальности (протесты дальнбойщиков, внедрение нового сбора через систему «Платон»), так и утверждения, построенные на домыслах, теориях заговора и искажении фактов (влияние Барака Обамы на введение системы «Платон», американские агенты в российском правительстве, протесты дальнбойщиков против Обамы и его решений).

При этом сам факт наличия сценария Т4 можно установить по наличию в тексте внутренне противоречивых утверждений, например, «Президента США Барака Обаму просят отменить систему оплаты “Платон” для российских дальнбойщиков». В данном предложении автор явно связывает введенный российскими властями сбор и ответственность за этот сбор президента другой страны.

По похожему сценарию могут складываться и другие сценарные сочетания, как на уровне текста, так и на уровне индивидуального восприятия КЭМ.

Таким образом, функциональной особенностью тоннеля реальности в рамках экономического мышления можно считать построение логических связей между индивидуальным восприятием КЭМ и самой КЭМ.

Если между ними обнаруживается общая зона пересечения, которая осознается аудиторией на уровне совпадения мнения автора публикации

и мнения читателя, то вырабатывается определенного рода паттерн, который в дальнейшем может трансформироваться в стереотипное восприятие совпадающего элемента в индивидуальной КЭМ и КЭМ, сформированной в тексте.

В таком случае при прочих равных условиях потенциальная аудитория будет лучше воспринимать знакомые ей ранее логические связи, нежели принимать сторону автора, опирающегося на аргументацию другого свойства, не привычную читателю или входящую в противоречие с его тоннелем реальности. В конечном счете формирование логической связки между индивиду-

альным восприятием и КЭМ может приобретать первостепенное значение в процессе формирования контекстной маркированности.

Как отмечает Кеннет Арроу в работе «Экономическая теория и постулат рациональности», тоннель реальности может значительно искажать объективно измеряемую экономическую действительность и находиться в сфере действия так называемой «постправды» — искусственно сконструированной реальности, в которую читатель, находящийся под действием тех или иных эмоций, желает верить.

Список литературы

1. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. — СПб., 2001.
2. Форрестер, Д. Мировая динамика / Д. Форрестер. — М., 2003.
3. Arrow, K. Economic Theory and the Postulate of Rationality / K. Arrow. — P. Newman edition, 1987. — P. 69–74.
4. Arthur, B. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy / B. Arthur. — University of Michigan Press, 1994.
5. Easterwood, J. Inefficiency in Analysts' Earnings Forecasts: Systematic Misreaction or Systematic Optimism? / J. Easterwood, S. Nutt // Journal of Finance. — № 54. — P. 1777–1797.
6. Evans, D. Emotions: The Science of Sentiment / D. Evans. — Oxford, 2002.
7. Gazzaniga, M. The Integrated Mind / M. Gazzaniga, J. LeDoux. — Plenum Press, 2015.
8. Kunda, Z. The Case for Motivated Reasoning / Z. Kunda // Psychological Bulletin. — № 108. — P. 480–498.
9. Levi, I. Gambling with Truth / I. Levi. — Cambridge, 1970.
10. Wilson, T. Lessons from the Past: Do People Learn from Experience That Emotional Reactions Are Short Lived? / T. Wilson, J. Meyers, D. Gilbert // Personality and Social Psychology Bulletin. — № 29. — P. 1421–1432.

Сведения об авторе

Коноплев Дмитрий Эдуардович — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. dmitrijkonoplev@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 40–43.

THE TUNNEL OF REALITY AS A FUNCTION OF ECONOMIC THINKING

D. E. Konoplev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dmitrijkonoplev@yandex.ru

In this article, we consider the phenomenon of the tunnel of reality within the framework of economic thinking and consider the basic mechanisms by which individual perception of the picture of economic reality is refracted through personal focus tools.

Keywords: *economic way of thinking, mass communication, tunnel of reality, context labeling, a picture of economic thinking, behavioral patterns.*

References

1. Vallerstein I. *Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire* [World systems analysis and situation in the world today]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.).
2. Forrester J. *Mirovaja dinamika* [World Dynamics]. Moscow, 2003. (In Russ.).
3. Arrow K. *Economic Theory and the Postulate of Rationality*. Newman edition, 1987. Pp. 69–74.
4. Arthur B. *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*. University of Michigan Press, 1994.
5. Easterwood J., Nutt S. Inefficiency in Analysts' Earnings Forecasts: Systematic Misreaction or Systematic Optimism? *Journal of Finance*, no. 54, pp. 1777–1797.
6. Evans D. *Emotions: The Science of Sentiment*. Oxford, 2002.
7. Gazzaniga M., LeDoux J. *The Integrated Mind*. Plenum Press, 2015.
8. Kunda Z. The Case for Motivated Reasoning. *Psychological Bulletin*, no. 108, pp. 480–498.
9. Levi I. *Gambling with Truth*. Cambridge, 1970.
10. Wilson T., Meyers J., Gilbert D. Lessons from the Past: Do People Learn from Experience That Emotional Reactions Are Short Lived? *Personality and Social Psychology Bulletin*, no. 29, pp. 1421–1432.

УДК 81'1
ББК 81, 2Рос

МОЛЧАНИЕ В РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ: ЦЕЛЬ И СРЕДСТВО (на материале повести Ф. М. Достоевского «Кроткая»)

Т. Р. Копылова

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

В контексте изучения агрессивного речевого поведения особое внимание учеными уделяется отбору речевых средств, позволяющих реализовать те или иные стратегии говорящего. В статье на материале речевого поведения героев повести Ф. М. Достоевского «Кроткая» рассматривается молчание, которое, благодаря многофункциональности, способно выступать и как средство достижения коммуникативной цели речевого агрессора, и как результат — безмолвие жертвы, лишенной права голоса.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативное пространство, речевое поведение, речевая агрессия, молчание.

Речевая агрессия — деструктивное речевое поведение, где деструктивность проявляется как сознательная установка адресата на субъектно-объектный тип отношений, не обусловленный дискурсивно [3]. Данный тип поведения обладает рядом особенностей [1; 8; 9; 11]. Прежде всего, это целенаправленное, мотивированное речевое поведение, при котором говорящий контролирует выбор речевых тактик и стратегий, отбор речевых и языковых средств [2]. Посредством данных средств субъект речевой агрессии добивается коммуникативного доминирования в общении, реализует преднамеренное вторжение в коммуникативное пространство адресата, деформирует его в угоду своим коммуникативным целям [3]. Именно средства достижения коммуникативной цели адресанта, их эффективность находятся в центре современного лингвистического исследования [3; 4].

В повести Ф. М. Достоевского «Кроткая» рассказчик, «отставной штабс-капитан блестящего полка, родовой дворянин»¹, вынашивая план мести с целью взять реванш, отомстить за понесенный ущерб и обиду, методично, шаг за шагом, выстраивает линию поведения, где он «суров, горд и в нравственных утешениях ни в чьих не нуждается, страдает много» (16). В его коммуникативном сценарии определенное место отводится жертве: «Сирота. У теток три года была в рабстве. Поденная безжалостная работа. Попросту они даже ее били, попрекали куском. Намеревались продать» (10). Переноса свою месть с общества

на существо, значительно слабее и незащищенное его, герой мечтает, как в результате его блестящего плана она, как и мир, оскорбивший и униживший его, должна понять, оценить, увидеть его великодушие и пасть «в прах, сложа в мольбе руки» (17). Эта минута триумфа — цель его жизни. Он четко представляет себе эту цель, представляет живо, наполненно, эмоционально. С этой целью он сопоставляет все свои действия: вот он суров и горд, чтобы скрыть свои страдания, так как «в нравственных утешениях ни чьих не нуждается» (16), вот он заводит кассу, чтобы собрать деньги и «окончить жизнь где-нибудь в Крыму, на Южном берегу, в горах и виноградниках <...>, а главное, вдали от всех» (16). В реализации своего плана, *идеи своей*, герой создает целую систему, *порядок*. Из всего многообразия средств достижения цели адресант выбирает только одно — молчание.

Почему именно молчание становится средством доминирования над миром, некогда оскорбившим его? Может, молчание является чертой характера адресанта?

Нет, ранее он был открыт миру, искренен, импульсивен, но на его страстный порыв ответили обидой, изгнанием. «Видите, господа, есть идеи <...>, если иную идею произнести, выговорить словами, то выйдет ужасно глупо. Выйдет стыдно самому» (16). С того самого момента у рассказчика складывается коммуникативный стереотип — через слово показаться смешным, глупым, недопонятым. В ситуации, когда Кроткая запела, он опасается выплеснуть свои чувства наружу: «Моим волнениям засмеются, но никогда никто не поймет, почему я заволновался» (27). Его по-

¹ Здесь и далее цитирование по: Достоевский, Ф. Полное собрание сочинений в тридцати томах. — Ленинград, 1982. — Т. 24. — С. 5–35.

пытки объяснить, все проговорить наталкивались на стену, на смех. Именно поэтому он старается отдавать предпочтение молчанию, нежели словам. Он *мастер говорить молча, не проговаривать вслух, а все больше про себя*: «Разумеется, хорошо, что я это сам про себя говорю, а то что могло быть глупее, если б я тогда ей вслух написал?» (16). Он про себя не только *разрешал вопросы, приготовлялся к будущему, говорил и проговаривал, но и стонал* он тоже про себя и «стоны давил даже от Лукерьи» (23).

Во внутренней речи герой предстает довольно искренним, эмоциональным человеком; речь его изобилует восклицаниями, риторическими вопросами, эмоционально-оценочной лексикой («Ага! <...> вот ты какая», «О искренность!», «А в ней как было прелестно!», «О боже!»); она не так рафинирована, как учтивая внешняя («Тьфу! опускаю грязь подробностей», «Да и наплевать на меня!!»; тетки — «обе скверные, твари», Ефимович — «подлец»). В речи, обращенной к самому себе, нет необходимости говорить «прилично, выказав человека с воспитанием»; герой честен и откровенен в оценке как окружающего мира, так и самого себя: положение Кроткой *было ужасно*, ей предстоял жестокий *выбор из двух несчастий* («А кто был для нее тогда хуже — я аль купец? купец или закладчик, цитирующий Гете?» (12)).

Внешняя речь зафиксирована в тексте посредством обрывков диалогов, реплик, собственно прямой речи. Интересно, что в тексте представлена речь, обращенная только к людям, зависимым от героя и находящимся в более низком положении (тем, кто приходит в скупку: Лукерье и самой Кроткой). Ее отличает покровительственный тон, учтивость, холодность, малословие, снисходительность — все, что подчеркивает превосходство, дистанцию, отстраненность от мира его собеседников, их проблем; умение говорить полшутками, полутонами, намеками вызывает у всех чувство дискомфорта, неуверенности в себе, растерянности.

Сопоставление внешней речи и внутренних монологов создает у читателя ощущение, что перед нами два героя. Первый холоден и расчетлив, говорит с гордостью, прямо, *не смягчая ничего, безжалостно, нарочно усиливая*. Мы сталкиваемся с неким безнравственным негодяем, подчеркивающим свою власть, данную ему деньгами. Герой играет и играет искусно. Он нарочито *не особенно талантлив, не особенно умен, даже не особенно*

добр, довольно дешевый эгоист и очень, очень может быть, заключает в себе много неприятного и в других отношениях — закладчик, одно слово, «закладчик закладчиком и останется», и для убедительности добавляет лакейскую с: «Знаем-с». И вдруг неожиданно цитирует «Фауста». Его коммуникативная задача (о чем мы узнаем благодаря внутренней исповеди) *создать загадку* искусно решается каждым его коммуникативным ходом. Игра, которую он вел с другими, героя веселила, увлекала («с таким шиком спросил: «Ну что же-с?» — с словоерсом» (12)). Внешняя речь выстраивается героем скрупулезно и методично: подконтрольно каждое слово и его отсутствие, жест, взгляд («Я ведь это только для Вас <...>. Слово «для вас» я особенно подчеркнул» (7)). Внешнюю речь и характеризует молчание.

Молчание героя — особое молчание. Оно заменяет внутренне пылкие убедительные монологи. В обращении к самому себе он вспоминает и вновь переживает унижения прошлого, восклицает, радуется, сомневается. Он откровенен сам с собой («Меня не любили товарищи за тяжелый характер и, может быть, за смешной характер...»), «меня всегда и везде не любили» (23), «мы все дрянь и правды не выносим» (16)). Внешне же *холодная, строгая, сухая* речь его прерывается тягостным молчанием. Посредством молчания он добивается задуманного, заставляет людей действовать по его плану и внутренне вновь проговаривает весь цинизм своих поступков (отчаянное положение Кроткой — «все мне на руку»), анализирует и старается как можно более четко обозначить свои отношения с людьми (*укол, удивил*).

Молчание строго, холодно, оно как нельзя лучше вписывается в его систему, основанную на порядке во всем («Порядок!»), молчание выстраивает стену; «тон джентельменский: мало слов, вежливо и строго» помогли герою достичь определенного успеха («держать кассу») и осуществить задуманное, приблизиться к его мечте. И каждая маленькая победа вызывает в нем *удовлетворение, довольство*. В коммуникативном опыте рассказчика молчание — максимально эффективное средство достижения поставленной цели.

Спустя годы, обрастая богатством и властью над просящими, рассказчик в достижении своей главной цели взять реванш обращается к испытанному средству — молчанием заставить молчать другого, лишить права на собственную речь, а вместе с тем и права на собственные желания, чувства, эмоции.

Кроткая — борец, бунтарь, деятельная натура, гордая. На все удары судьбы она отвечает деятельно, принимая вызов. Ее хотят вопреки ее воле выдать замуж — она ищет работу; поиски работы ни к чему не привели — она пришла сдавать свои вещи. И здесь мы видим, как она меняется одновременно с отказом от слова: ранее была *заносчивой*, а теперь согласна даже на *без жалования, из хлеба*. В этом положении, когда «к отчаянию подошло», ее и встретил рассказчик, и встретил уже как *кроткую, покорную, добрую*; да и сама она как будто *конфузилась*.

Увлечшись своим планом, рассказчик не видел в Кроткой ума и проницательности («Вы мстите обществу? Да?» (9)), ее глубокой эмоциональностью и искренности («Она с самого начала, как не крепилась, а бросилась ко мне с любовью, встречала, когда я приезжал по вечерам, с восторгом, рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) все свое детство» (13)). Даже тонко замеченное им желание Кроткой любить («она желала любить, искала любить» (16)) не заставило рассказчика отказаться от вынашиваемой идеи. Он «знал, что женщина, да еще шестнадцати лет, не может не подчиниться мужчине вполне», «в женщинах нет оригинальности, это — это аксиома» (15). Его миропорядок, состоящий из аксиом, — это система противоположностей, где женщина противостоит мужчине, молодость — зрелости, эмоции — холодности, он — всему миру, да и всегда хотел он в жизни *или всего, или ничего*, и говорил он, и действовал *pro и contra*. На все попытки Кроткой быть самой собой, «на восторги я отвечал молчанием» (13), «я все это упоение тут же обдал сразу холодной водой» (13) — «вот в том-то и была моя идея» (13); она должна была увидеть, что «мы разница», «кто был я и кто была она» (6). Он вынужден был молчать, скрывая свои идеи, чувства, эмоции, и ее безмолвие — плата за его молчание.

В отличие от рассказчика, у Кроткой была постоянная потребность рассказать, проговорить. И, несмотря на то, что герой все время налегал на молчание, она успела рассказать ему очень многое. Она так эмоционально богата, что эти эмоции все время стремятся вырваться наружу. Для Кроткой молчание — несвойственно, оно дается ей тяжело. Не случайно, когда она заговорила, она *засияла, как солнце*. Она наивна, коммуникативно неискушена по сравнению с ним. Иногда рассказчик видел, как *вспыхивают, загораются* ее глаза, *голубые, большие, задумчивые*, как на губах появ-

ляется *насмешливая складка* или довольно *едкая насмешка*, но он, «как бы из высшего мира», никогда не сомневаясь *в своем могуществе*, только *объяснял ей безжалостно* и *усиливал молчание*. Лукерья, прислуга, предупреждала о ее гордости, только в его системе гордый он, а она *горденькая* — так он снисходительно обозначал все, что было связано с ней: *бледненькая, тоненькая, белокуренькая*, и личико у нее серьезное, и *длинненький медальончик*, и вещицы всякие — *горденькая*, одно слово.

Сначала она спорила, на молчание отвечала словом. На предложение сделать свадьбу *à l'anglaise воспротивилась, не позволила*. Но он только *налег на молчание*. «И так налег, что она все больше и больше начала умолкать» (13), «раскрывала большие глаза, слушала и умолкала» (13). Если раньше она и *перебить могла*, то теперь *ничего не говорила, не препятствовала*, и уже не только он, а они оба «молча ходили и молча возвращались» (15), и уже *не вспыхивала* она, а *лишь исподтишка глядела*. Взамен пылкой искренней речи приходит молчание. Кроткая молчание приняла, но внутренне все еще бунтовала: «*Батюшки, как вспыхнула!*», глаза — *как загорелись!* Она *ни спорила, ни проронила ни слова, ни сказала — а сдержалась, смолчала, приняла*, но каждый раз, когда она сдерживала себя, она *уходила*, как будто понимала, что уход всегда в ее праве.

Умолкая уже будучи женой, Кроткая опять *не препятствует, не спорит*, только чем больше она молчит, чем больше *сдерживает слова свои*, тем «больше дерзкий вид с ее стороны», «и все пуще и пуще *насмешливая складка*» (15), и тем активнее ее действия: то она «вздумала выдать деньги по-своему, ценить» (17), то уходит из дома и возвращается только вечером, то захохочет прямо в лицо. Вынужденная *сдерживать слова свои*, Кроткая стремится к свободе физической. И эта физическая свобода в какой-то момент позволяет ей раскрепоститься и эмоционально, и тогда она говорила *все и прямо*. Словно нащупывая границы этой свободы, она берет в руки револьвер, и даже хватает духу приставить железное дуло к его виску. Это был момент *страшного поединка на жизнь и на смерть*. Для рассказчика этот поединок — борьба между ней и ним. Сможет ли он, вчерашний трус, сдержать этот ужас перед гибелью? Для Кроткой этот поединок — борьба самой с собой: позволит она себе или не позволит, решится или не решится, имеет право или не имеет. Не имеет. Только это уже было ее ре-

шение, ее выбор, и поэтому Кроткая *побеждена*. Такая явная параллель с раскольниковскими метаниями приводит к иному решению — побеждает старуха-процентщица: он «победил, — и она была навеки побеждена!». Последние попытки к жизни Кроткой (уже *бледно*, но еще «усмехнулась бледными губами», уже *в робких глазах*, но все-таки вопрос) наткнулись на равнодушие, стену, и опять молчание. И еще больше физического ограничения (*железная кровать в зале и ширма*). И это она уже приняла без слов. Кроткая безмолвствовала.

С этим безмолвием в доме становится тихо. Ночной поединок закончился бредом, болезнью, но даже и выздоровление не принесло оживления. Этот поединок впустил в дом *тишину*. И она уже *как бы рада была не сказать лишнего слова*. Более того, предложение поговорить по душам вызывает в ней сильный испуг («она вздрогнула, отшатнулась в сильном испуге» (28)). Ни ножки, ни усмешки, ни улыбки, ни складки, ни блеска в глазах — в ней нет эмоций, чувств, она опустошена. Сам герой замечает, что Кроткая имела вид робкой кротости, бессилия, и ее нежелание говорить — не молчание, а странная задумчивость. «Она слишком потрясена и слишком побеждена» (23). Такое молчание подобно тишине, оно — «ничто», свидетельствует о смерти души, приводит к физической смерти.

* * *

Молчание, подобно слову, многофункционально, благодаря чему обладает огромным коммуникативным потенциалом [4; 12; 13]. Среди прочих средств речевой агрессии молчание занимает особое место: в зависимости от его интенсивности и продолжительности во времени, молчание меняет силу своего воздействия. Данное свойство

позволяет субъекту агрессии достигать коммуникативной цели, лишь *усиливая молчание, налегая на молчание, напирая на молчание*. В этом случае молчание не просто действие, оно может расширяться до действия, деятельности.

Прибегая к молчанию каждый раз, когда коммуникативное поведение Кроткой не соответствует роли, предназначенной для нее, рассказчик методично, шаг за шагом добивается своей цели — доминировать над ней, убедить ее в своем превосходстве. Однако воздействие агрессивного молчания так глубоко, что борьба адресата за коммуникативную самостоятельность перерастает в борьбу за слово, а затем — и в борьбу за жизнь. Вместе со словом уходят эмоции, чувства, желания. Молчание агрессора приводит к молчанию жертвы. Такое молчание — это не просто отказ от речи. Это вообще не-деятельность, это апатия, пассивность. Это молчание возникает, когда уже ничего не надо, нет желания, оно вне мотива, вне интенциональности¹ — это опустошенное молчание.

Опустошенное молчание — естественное следствие вынужденного молчания, когда адресат принимает чуждые ему условия общения, когда его речевое поведение выстраивается в соответствии с коммуникативным планом адресанта. Это результат насилия, агрессии, когда вместе с вторжением в коммуникативное пространство адресата, происходит и ломка пространств когнитивного, аксиологического². «Кроткая *слишком потрясена и слишком побеждена*».

¹ Об опустошенном молчании более подробно в [5].

² О способности речевой агрессии деформировать не только коммуникативное пространство адресата, но и аксиологическое, когнитивное более подробно в [3].

Список литературы

1. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. — М., 1993. — 172 с.
2. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т. А. Воронцова. — Ижевск, 2006. — 252 с.
3. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость / Т. А. Воронцова // Язык СМИ и политика. — М., 2012. — С. 569–611.
4. Копылова, Т. Р. Молчание как знак: проблемы интерпретации / Т. Р. Копылова // Trends in Slavic Studies. — М., 2015. — С. 721–727.
5. Копылова, Т. Опустошенное молчание в структуре русского речевого поведения (на материале произведений Федора Достоевского и Леонида Андреева) / Т. Копылова // Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы. — Катовице, 2017. — С. 521–531.
6. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — М., 2003. — 280 с.

7. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. — М., 2001. — 656 с.
8. Bandura, A. Psychological Mechanism of Aggression / A. Bandura // *Aggression: Theoretical and Empirical Reviews*. — New York, 1983. — Vol. 1. — P. 1–40.
9. Baron, R. A. Human aggression / R. A. Baron, D. R. Richardson. — New York, 1994. — 245 p.
10. Chomsky, N. A review of Skinner's verbal behavior / N. Chomsky // *Language*. — 1959. — Vol. 35. — P. 26–58.
11. Infante, D. A. Argumentativeness and Verbal Aggression: A Review of Recent Theory and Research / D. A. Infante, A. S. Rancer // *Communication Yearbook*. — 1996. — № 19. — P. 319–351.
12. Jaworski, A. The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives / A. Jaworski. — Newbury Park, CA, 1993. — 191 p.
13. Jensen, J. V. Communicative Functions of Silence / J. V. Jensen // *Communication: Concepts and Processes*. — Englewood Cliffs, 1976. — P. 124–132.

Сведения об авторе

Копылова Татьяна Рудольфовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет. Ижевск, Россия. k_tatiana4@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. III. Pp. 44–49.

SILENCE IN AGGRESSIVE SPEECH BEHAVIOR: A RESULT AND A MEANS (a case study of F. M. Dostoevsky's novel "A gentle creature")

T. R. Kopylova

Udmurt State University. Izhevsk, Russia. k_tatiana4@mail.ru

In the context of the study of aggressive speech behavior special attention is paid to the selection of speech tools that allow to implement certain strategies of the speaker. Silence is one of the effective speech tools that enables the speech aggressor to dominate in communication and to solve his own communicative tasks to the detriment of the addressee's interests. Silence is multifunctional. Due to this property silence can act as a means of achieving the speech aggressor's communicative goal as well as a result reflected in the speechless silence of the victim deprived of the right to have a say in communication. This article based on the case study of the speech behavior of the main characters of the novel by F.M. Dostoevsky "A Gentle Creature" considers how the speech aggressor by means of deliberate silence intrudes on the addressee's communicative space: he does not only transform it, but also by forcing the victim to remain silent deforms the entire life space of the addressee with all his values and attitudes.

Keywords: *communication, communicative space, speech behavior, speech aggression, silence.*

References

1. Vinokur T.G. *Govoryashchiy i slushayushchiy. Varianty rechevogo povedeniya* [The Speaker and the Listener. Variants of Speech Behaviour]. Moscow, 1993. 172 p. (In Russ.).
2. Vorontsova T.A. *Recheyaya agressiya: vtorzheniye v kommunikativnoe prostranstvo* [Speech Aggression: Penetration of Communicative Space]. Izhevsk, 2006. 252 p. (In Russ.).
3. Vorontsova T.A. *Recheyaya agressiya, tolerantnost', veshlivost'* [Speech Aggression, Tolerance, Politeness]. *Yazyk SMI i politika* [Mass Media Language and Politics (Multi-Authored Monograph)]. Moscow, 2012. Pp. 569–611. (In Russ.).
4. Kopylova T.R. *Molchanie kak znak: problemy interpretatsii* [Silence as a Sign: Interpretation Problems]. *Trends in Slavic Studies*. Moscow, 2015. Pp. 721–727. (In Russ.).
5. Kopylova T.R. *Opustoshennoe molchanie v strukture russkogo rechevogo povedeniya (na materiale proizvedenij Fedora Dostoevskogo i Leonida Andreeva)* [Silence expressing devastation in the structure of Russian speech behavior (based on the works of Fyodor Dostoevsky and Leonid Andreev)]. *Russian studies and modernity. Old questions, new answers*. Katowice, 2017. Pp. 521–531. (In Russ.).

6. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of Discourse Theory]. Moscow, 2003. 280 p. (In Russ.).
7. Pocheptsov G.G. *Teoriya kommunikatsii* [Communication Theory]. Moscow, 2001. 656 p. (In Russ.).
8. Bandura A. Psychological Mechanism of Aggression. *Aggression: Theoretical and Empirical Reviews*, vol. 1. New York, 1983. Pp. 1–40.
9. Baron R.A., Richardson D.R. *Human aggression*. New York, 1994. 245 p.
10. Chomsky N. A review of Skinner's verbal behavior. *Language*, no. 35, pp. 26–58.
11. Infante D.A., Rancer A.S. Argumentativeness and Verbal Aggression: A Review of Recent Theory and Research. *Communication Yearbook*, 1996, no. 19, pp. 319–351.
12. Jaworski A. *The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives*. Newbury Park, CA, 1993. 191 p.
13. Jensen J.V. Communicative Functions of Silence. *Communication: Concepts and Processes*. Englewood Cliffs, 1976. Pp. 124–132.

УДК 415.0

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГИДРОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЖИНИЯЗА

Г. Ж. Мамбетова

Нукусский педагогический институт имени Ажинияза, Нукус, Узбекистан

Употребление гидронимов в произведениях каракалпакского поэта-классика Ажинияза характеризуется своеобразными языковыми особенностями. Гидронимы в тексте его произведений применяются для отражения богатства природы, морей и рек, мест обитания каракалпакского народа. В статье обосновывается использование гидронимов и проводится анализ слов, характеризующихся наличием сем, связанных с водными объектами в языке произведений Ажинияза, семантики гидронимов и гидронимических индикаторов.

Ключевые слова: каракалпакский язык, поэзия Ажинияза, семантика гидронимов, индикаторы.

Какими бы прозаическими, поэтическими или драматическими жанровыми особенностями не обладали произведения любого мастера слова, особенности его индивидуального языка и стиля, а также художественные средства, применяемые им в поэтическом языке, гидронимы выражают образ жизни, местонахождение, географическую привязку и промыслы населения, связанные с водой.

В произведениях Ажинияза употребление гидронимов отличается своеобразными языковыми особенностями. Гидронимы в тексте его произведений говорят о наличии у каракалпакского народа богатой природы, живописных морей и рек. В «Айтысе Ажинияза и Кыз Менеша» Аральское море упоминается следующим образом:

Менеш: Хэжеке, былтыр мени көрмединбе?

Мениң Менеш екенимди билмединбе?

Қайтқанда Арал жақтан бир баламен,

Үстиме суў басында келмединбе?

Хажеке, не ты ли меня видел в прошлом году?

Я ведь Менеш. Ты разве меня не узнал?

Когда я возвращалась с Арала с мальчиком,

Разве не ты у воды проскакал? [3. С. 127].

(Перевод Г. Тулегенова)

Арал — это море, находящееся на территории Каракалпакстана. В вышеуказанных строках этого айтыса Менеш дает знать, что она была в краях, где простиралось Аральское море. О гидрониме Арал ученый-языковед О. Бекбаулов пишет: «До того как называться Аралом, это море имело шестнадцать названий. Все эти названия (Дайтыя, Вирукаш, Оксианское озеро (Оксиана көли), Журжанское море, Си Хай (Западное море), Курыканское озеро (Курықантеңизи), Курдерское озеро (Курдеркөли), Кендское озеро (Кендкөли),

Меотида, Северное море (Арқатеңиз), Хорезмское море (Хорезм теңизи), (Бахри Хорезм), озеро Джейхун (Жайхункөли), Синее море (Көк теңиз) и самое последнее название — Аральское море) появились не на пустом месте, а имеют определенные причины или имеют отношение к каким-либо историческим событиям» [5. С. 169].

В произведениях Ажинияза используется и индикатор *теңиз* (море).

Жайлаўым — Үргениш, арқасы теңиз,

Жаўырыны қақпақтай маллары семиз,

Рухсатсыз бир-бирине салмас из,

Бирликли Қоңыраттай еллерим барды.

Сторона моя славная, славный Ургенч, а там,

Где покоится море, — раздолье тучным стадам,

Если нет приглашенья, никто не появится сам,

Но Кунград приглашает, поскольку он есть

[4. С. 35].

(Перевод Е. Емельянова)

В ряде произведений Ажинияза упоминается название *Жайық*. Название реки *Жайық* связано с древним бытом каракалпаков, их переселением и историей. Казахский ученый А. Абдурахманов писал: «*Жайық* — название реки, протекающей через Уральскую и Гурьевскую области Казахстана и впадающей в Каспийское море» [1. С. 110]. Также есть сведения о том, что название *Жайық* встречается в труде греческого ученого Птолемея, жившего во II в., в виде *Даикс*.

Одно из старых названий Амударьи — гидроним *Жайхун* — встречается в ряде стихотворений Ажинияза. Например:

Жайхун, Сэйхун еки дэрья арасы,

Түп сағамыз бир кисиниң баласы

(Джайхун, Сайхун середина двух рек,

Отец наших предков один человек) [2. С. 16].

Фәлектиң ойыны — Жәйхун гирдабы,
Бир тәбәссум етсең көңлимнің табы.
(Игра фортуны — пути Джайхуна,
Одна твоя улыбка бальзам для души) [3. С. 12].
(Перевод Г. Тулегенова)

Гидроним Сырдарья в стихотворении «Барды» наряду с рекой *Джайхун* используется как *Сайхун*, а в стихотворении «Бахыт» дается та-ким образом:

Қазақтың кездим қырын,
Аштан аш қумнан асып,
Көпирсиз кешип Сырын,
Жол таппадым адасып.
(По казахской степи я бродил,
Голодал я в его песках,
Без моста переплыл я Сыр,
Не нашел дорогу, был я в поисках) [2. С. 83].
(Перевод Г. Тулегенова)

Значит, старое название гидронима Сырдарья использовано в сокращенных вариантах «Сәйхун» и «Сыр».

В произведениях Ажинияза встречается ряд гидронимов, которые на сегодняшний день не используются в качестве географического названия и превратились в пассивную лексику. Например:

Қыдырып жүр едим Қауан бойында,
Сени көрсем деген болып ойымда,
Бир аўыл тур екен мениң жолымда,
Қонай деп қайрылып бардым, сәўдигим.
(Я бродил по берегу Кауана
В надежде встретиться с тобою,
Встретил на пути я один аул,
Я свернул туда для ночлега, любимая) [4. С. 25].
Айбүйир атаў билән Кесе етектен,
Несип болып Шоркөл көштин Мадауар.
(Из острова Айбуйир и подножья Кесе,
Перекочевал ты, Мадауар) [4. С. 115].
(Перевод Г. Тулегенова)

В этих стихотворениях под названием *Қауан бойы* понимается водный объект, а в гидрониме Шоркөл сочетаются *шор* (соленый) + гидронимический индикатор *көл* (озеро). Сегодня эти гидронимы почти не встречаются на территории с северным диалектом, где родился и жил Ажинияз. Индикатор *көл* (озеро) — озеро, природный водный объект. Индикатор озеро во многих тюркских языках встречается с некоторыми фонетическими особенностями.

Табылады излегеннің кереги,
Көлинде бар қасқалдағы үйреги,
Қуўлары ғазының пүтин бүйреги,
Дүньяның аңлары көлинде барды.

Здесь найти можно всё, но не надо совсем искать,
Здесь не пугана дичь, на *озерах* полно утят,
Над *озерами* лебеди так грациозно летят!
Здесь есть всё, что на свете прекрасного есть
[4. С. 35].

(Перевод Е. Емельянова)

А также слова *сархаўыз*, *гирбад*, *умман*, обозначающие гидронимические семы, в произведениях Ажинияза употребляются в качестве заимствованных слов из арабского и персидского языков. Напр.:

Сархаўыз бойында саялы терек,
Жесең тил үйирге нәселиў пәлек.
(На берегу Сархауза тенистое дерево,
Язык можно проглотить от медового вкуса пло-дов) [4. С. 7].

Фәлектиң ойыны — Жәйхун гирдабы,
Бир тәбәссим етсең көңлимнің табы.
(Игра фортуны — пути Джайхуна,
Одна твоя улыбка бальзам для души) [3. С. 12].
Аға беглер көңлим йетим,
Ашылмас думана меңзер,
Бир басымдағы әсиретим,
Гирдаблы уммана меңзер.
(Моя осиротевшая душа
Подобна густому туману.
Печаль одной моей головы
Подобна бездонному океану) [4. С. 37].
(Перевод Г. Тулегенова)

Индикатор *ҳәўиз* (*бассейн*, *водоем*) — искусственный водный объект, предназначенный для хранения воды. Как указывает З. Дусимов «Индикатор *ҳәўиз* встречается почти во всех областях Узбекистана, а также, в Таджикистане и Иранской топонимии» [8. С. 79]. Слово *ҳәўиз* восходит к арабскому языку и означает «большой сосуд, в котором хранится вода, водохранилище, арык, канава», а сегодня означает место, где хранят воду.

Индикатору *умман* (*океан*) в словаре по произведениям поэта дано следующее определение «*умман* — это безграничное море, океан». *Умман* — по номинативному значению самое объемное среди водных объектов, т. е. нет другого водного объекта, превосходящего его по объему. Слова *умман*, *гирдаб* в кратком словаре по произведениям Ажинияза [3] толкуются следующим образом: *гирдаблы умман* — муть, глинистая вода, бьющая ключом из-под воды.

Вообще, в узбекском литературном языке слово *умман* употребляется в значении *океан*. *Уммон* — по названию государства Уммон и окружающей его суше: море, океан [6].

Из этого можно сделать следующий вывод: Ажинияз, хоть и не бывал на берегу океана и не видел его собственными глазами, в силу того, что был очень хорошо осведомлен о событиях в мировой литературе и науке, самым первым из каракалпакских классиков литературы объяснил ги-

дроним *океан* через слово *умман*.

Таким образом, в языке произведений Ажинияза очень часто встречаются слова, обозначающие семы, связанные с водными объектами, особенно гидронимы и гидронимические индикаторы.

Список литературы

1. Абдирахманов, А. Топонимика және этимология / А. Абдирахманов. — Павлодар, 2010. — 238 б.
2. Ажинияз Қосыбай улы. Таңламалы шығармалары / Қосыбай улы Ажинияз. — Нөкис, 1960. — 179 б.
3. Ажинияз. Бозатаўлы нэзелим / Ажинияз. — Нөкис, 2014. — 55 б.
4. Ажинияз. Зийуар. Таңламалы шығармалары / Ажинияз. — Нөкис, 1988. — 35–151 б.
5. Бекбаулов, О. Арал гидронимы хэм «Араллылар» этнонимы ҳаққында / О. Бекбаулов // Қарақалпақ тили бойынша изертлеўлер. — Нөкис, 1971. — 206 б.
6. Махмуд Кашғарий. Девону луғатит түрк / Кашғарий Махмуд. — Ташкент, 1960. — Т. 1. — 460 б.
7. Ўзбек тилининг изоҳли луғоти. — Тошкент, 2013. — 284 б.
8. Дўсимов З. Хоразм топонимлари. — Тошкент, 1985. — 79 б.

Сведения об авторе

Мамбетова Гулназ Жаксымуратовна — старший научный сотрудник-исследователь, Нукусский педагогический институт имени Ажинияза. Нукус, Узбекистан. gul_mambetova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). *Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 50–52.*

PECULIARITIES OF USING HYDRONYMS IN THE WORKS OF AZJINIYAZ

G. Zh. Mambetova

Nukus State Pedagogical Institute named after Azhiniyaz, Nukus, Republic of Karakalpakstan. gul_mambetova@mail.ru

Usage of hydronyms in the works of the Karakalpak classical poet Ajiniyaz is found with peculiar linguistic characteristics. Hydronyms in the language of his works are used to reflect the rich nature, the sea and the river and place of living of the Karakalpak people. The article describes the use of hydronyms scientifically. The article analyzes the words denoting Seme, related to water bodies in the language of Ajiniyaz's works, semantics and hydronyms, hydronymic indicators.

Keywords: *karakalpak classical poet Azjiniyaz, hydronym, sea, river, lake, ocean.*

References

1. Abdirakhmanov A. *Toponimika i etimologiya* [Toponymics and etymology]. Pavlodar, 2010. 238 p. (In Kazakh).
2. Azhiniyaz Qosybai uly. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Nukus, 1960. 179 p. (In Karakalpak).
3. Azhiniyaz. *Krasavitsa iz Bozatau* [The beauty from Bozatau]. Nukus, 2014. 55 p. (In Karakalpak).
4. Azhiniyaz. *Ziiuar. Izbrannye proizvedeniya* [Ziyuar. Selected works]. Nukus, 1988. 35–151 p. (In Karakalpak).
5. Bekbaulov O. O gidronime Aral i etnonime «Aral'tsy» [About a hydronym Aral Sea and ethnonym of «Araltsa»]. *Issledovanie po karakalpakskomu yazyku* [Research on the Karakalpak language]. Nukus, 1971. 206 p. (In Karakalpak).
6. Makhmud Kashgarii. *Devonu lugatit turk. T. 1* [Devonu lugatit turk. Vol. 1]. Tashkent, 1960. 460 p. (In Uzbek).
7. *Tolkovyi slovar' uzbekskogo yazyka* [Explanatory dictionary of Uzbek]. Tashkent, 2013. 284 p. (In Uzbek).
8. *Dusimov Z. Toponimi Xorezma* [The toponyms of Xorezm]. Tashkent, 1985. 79 p. (In Uzbek).

УДК 81'276

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ МАРКЕРОВ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л. А. Нефедова, О. А. Галицкая

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания МОиН РФ по проекту № 34.6111.2017/БЧ (тема «Медиаперевод в современных информационных условиях»)

В рамках данной статьи мы исследуем речевые маркеры тактики «Художественное описание» в периферическом дискурсивном пространстве — искусствоведческом медиадискурсе, характеризующимся ориентированностью на массовую аудиторию и упрощенностью своего кода. В рамках данной тактики основная задача адресанта — заинтересовать реципиента и тем самым популяризировать сферу искусства. Материалом исследования послужили параллельные тексты статей к произведениям живописи научно-популярного издания «Третьяковская галерея».

Ключевые слова: *искусствоведческий дискурс, массмедиа, медиадискурс, медиалингвистика, СМИ, тактика.*

На сегодняшний день невозможно переоценить роль СМИ: ежеминутно мы подвергаемся сильнейшему информационно-прагматическому воздействию со стороны телевидения, радио, интернета, газет, журналов, и других всевозможных источников информирования. Мощный поток информации, порождаемый СМИ, служит «инструментом социальной власти» и «орудием информационного диктата» [10. С. 16]. Массмедиа создают, интерпретируют, дублируют тексты различной жанровой и тематической направленности, принадлежащие различным дискурсивным пространствам, тем самым реализуют важнейшие процессы социокультурного самопознания, а также формируют концептуальную картину мира человека [2; 3]. В связи с неоспоримой значимостью СМИ в любой социокультурной среде и растущим интересом со стороны лингвистов к языку СМИ и феномену медийности, сформировалась отдельная отрасль лингвистики — медиалингвистика.

Впервые термин «медиалингвистика» был предложен Т. Г. Добросклонской, обозначившей, что «предметом исследования медиалингвистики является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации» [5. С. 34]. Помимо этого, Т. Г. Добросклонская разграничивает понятия «массовая коммуникация» и «массмедиа», определяя массовую коммуникацию как «способ передачи информации», а массмедиа как некий коммуникативный ресурс, обеспечивающий процесс массовой коммуникации [4].

В рамках медиалингвистики исследуется феномен медиадискурса (медийного дискурса / дис-

курса массмедиа). Согласно Т. Г. Добросклонской под медиадискурсом понимается «сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации (отправитель, получатель сообщения, канал, обратная связь, ситуация общения или контекст)» [5. С. 22].

Интересное замечание выдвигает Н. И. Клушина, утверждая, что у каждого отдельного медийного текста есть конкретный автор, который, реализуя свой замысел, подчиняет себе необходимые стилистические ресурсы. Через выбор «идеологии», номинаций, тональности, оценочности и интерпретации (понимаемой как стилистический вариант описания фактов действительности) автор старается убедить своего читателя в правильности своего видения реальности [7].

Согласно Е. А. Кожемякину, на современном этапе существует два подхода к исследованию медиадискурса. Первый подход предлагает рассматривать медиадискурс как «специфичный тип речемыслительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля массмедиа». В рамках данного подхода медиадискурс исследуется как один из институциональных дискурсов, таких как научный, юридический, медицинский, гастрономический и так далее. Второй же подход определяет медиадискурс как «любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ» [9. С. 16]. Согласно этому подходу, любой институциональный дискурс может рассматриваться как медиадискурс, если он реализован посредством СМИ.

Н. И. Клушина справедливо отмечает, что в связи с высокой медиатизацией (распространением влияния массмедиа на важнейшие области социальной жизни) общества в нашу эпоху информационных технологий можно рассматривать медиадискурс как пересечение разных дискурсов с медиа [7].

Таким образом, на современном этапе исследований дискурсов мы чаще всего имеем дело не с отдельным изолированным типом дискурса (например, политическим), а с дискурсом, занимающим периферийное положение между его общественным институтом и массмедиа. Отличительной характеристикой периферийных медиадискурсов будет являться направленность на массовую аудиторию, а также на «усредненность и упрощенность своего кода» [13. С. 3].

Один из важнейших аспектов общества — его культура, формирующая и отображающая ценности, картину мира, модели поведения, каноны и так далее. Неотъемлемой частью культуры является искусство — элемент культуры, в котором аккумулируются художественно-эстетические ценности [11]. За всю историю существования человека было создано огромное множество произведений искусства разных видов: живописи, архитектуры, литературы, музыки, театра и так далее. Любое произведение искусства имеет некое содержание, лежащее в основе его создания [8]. Для того чтобы «расшифровать» внутреннюю форму (содержание) произведения искусства, ученые-искусствоведы, специалисты данной области, интерпретируют заложенный смысл данных произведений, тем самым порождая особый вид дискурсивного пространства — искусствоведческий дискурс. Основными целями искусствоведческого пространства являются описание и интерпретация объекта искусства, на основе чего можно выделить базовые стратегии данного дискурса — дескриптивную и интерпретативную. Когда искусствоведческий дискурс реализуется посредством СМИ, он занимает периферийное положение с медиадискурсом, и основной целью становится популяризация искусства, а для этого адресант исследуемого пространства пытается заинтересовать реципиента, используя различные коммуникативные тактики. Одной из таких тактик выступает тактика «Художественное описание».

В рамках вышеназванной тактики адресант передает реципиенту информацию о сюжете картины. Для этого он описывает, какие действия про-

исходят в изображении в моменте «здесь и сейчас». Так, адресант выступает в роли рассказчика, представляя информацию в форме настоящего времени, тем самым придавая описанию форму художественного рассказа. Более того, изложение событий в форме настоящего времени (Present Simple в англоязычных текстах) позволяет автору дискурса полностью сфокусировать внимание читателя на происходящем, вызвать чувство причастности к описываемому, что в дальнейшем способствует более успешному восприятию высказываний адресанта реципиентом. Примечательно, что посредством данной тактики строятся не только отдельные предложения, но и целые микротексты, чем они длиннее, тем более мощным эффектом воздействия на подсознание реципиента обладают.

Главными уровнями репрезентации исследуемой тактики являются лексический и морфологический уровни. На уровне морфологии речевым маркером выступает грамматическая категория времени глагола: настоящее время — в русском языке, Present Simple — в английском. На уровне лексики отмечается высокая частотность использования причастий; синтаксический уровень характеризуется множественными причастными оборотами в русскоязычном дискурсе.

Перейдем к рассмотрению реализации тактики на языковом материале.

Пример 1:

• *In it the artist captures nature in a serene state on a quiet summer day as the sun falls, and the limpid summer dusk descends. The sun gently gilds the tree tops and the wavering contours of the forest, which locks into the horizon and stands out clearly against the still-light sky. But a dense shadow has already spread along the nearest edge of the forest, overtaking the distant shore, and is ready to move further, as well as the reflection in the water, to the nearest edge of the painting. But for the moment our eyes relish the sight of the narrow river's gentle bend, its still water, and the river bank closest to us, with its irregular forms and grass fighting to grow up through the well-trodden soil [16].*

Перевод:

• *Художник воссоздает на холсте умиротворенное состояние природы покойного летнего дня, клонящегося к закату. На землю тихо спускаются летние прозрачные сумерки. Солнце слегка золотит верхушки деревьев и волнистые очертания лесного массива, замыкающего горизонт и четко рисующегося на фоне еще светлого*

неба. **Но** густая тень уже легла у ближнего края леса, захватила дальний берег и готова вместе с отражением в воде двинуться и к ближнему краю картины. **Но** пока наш глаз с наслаждением вглядывается в мягкий разворот неширокой реки, в ее неподвижную воду и ближний к нам берег с его неровностями, с пробивающейся сквозь утопанную землю травой [15].

Довольно интересным примером тактики «Художественное описание» является пример № 1, в котором автор описывает изображенный на полотне пейзаж. Ключевые речевые маркеры рассматриваемой тактики — глаголы в форме настоящего времени, описывающие одновременно происходящие действия: «воссоздает», «спускаются», «золотит», «вглядывается» — в русскоязычном варианте; и эквивалентные им глагольные элементы в Present Simple: «captures», «falls», «descends», «gilds», «locks», «stands», «relish» — в англоязычном. Кроме глаголов, речевыми маркерами тактики выступают причастия: «клонящегося», «замыкающего», «рисующегося», «пробивающейся» в русском языке и «overtaking», «relish», «fighting», «well-trodden» в английском.

Для того чтобы добавить динамику образованному исследуемой тактикой микротексту, автор применяет глаголы в форме прошедшего времени в русскоязычном примере — «легла», «захватила»; в настоящем совершенном (Present Perfect) в англоязычном — «has spread». С помощью данных элементов автор демонстрирует, что события, происходящие в изображении не статичны, они находятся в процессе развития, связывая их с реальностью читателя. Посредством использования глаголов разных временных групп автор позволяет реципиенту представить сюжет картины не только в момент, фактически изображенный на полотне, но и предположить, как развивались события за некоторое время до того, как этот момент был запечатлен художником, а также представить, что может произойти позднее.

Для более точного описания происходящего автор применяет наречия: «тихо», «слегка», «четко», «еще», «пока», «gently», «clearly»; прилагательные: «умиротворенное», «покойного», «летнего», «летние», «прозрачные», «волнистые», «лесного», «светлого», «ближнего», «мягкий», «неширокой», «неподвижную», «утопанную», «serene», «quiet», «limpid», «summer», «still-light», «dense», «distant», «nearest», «narrow», «gentle», «still», «irregular».

На синтаксическом уровне построение последних двух предложений с союзами «но» и «but» образует анафору; повтор предлога «в» и союза «с» в последнем предложении формирует параллелизм в русскоязычном варианте.

Пример 2:

• *In this artless landscape motif Levitan discovers a wealth of simple elements and details that characterise not only the life of nature, but also the life of human beings in nature. A footpath trodden over many years runs along the bank, then either skirts away from it, or retreats into the forest before once again rejoining the curves of the stream. The water seems motionless, but in fact passes around a small island in the centre, small waves lapping against the banks. Its agile brush strokes create the painting's rich and intricate texture: Levitan first "pits" the brush strokes against one another in the foreground, then applies paints in long "stretches" to the distant bank, finally softly "rounding" them off in the tree tops. It is the painting's "vocabulary" that conveys the richness and beauty of the natural environment which so fascinated the artist, as he masterfully represents in his landscapes his personal perception of the life of nature, its agility and volatility [16].*

Перевод:

• *В таком бесхитростном пейзажном мотиве Левитан находит множество простых подробностей и деталей, говорящих не только о жизни природы, но и человека в ней. Бежит по берегу тропинка, протоптанная людьми за многие-многое годы. Она то приближается к берегу, то уходит в лес и снова повторяет изгибы реки. Вода кажется неподвижной, но вот она, журча, огибает маленький островок посередине и легкой прибрежной пеной напоминает о своем течении. Сама живопись с подвижными мазками создает богатую и сложную фактурную поверхность картины. Левитан то «сталкивает» мазки друг с другом на переднем плане, то длинными «протяжками» кладет их по дальнему берегу, то они мягко «круглятся» в изображении крон деревьев. Именно живописная пластика передает богатство и красоту природного мира, которые завораживают художника, и он мастерски воссоздает в своих пейзажах собственное восприятие жизни природы, ее подвижность и изменчивость [15].*

В примере № 2 репрезентация тактики «Художественное описание» происходит посредством использования глаголов в форме настоящего простого времени: «находит», «бежит»,

«приближается», «уходит», «повторяет», «кажется», «огихает», «напоминает», «создает», «сталкивает», «кладет», «круглятся», «передает», «завораживают», «воссоздает» — в русскоязычном примере; «discovers», «characterise», «runs», «skirts away», «retreats», «seems», «passes», «create», «intricate», «pits», «applies», «conveys», «represents» — в англоязычном; а также **деепричастия** «журча» и **причастий**: «говорящих», «протопанная», «trodden», «rejoining», «lapping», «rounding», «fascinated».

Точность описания сюжета достигается за счет использования таких **наречий**, как: «мягко», «снова», «мастерски», «along», «away», «once again», «around», «against», «softly», «masterfully»; а также **прилагательных**: «бесхитростном», «пейзажном», «простых», «недвижной», «маленький», «легкой», «прибрежной», «подвижными», «богатую», «сложную», «фактурную», «длинными», «переднем», «дальнему», «живописная», «природного», «artless», «landscape», «simple», «natural», «small», «distant», «motionless», «agile».

На уровне синтаксиса в рассматриваемом примере можно выделить: повтор синтаксической структуры «the life of» в первом предложении англоязычного варианта, лексических единиц «small» и «his» в середине и конце англоязычного микротекста; инверсию во втором предложении русскоязычного варианта, а также многократное повторение в нем частицы «то».

На графическом уровне с помощью взятия лексических элементов в кавычки (“pits”, “rounding”, “vocabulary”, “сталкивает”, “круглятся”), автор привлекает внимание реципиента к важным, на его взгляд, деталям.

Пример 3:

• *Even the white fluttering strips of Golovin's stage curtains, lost in the golden-blue portières and the fronthy swirl of ribbons (the sketch for Tchaikovsky's "Eugene Onegin", 1925, Bakhrushin Theatre Museum) sometimes evoke harp-like modulations of something birch-like, arboreal [17].*

Перевод:

• *Даже в колеблющихся белых полосках декоративных занавесей Головина, теряющихся в синезолотых портретах в пенном вихре лент (эскиз к опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин», 1925,*

ГЦТМ), порой слышатся арфообразные переливы чего-то березового, древесного [1].

В примере № 3 «Художественное описание» репрезентируется за счет глагольных элементов «слышатся» и «evoke», а также причастий: «колеблющихся», «теряющихся», «fluttering», «lost». Более того, описание дополняется наречиями частотности «порой» и «sometimes», посредством которых автор подчеркивает особенность описываемого момента. Поскольку описываемый объект искусства — эскиз к опере, автор использует метафору «слышатся арфообразные переливы» в русскоязычном варианте, тем самым указывая на то, что визуальная форма объекта может вызывать аудиальные ассоциации, поскольку неразрывно связана с музыкой. В англоязычном варианте эквивалентный метафорический элемент «evoke harp-like modulations» в дословном переводе «пробуждают арфообразные модуляции», согласно «Музыкальному энциклопедическому словарю», модуляция — в мажоро-минорной системе смена тональности, т. е. переход из одной тональности в другую [12]. Так, метафора может быть переведена аналогично русскоязычному варианту: «Пробуждают арфообразные переходы (переливы)». Помимо метафоры, на лексическом уровне следует отметить использование эпитета «пенный вихрь лент» («the fronthy swirl of ribbons»), за счет которого описание приобретает экспрессию и наглядность.

Проведенный анализ языкового материала показал, что ключевыми речевыми маркерами тактики выступают: глаголы в форме настоящего времени (Present Simple) и высокая степень использования причастных и деепричастных оборотов.

Таким образом, в условиях современной информационной реальности различные институциональные дискурсы занимают периферическое положение с медиадискурсом, вследствие чего зачастую расширяется их целевая аудитория и упрощается языковой код. Когда искусствоведческий дискурс реализуется через СМИ и смешивается с медиадискурсом, основной задачей является популяризация искусства. Для этого адресант искусствоведческого дискурса применяет тактику «Художественное описание».

Список литературы

1. Давыдова, О. Александр Головин: за кулисами стиля / О. Давыдова // Журн. Третьяк. галерея. — 2014. — № 3 (44). — URL: <http://www.tg-m.ru/articles/3-2014-44/aleksandr-golovin-za-kulisami-stilya>.

2. Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1988. — Вып. XXIII. — С. 153–211.
3. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. — М., 2005. — 288 с.
4. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. — 2006. — № 2. — С. 20–33.
5. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. — М.: Наука, 2008. — 264 с.
6. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. — М., 2006. — 448 с.
7. Клушина, Н. И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации / Н. И. Клушина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. — 2016. — Т. 20, № 4. — С. 78–90.
8. Коваль, О. В. Сотворение знака: Очерки в лингвоэстетике и семиотике искусства / О. В. Коваль, В. В. Фещенко. — М., 2014. — 640 с.
9. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. — 2010. — № 2 (73), вып. 11. — С. 16.
10. Кузьмина, Н. А. Современный медиа-текст : учеб. пособие / Н. А. Кузьмина. — Омск, 2011. — С. 414.
11. Моторина, И. Е. Искусство как феномен культуры в условиях становления информационного общества / И. Е. Моторина // Альманах современной науки и образования. — 2007. — № 7–2. — С. 116–120.
12. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г. В. Келдыш. — М., 1990. — 672 с.
13. Темникова, Л. Б. К вопросу о типологии медиадискурса / Л. Б. Темникова // Науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та. — 2016. — № 119. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-mediadiskursa>.
14. Уварова, Е. А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий / Е. А. Уварова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. — 2015. — № 5. — С. 47–54.
15. Чурак, Г. Летний день Исаака Левитана. Из истории находок / Г. Чурак // Журн. Третьяк. галерея. — 2014 (42). — № 1. — URL: <http://www.tg-m.ru/articles/1-2014-42/letnii-den-isaaka-levitana>.
16. Churak, G. Isaac Levitan's Summer. Day Rediscovered / G. Churak // The Tretyakov gallery magazine. — № 1. — 2014 (42). — URL: <http://www.tretyakovgallerymagazine.com/articles/1-2014-42/isaac-levitans-summer-day-rediscovered>.
17. Davydova, O. Alexander Golovin's Art Nouveau: Behind the Curtain of Style // The Tretyakov gallery magazine. — 2014. — № 3. (44). — URL: <http://www.tretyakovgallerymagazine.com/articles/3-2014-44/alexander-golovins-art-nouveau-behind-curtain-style>.

Сведения об авторах

Нефедова Лилия Амирянвна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. lan2@mail.ru

Галицкая Олеся Алексеевна — соискатель степени кандидата филологических наук, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. galitskaaya-91@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 53—59.

RESEARCH OF SPEECH MARKERS IN ART CRITICISM MEDIA DISCOURSE

L. A. Nefedova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. lan2@mail.ru

O. A. Galitckaia

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. galitskaya-91@mail.ru

Within this article, we study speech markers of tactics “The art description” in peripheral discursive space — the art criticism media discourse which is characterized by focus on mass audience and simplified nature of its code. Within this tactics the main aim of the sender — to interest the recipient and to popularize the sphere of art. Parallel texts of articles to works of painting of the popular scientific edition “Tretyakov gallery” have served as material of the research.

Keywords: *art criticism discourse, mass media, media discourse, media linguistics, tactics.*

References

1. Davydova O. Alexandr Golovin: za kulisami stilya [Alexander Golovin’s Art Nouveau: Behind the Curtain of Style]. *Zhurnal Tretyakovskaya galereya* [The Tretyakov gallery magazine], 2014, no. 3 (44). Available at: <http://www.tg-m.ru/articles/3-2014-44/aleksandr-golovin-za-kulisami-stilya>. (In Russ.).
2. Dijk T.A., Kintsch W. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies of understanding of the coherent text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in the foreign linguistics]. Moscow, 1988. Pp. 153–211. (In Russ.).
3. Dobrosklonskaya T.G. *Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt issledovaniya sovremenoiy angliyskoiy mediarechi)* [Questions of studying of media texts (experience of a research of the modern English media speech)]. Moscow, 2005. 288 p. (In Russ.).
4. Dobrosklonskaya T.G. Mediadiskurs kak ob’ekt lingvistiki i mezhkulturnoyi kommunikatsii [Media discourse as object of linguistics and cross-cultural communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 10. Journalism], 2006, no. 2, pp. 20–33. (In Russ.).
5. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: sistemnyi podhod k izucheniju yazyka SMI (Sovremenaya mediarech)* [Media linguistics: system approach to studying of language of media]. Moscow, 2008. 264 p. (In Russ.).
6. Kirilova N.B. *Mediakultura: ot moderna k postmodernizmu* [Media culture: from a modernist style to a postmodern]. Moscow, 2006. 448 p. (In Russ.).
7. Klushina N.I. Diskurs-analiz i stilistika: integratinnye metody issledovaniya mediakommunikatsii [Discourse analysis and stylistics: integrative methods of a research of media communication]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of University of friendship of the people. Linguistics series], 2016, vol. 20, no. 4, pp. 78–90. (In Russ.).
8. Koval O.V., Feshenko V.V. *Sotvorenije znaka: ocherki v lingvoestetike i semiotike iskusstva* [Sketches in a lingvoesthetics and semiotics of art]. Moscow, 2014. 640 p. (In Russ.).
9. Kozhemyakin E.A. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass communication and media discourse: to research methodology]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific sheets of Belgorod state university. Series: Humanities], 2010, no. 2 (73), p. 16. (In Russ.).
10. Kuzmina N.A. *Sovremennyiy mediatekst* [Modern media text]. Omsk, 2011. 414 p. (In Russ.).
11. Motorina I.E. Iskusstvo kak fenomen kultury v usloviyah stanovleniya informatsionnogo obshchestva [Art as cultural phenomenon in the conditions of formation of information society]. *Almanah sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2007, no. 7–2, pp. 116–120. (In Russ.).
12. Keldysh G.V. *Muzykalnyi entcyklopedicheskiy slovar* [Musical encyclopedic]. *Sovetskaya entcyklopediya* [Soviet encyclopedia]. Moscow, 1990. 672 p. (In Russ.).
13. Temnikova L.B. K voprosu o tipologii mediadiskursa [To a question of media discourse typology]. *Nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Scientific journal of the Kuban

State Agrarian University]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-mediadiskursa>. (In Russ.).

14. Uvarova E.A. Mediatekst I mediadiskurs: k probleme sootnosheniya ponyatiy [Media text and media discourse: to a problem of a ratio of concepts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 2015, no. 5, pp. 47–54. (In Russ.).

15. Churak G. Letniy den' Isaaka Levitana. Iz istorii nahodok [Isaac Levitan's Summer. Day Rediscovered]. *Zhurnal Tretyakovskaya galereya* [The Tretyakov gallery magazine], 2014, no. 1 (42). Available at: <http://www.tg-m.ru/articles/1-2014-42/letnii-den-isaaka-levitana>. (In Russ.).

16. Churak G. Isaac Levitan's Summer. Day Rediscovered. *The Tretyakov gallery magazine*, 2014, no. 1 (42). Available at: <http://www.tretyakovgallerymagazine.com/articles/1-2014-42/isaac-levitans-summer-day-rediscovered>.

17. Davydova O. Alexander Golovin's Art Nouveau: Behind the Curtain of Style. *The Tretyakov gallery magazine*, 2014, no. 3 (44). Available at: <http://www.tretyakovgallerymagazine.com/articles/3-2014-44/alexander-golovins-art-nouveau-behind-curtain-style>.

УДК 81' 27
ББК 81.001.2

ГИБРИДИЗАЦИЯ В ЭРГОНИМАХ (на материале названий кафе и ресторанов)

С. А. Путина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье проанализированы особенности гибридных названий отечественных кафе и ресторанов с точки зрения современной социолингвистики и лингвокультурологии. Показано, что гибридикация как составляющая креативного нейминга затрагивает не только структуру эргонимов, но и влияет на их значение и восприятие. Гибридикация в названиях кафе и ресторанов отражает общие тенденции нейминга, с одной стороны, и локальные особенности, с другой.

Ключевые слова: *урбаноним, микротопоним, эргоним, гибридикация, нейминг, креативность.*

Урбанонимы — названия городских объектов — как часть топонимического пространства и система микротопонимов отражают современное состояние языка и его носителей. Урбанонимы включают в себя устойчивые и меняющиеся наименования городского пространства, реализуя потребности общества в адекватном для восприятия большинством его жителей ономастиконе. В данной работе предпринята попытка проанализировать механизмы создания менее устойчивых по сравнению с годонимами (названиями улиц) и агоронимами (названиями площадей) наименований коммерческих организаций (эргонимов). Лингвистические аспекты современного отечественного нейминга успешно исследуются в работах М. В. Голомидовой [1], О. С. Иссерс [2; 3], И. В. Крюковой [4; 5], Е. С. Самсоновой [9], Н. В. Шимкевича [12] и др. ученых. Функционирование эргонимов в англоязычном художественном тексте и кинодискурсе проанализировано в работах автора статьи и Г. В. Урванцева [7; 11].

В эргонимах отражены ценностные культурные представления этносоциумов, обусловленные не только особенностями языковых систем, но и спецификой культуры [10], поэтому их социолингвистический и лингвокультурологический анализ и систематизация представляется актуальным для понимания как общих механизмов топообразования, так и для выявления особенностей регионального сознания. Особый интерес для исследования с точки зрения социолингвистического и лингвокультурологического направлений современной лингвистики представляют гибридные эргонимы, отражающие общие и национально-специфические тенден-

ции нейминга в конкретной лингвокультурной ситуации.

В работе проанализировано более тысячи наименований объектов общественного питания разного статуса городов Москвы, Санкт-Петербурга и Челябинска, из которых отобрано около трехсот гибридных названий. Под гибридными эргонимами понимаем структурно и семантически контаминированные названия коммерческих организаций, которые отражают когнитивные механизмы топообразования, влияние языковой моды, лингвокреативность, с одной стороны, и стереотипность нейминга в эргонимах, с другой.

Выбор данного материала можно объяснить целым рядом причин и особенностей эргонимов:

1. Эргонимы являются более открытой к изменениям и менее устойчивой составляющей городского ономастикона по сравнению с другими урбанонимами.

2. Эргонимы в сфере общественного питания подвержены иноязычному влиянию, отражая особенности предлагаемой кухни в своих названиях.

3. Большое количество кафе и ресторанов порождает конкуренцию даже в большом городе и вызывает потребность в названиях, привлекающих как можно больше посетителей.

4. Стремление к оригинальности и новому соответствует специфике профессиональной деятельности рестораторов и нередко реализуется в креативных эргонимах.

Рассмотрим каждую из перечисленных особенностей на конкретных примерах. Открытый характер анализируемой лексической системы проявляется в возможности создавать и изменять названия коммерческих организаций, по-

скольку в сфере общественного питания существует постоянная конкуренция, владельцам кафе и ресторанов несложно зарегистрировать практически любое название и при желании изменить его. Так, безмянная кулинария на ул. Коммуны в Челябинске получила название *Патриот*. Нередко в эргонимах используется устаревшее дореформенное написание: *Старый Градь*, *Пушкинь*. Столовые и пельменные советского периода превратились в кафе и рестораны, имеющие новые более привлекательные, производные от старых эргонимов наименования, как в разговорной форме существительного *Пельмешка*. Ностальгия о недавнем прошлом реализуется в неймах *СССР*, *Советская*, *Советская пельменная*, *Пельменная № 12*, *Спецбуфет № 1*, *Столовая № 14*. В настоящее время кафе и рестораны возникают повсюду, открываются в бывших подвалах: *Журавлина*, даже в общественных туалетах: *Титаник 2000*, если помещение находится в центре города. Популярный ресторан *Титаник 2000* — яркий пример неоднозначно воспринимаемого горожанами эргонима, хотя интерьер заведения вполне соответствует названию.

Эргоним *Советский дайнер* является иронично звучащим гибридным названием, объединяющим прилагательное *советский* и транслитерацию английского существительного *diner* — «обедающий, ужинающий», в данном контексте «посетитель заведения общественного питания», а знак качества между составляющими названия, вероятно, предполагает хорошее качество предлагаемых посетителям блюд. Гибридное название нередко отражает неопределенно-переходное мировосприятие современного отечественного городского пространства его жителями.

Потребность в оригинальных эргонимах привела в настоящее время к появлению многочисленных платных услуг по неймингу кафе и ресторанов, сайтов, обобщающих основные требования к названиям, списков существующих и удачных, как, вероятно, считают их создатели, наименований, которые в действительности повторяют уже существующие многочисленные *Уютные дворики*, *Княжие дворики* и *Тройки*.

Заимствования в названиях кафе и ресторанов представлены целым рядом языков, однако гибридизация наблюдается в основном в английских, французских и итальянских эргонимах. Заимствования в рассматриваемых названиях могут быть неассимилированными, слитно представленными и из-за этого приобретающими ори-

гинальную форму композитов словосочетаниями: *MadFlat Bar*, *NightpartyBus*, контаминированными названиями: *Beerлога*, *Barxam*, *Meet Poit на Тополинке*, *Stylish на Красной*, *Коктейль Pro*, *Beef Bar*, *Live Bar Дружба*. Под влиянием иностранного языка «происходит смешение формы и содержания репрезентированного в эргониме микротопонимического концепта» [8. С. 695]. Эргонимы с заимствованиями могут быть как идентифицирующими (*Коктейль Pro*, *Beef Bar*), так и неидентифицирующими (*Meet Poit на Тополинке*, *Stylish на Красной*) неймами согласно терминологии О. И. Иссерс [3].

Словотворчество в коммерческих названиях кафе и ресторанах реализуется различными способами, используя:

1. Словосложение, суффиксацию и блендинг: *Сытольянс* — композит, образованный при помощи соединительного гласного от прилагательного *сытый* и усеченного существительного *альянс*. Эргоним *Пиццбург*, в котором топонимический суффикс присоединен к усеченному конкретизированному названию кафе, ассоциируется с топонимом Петербург.

2. Словосложение, транскрибирование и неассимилированный варваризм: *Kolbasking*, *XLEBOSOUL*.

3. Латинский алфавит в русских эргонимах: *Polanka-hall*, *Spilka*, *Café Zvezda*, *Gusto Mesto*, *Gosti*, *Medok*, *Kotleta*, *Dolina Solnca*, *Zebra*, *Vinograd*, *Qluqva*, *Café Putin*, *Papa Karlo*, *Eshak*. В первом и двух последних примерах допущены ошибки в транслитерациях, а понять последнее название практически невозможно из-за ошибочного транслитерирования начала существительного ишак. Транскрибирование иностранных, в основном английских слов: *Мастер-Фуд*, *ГудБиф*, *Дрим*, хотя встречаются эргонимы с транслитерированным французским артиклем: *Ле Ресторан*, *Ле Борц* (в Санкт-Петербурге), *Ля Борц* (в Копейске в Челябинской области). Неожиданное сочетание русского антропонима *Иван* с романским началом в московском гибридном эргониме *Дон Иван*, в котором объединена простота распространенного русского имени с претенциозным иностранным транслитерированным началом, вызывает неоднозначные ассоциации у представителей отечественной лингвокультуры, поскольку вызывает ассоциации не только с обращением к мужчине аристократического происхождения, но и с итальянской мафией.

4. Иностранные слова в названиях: *Born to Burn*, *Coffee to go*, *Pit Stop*. В названии *Two Tea* отсутствует окончание множественного числа -s. В названии кафе с сокращенным этнонимом *Russ-House* отсутствует суффикс -ian. О гибридизации, вероятно, следует говорить только в случае уточнения типа заведения общественного питания.

5. Гибридные русско-английские слова и словосочетания: *The Бочка*, *Свадьба love*, *The Телки*, *Мирный Meat House*, *НАШВАР*, *Суши Step*, *Блин Street*, *EventMoskva*, *Крыша open air*, *Торка Reborn*, *Pizza Дня*, *Club Kino*, *О'Блин*, *О'Хулиганс*. В последнем примере гибридный эргоним представлен ирландским началом и транслитерированным на русский язык английским окончанием множественного числа существительного.

6. Смешанный алфавит в одном слове: *БАРАШКА*, *Kot Шредингера*, *Вкусноff*, *Зажигалка*, *Зайцеff*, *Angela*, *Café Maska*, *Cafешенкь*.

7. Полностью или частично англизированное просторечие: *Pret*, *Shury Mury*, *The Шти*, *Бухен хауз*. Псевдоиностранные названия со сниженной разговорной лексикой запоминаются, но вряд ли будут долговечными и не рассчитаны на массового посетителя.

8. Смешанный алфавит и цифры в написании: *100Loveая*. Гибридный эргоним образован при помощи английского существительного, русско-го окончания и числительного.

9. Неоднозначные эргонимы, игру слов: *Freedom* (композит-омоним, состоящий из английского прилагательного free — свободный и русского существительного «дом» или частично транслитерированное английское существительное в значении «свобода»), *ТоннЭль гриль паб* (первый компонент словосочетания можно интерпретировать как существительное тоннель или как бленд, состоящий из начала существительного «тонна» и названия напитка «эль», второй вариант больше соответствует профилю заведения). Полный ва-

риант эргонима-сокращения *D. Fly (Стрекоза)* — *dragon fly*. Эргоним *Dostaevisky* обозначает службу доставки еды и кафе, однако название запоминается, поскольку омонимично фамилии писателя. В неоднозначно воспринимаемом неудачном названии кафе *Ночной дождор* просторечное существительное меняет смысл прецедентного словосочетания *Ночной дозор* в результате стилистической гибридизации. Аналогичный пример стилистической гибридизации наблюдается в названии *Вкусно Блин*. Эргонимы *Невинный садовник*, *Кофе с любовью*, *Харакири*, *Семь тараканов*, *Первая Раковая*, *Дети мангала* привлекательны лишь для узкого круга посетителей.

10. Оксюмороны в эргонимах: *Суп-вино*, *Баран кафе*, *Лось-Вегас*, *Кафе каюк компания*, *Сладкое чудо пиво разливное*.

Учет интересов посетителей кафе и ресторанов на уровне нейминга помогает им идентифицировать заведение как адекватное своим вкусовым и интеллектуальным предпочтениям. Необычные креативные названия представлены эргонимами — прецедентными высказываниями в форме графических гибридов: *МыЖеНаГы*, *Ларисуваннухочу*, *Sorry*, *МАМА!* Согласимся с рестораторами и маркетологами, которые справедливо считают, что креативные названия могут не соответствовать профилю заведения, а в ряде случаев ожидания клиентов могут идти вразрез с выбранной концепцией заведения [6]. Неприятные ассоциации вызывают у многих клиентов неоднозначно воспринимаемые гибридные креативные эргонимы *Блин Street*, *The Телки*, *КРЫША Open Air* и др. из-за наличия частотных омонимичных сленгизмов с отрицательными коннотациями.

Гибридизация в коммерческих названиях кафе и ресторанах реализуется при помощи частичных заимствований, блендинга и суффиксации, использования нескольких алфавитов, способствует созданию креативных эргонимов, не всегда идентифицирующих обозначаемый ими объект.

Список литературы

1. Голомидова, М. В. Имятворчество в эргонимии: традиции vs. актуальные тренды / М. В. Голомидова // Лингвистика креатива — 2. — Екатеринбург, 2012. — С. 63–72.
2. Иссерс, О. С. Нейминг как объект лексикографического описания / О. С. Иссерс // Проблемы русской лексикографии : тез. докл. межд. науч. конф. «Шестые Шмелевские чтения» 24–26 февраля 2004 г. — М., 2004. — С. 38–40.
3. Иссерс, О. С. Лингвокогнитивные основания креативных решений в нейминге / О. С. Иссерс // Когнитивные исследования языка. — М.; Тамбов; Белгород, 2017. — Вып. XXX. — С. 821–824.
4. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И. В. Крюкова. — Волгоград, 2004. — 288 с.

5. Крюкова, И. В. Когнитивные основы многозначности прецедентных рекламных имен / И. В. Крюкова // Когнитивные исследования языка. — М.; Тамбов; Белгород, 2017. — Вып. XXX. — С. 689–693.
6. От бургера к единорогу: как появляются необычные названия петербургских ресторанов и кафе. — URL: https://www.dp.ru/a/2017/01/19/Ot_burgera_k_edinorogu_k.
7. Питина, С. А. Урбанонимы в англоязычном художественном дискурсе / С. А. Питина, Г. В. Урванцев // Филологические заметки. — Пермь, 2017. — Вып. XV, № 2. — С. 136–142.
8. Питина, С. А. Влияние английского языка на русские локальные эргонимы / С. А. Питина // Когнитивные исследования языка. — М.; Тамбов; Белгород, 2017. — Вып. XXX. — С. 693–695.
9. Самсонова, Е. С. Функционирование иноязычных средств в эргонимии / Е. С. Самсонова // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. — 2010. — № 6 (96). — С. 16–20.
10. Сизова, Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов: (на материале английского, русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Сизова. — Пятигорск, 2004. — 16 с.
11. Урванцев, Г. В. Вертикальные и горизонтальные компоненты городского пространства / Г. В. Урванцев // Перевод и сопоставительная лингвистика. — Екатеринбург, 2016. — № 16. — С. 96–99.
12. Шимкевич, Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Шимкевич. — Екатеринбург, 2002. — 178 с.

Сведения об авторе

Питина Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 60—64.

HYBRIDIZATION IN COMMERCIAL NAMES (on the material of naming cafes and restaurants)

S. A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru

Peculiarities of hybrid names of cafes and restaurants are analyzed in the article from the point of view of modern social linguistics and language and cultural studies. It is shown that hybridization as a part of creative naming influences not only the structure and the meaning of commercial names but also their perception.

More than one thousand commercial names of Russian cafes and restaurants of various status including about three hundred hybrid commercial names are studied. Local commercial names of Moscow, Saint Petersburg and Chelyabinsk are chosen to show general tendencies and local peculiarities in naming. Hybrid commercial names are understood in the article as structurally and semantically contaminated names of commercial organizations which reflect cognitive mechanisms of place names formation, influence of language fashion, language creativity, on the one hand, and stereotypical tendencies in commercial naming, on the other hand. Commercial names form a mixed lexical system of minor place names. Being market oriented, they are open to changes, foreign influence. On the level of word-building, hybrid commercial names are formed by compounding, affixation and blending. Hybrid names of cafes and restaurants occur as a result of using mixed alphabets, completely or partially assimilated borrowings, play of words. Hybrid commercial names are not always identified with the named objects misleading potential customers.

Keywords: *urban name, minor place name, commercial name, hybridization, naming, creativity.*

References

1. Golomidova M.V. Imiatvorchestvo v ergonimii: traditsii vs. aktualnye trendy [Creative naming in commercial names: traditions vs. actual trends]. *Lingvistika kreativna* — 2 [Linguistics of creativity — 2]. Ekaterinburg, 2012. Pp. 63–72. (In Russ.).

2. Issers O.S. Nejming kak obiekt leksikographicheskogo opisaniya [Naming as an object of lexicographic description]. *Problemy russkoj leksikographii* [Problems of Russian lexicography]. Moscow, 2004. Pp. 38–40. (In Russ.).
3. Issers O.S. Kognitivnye osnovaniya kreativnykh reshenij v nejminge [Linguo-cognitive grounds for creative naming]. *Kognitivnye issledovanija jazyka. T. 30* [Cognitive Studies of Language. Vol. 30]. Moscow; Tambov; Belgorod, 2017. Pp. 821–824. (In Russ.).
4. Kryukova I.V. *Reklamnoe imia: ot izobretenija do pretsedentnosti* [Advertising names: from invention to precedent phenomenon]. Volgograd, 2004. 288 p. (In Russ.).
5. Kryukova I.V. Kognitivnye osnovy mnogoznachnosti pretsedentnykh reklamnykh imen [The cognitive bases for polysemy in precedent advertising names]. *Kognitivnye issledovanija jazyka. T. 30* [Cognitive Studies of Language. Vol. 30]. Moscow; Tambov; Belgorod, 2017. Pp. 689–693. (In Russ.).
6. *Ot burgera k edinorogu: kak pojavliayutsa neobychnye nazvaniya peterburgskikh restoranov i kafe* [From burger to unicorn: how unusual restaurants and café names appear]. Available at: https://www.dp.ru/a/2017/01/19/Ot_burgera_k_edinorogu_k. (In Russ.).
7. Pitina S.A. Vlijanie anglijskogo jazyka na russkie lokalnye ergonimy [English influence on local Russian commercial names]. *Kognitivnye issledovanija jazyka. T. 30* [Cognitive Studies of Language. Vol. 30]. Moscow; Tambov; Belgorod. Pp. 693–695. (In Russ.).
8. Pitina S.A., Urvantasev G.V. Urbanonimy v anglojazыchnom khudozhestvennom discurse [Urban place names in English fiction discourse]. *Philologicheskie zametki* [Philological notes], iss. XV, no. 2. Perm, 2017. Pp. 136–142. (In Russ.).
9. Samsonova E.S. Funktsionirovanie inojazychnykh sredstv v ergonimii [Functioning of foreign means in commercial naming]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2010, no. 6 (96), pp. 16–20. (In Russ.).
10. Sizova E.A. *Lingvokulturologicheskij analiz urbanonimov: (na material anglijskogo, russkogo i frantsuzskogo jazykov)* [Linguocultural analysis of urban place names in English, Russian and French]. Piatigorsk, 2004. 16 p. (In Russ.).
11. Urvantasev G.V. Vertikalnye i gorizontálne komponenty gorodskogo prostranstva [Vertical and horizontal components of the city space]. *Perevod i sopostavitelnaja lingvistika* [Translation and comparative linguistics], no. 16. Ekaterinburg, 2016. Pp. 96–99. (In Russ.).
12. Shimkevich N.V. *Russkie kommercheskie ergonimy: pragmaticheskij i lingvokulturnuj aspekty* [Russian commercial ergonyms: Pragmatic and linguocultural aspects]. Ekaterinburg, 2002. 179 p. (In Russ.).

УДК 81'373:811.511.152.2
ББК 166.31

ПОЛИСЕМИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

П. Е. Седова, М. З. Левина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Многозначность лексики или полисемия — неисчерпаемый источник ее обновления, необычного, неожиданного переосмысления слова. Многочисленные слова составляют значимую часть словарного состава мокшанского языка, так как способность слов к многозначности порождает творческую энергию языка. В статье обобщаются наблюдения над многозначностью слов как в письменно-литературном языке, так и в диалектах мокшанского языка, и выявляются причины появления многозначности или полисемии.

Ключевые слова: *однозначные слова, многозначные слова, мокшанский язык, язык художественной литературы, литературный язык, диалектизм.*

Одной из актуальных задач в современном мордовском языкознании является изучение лексического богатства и диалектных особенностей языка, которое связано с проблемой исчезновения ряда мордовских говоров. Этим вопросам посвящено множество работ как ведущих лингвистов, так и современных исследователей мордовского языкознания [2; 3; 7; 9; 11; 13].

Описание полисемии единиц лексикона (и в первую очередь слов) представляет собой одну из наиболее сложных задач лексической семантики, так как современные подходы, существующие в лингвистике, показывают, что явление полисемии нельзя считать окончательно изученным и исчерпанным, потому что в нем есть «динамика развития и вектор системности» [14. С. 231]. Основные вопросы научного описания многозначности лексических единиц связаны с определением границ этой категории.

В мокшанском языке, как и во всех языках, слова бывают однозначными и многозначными. Однозначные называют какое-нибудь одно понятие, явление действительности, действие и т. п. Так, единственное значение имеют существительные *тише* «трава», *пайге* «колокол», *тона* «мяч», прилагательные *тёр* «ловкий», *ёлай* «избалованный», глаголы *сиземс* «устать», *кавлямс* «жевать», *киськордамс* «царапнуть» и т. п. К числу однозначных слов принадлежат в большом количестве термины, используемые в той или иной отрасли знаний или практической деятельности, например: *вальюр* «корень (слова)», *ломаньтнал* «народ», *валзюлма* «словосочетание», *валрисьме* «предложение» и др. Способность слова иметь одновременно несколько значений называется многозначностью

или полисемией и предлагает возможность передать огромное количество понятий без увеличения числа отдельных звуковых комплексов [4].

Явление полисемии обусловлено природой самого языка и закономерностями процесса познания. Это способность слова употребляться в разных значениях, у некоторых слов таких значений может быть два-три, а у иных — десять или больше. Так, в «Мокшанско-русском словаре» (1998), по нашим подсчетам, многозначных слов 18 %, а вот однозначных, соответственно, 82 %. Например, у глагола *сотомс* приводится 5 значений: 1) завязать *сотомс пикс* «завязать веревку»; 2) завязаться *тараткять лангса сотсь марья* «на яблоне завязалось яблочко»; 3) привязать *сотомс вазня* «привязать телят»; 4) связать, увязать, согласовать *корхтаманц сотозе тяниень пингонь зряфть колга* «свой разговор связал с современной жизнью»; 5) перевязать, наложить повязку *керфть сотозе бинтса* «рану перевязал бинтом»; у глагола *озамс* «сесть» — 8 значений; у глагола *азомс* «сказать» — 9 значений; у глагола *вачкодемс* «вколотить, забить, прибить» — 11 значений; у глагола *нолдамс* «выпустить» — 18 значений и др. [10].

Многочисленные слова наиболее употребительны, они имеют достаточно обобщенные значения; однозначные слова отличаются либо исключительной конкретностью семантики (как имена собственные), либо узким значением (*тише* «трава», *лофца* «молоко»). Закрепляясь за определенным понятием, слово называет целый ряд однородных предметов (*куд* «дом», *шурфта* «дерево»), это делает речь экономной. Однако однозначное слово со временем может

проявить заложенную в нем способность к полисемии.

Мокшанские глаголы, как правило, многозначны. Разные по происхождению, они отличаются друг от друга и по количеству значений. Исконно мокшанские глаголы (*максомс* «дать», *панемс* «гнать», *путомс* «поставить», *молемс* «идти», *сувамс* «зайти» и так далее) имеют самое большое количество значений. Заимствованные глаголы чаще всего однозначны: *дивандамс* «удивляться», *обжамс* «обижаться», *шумнамс* «шуметь», *ужьяльдемс* «жалеть», *согласиндамс* «согласиться», *працямс* «простить», *грунтовандамс* «прогрунтовать» и др.

Подобно глаголам, существительные в зависимости от происхождения характеризуются разной степенью развития полисемии. Наибольшее количество значений имеют исконно мокшанские существительные, называющие жизненно необходимые предметы: *пря* «голова», *кядь* «рука», *кяль* «язык», *куд* «дом», *тол* «огонь» и так далее. Менее развита полисемия у отглагольных существительных, в частности, с суффиксом *-ма*: *сатома* «успех», *ласькома* «бег», *китима* «танец», *ванома* «зеркало» и т. п.

Характер полисемии позволяет выделить в многозначных словах *основные*, или *первичные*, значения, для которых характерна частая употребляемость и минимальная зависимость от контекста; и *неосновные*, *вторичные*, значения, менее употребляемые и всегда обусловленные контекстом [1].

В современном мокшанском языке многозначность слов характеризуются способностью к семантическому варьированию, т. е. изменению значения в зависимости от контекста. Например, глагол *сатомс* имеет 13 значений, но вне контекста их смысл не раскрывается. Вне связи с другими словами глагол *сатомс* рассматривается только с одним, основным значением — «догнать» *синь эрявихть сатомс* «их надо догнать». Все богатство его значений раскрывается в контексте. Например, у мокшанского писателя Г. Пинясова в произведении «Вирявань руця» глагол *сатомс* встречается в таких значениях:

1) «постичь, постигнуть»: *Коля Пяштельмовонь зиянць сатозе васенце класса тонафнемстонза* [20. С. 36] («Колю Пяштельмова беда постигла в первом классе обучения»);

2) «дотянуться до чего»: *Тяни коза сатыхть кяденза, тоза кепсезе пондонца* [20. С. 40] («Теперь куда мог достать руками, туда и поднимался всем туловищем»);

3) «добиться, достигнуть»: *Оду аф карман Прасковья Тихоновнань мархта уроконь тонафнема. — Вай, классть эзда лядат. Кода мле сатсак?* [20. С. 48] («Больше не буду делать уроки с Прасковьей Тихоновной. — Ой, да так ты отстаешь. Как потом догонять будешь?»);

4) «достаться»: *Содазе — школань директорсь сай. Тевонза стаконга сатнихть* [20. С. 50] («Знал — директор школы придет. Дел у него и так хватает»);

5) «хватать»: *Оцюфнень фалу аф сатни пингсна арьсеф тевсон тиемс* [20. С. 52] («У взрослых всегда не хватает времени доделать запланированные дела»);

6) «завоевать — добиться, достичь»: *Ломанти арьсефоц сатови аньцек эста, кда тянди пях верондай и надияй* [20. С. 56] («Человек добивается задуманного тогда, когда в это очень верит и надеется»);

7) «хватить — быть достаточным»: *Аф сатыхть ярмаконе, шинек-венек карман работама, сякокс семботь тиса* [20. С. 47] («У меня не хватит денег, буду работать днем и ночью, все равно все сделаю»);

8) «взять, получить»: *Олимпиадеста мрдамда меле сядонга вяри кеподезе шалхконц — сатозе васенце вастть* [20. С. 17] («После возвращения с олимпиады еще больше поднял нос кверху — занял первое место») и др.

Одним из основных требований норм словоупотребления является, конечно, уместное применение слова в присущем ему лексическом значении. Ошибки здесь особенно непозволительны, так как могут привести к неправильному пониманию высказывания. Стоит, например, перепутать глаголы *сатомс* «догнать» и *сафтомс* «достичь» или прилагательные *ёру* «хитрый, в шутку» и *ёню* «умный», как мы получим совершенно другой смысл фразы: *тейне аф сатови* «мне не догнать (в движении)», *тейне аф сафтови* «мне этого не достичь», *ёру ломань* «хитрый человек» и *ёню шаба* «умный ребенок».

Требование смысловой точности многозначных слов представляется самоочевидным и не нуждающимся в особых комментариях. Стоит лишь знать истинное, первоначальное значение слова. В действительности же все эти извечные проблемы правильного применения нужного значения слова сохраняют свою остроту. Нередко истинное значение слова видят лишь в его первоначальном, исконном (этимологическом) смысле. Но если с этой точки зрения взглянуть не только

на художественную, но и на обычную, разговорную речь, то окажется, что она вовсе не точна и не соответствует истине в таком узком ее понимании. В мокшанском языке глагол *повфтамс* имеет значение «повесить, развесить»: *повфтамс муськопт* «развесить белье», *повфтамс картина* «повесить картину». В художественном произведении автор употребляет данный глагол в диалектном значении «заложить (напр. *горло*)»: *Сярядень, кргазень повфнезе*, — *ляпоняста азозе Катя...* [20. С. 40] («Болела, горло заложило, — тихо сказала Катя...»). В данном контексте слово *повфнезе* в сочетании со словом *кргазень* «горло (у меня)» обозначает «заложило горло» [8. С. 84]. Использование авторами диалектной лексики во всех случаях оправдывается целью, которую ставит перед собой писатель [9].

В языке полисемия осуществляется в появлении у многозначных слов, наряду с их основным, прямым значением, переносных, образных, значений. Переносные значения всегда вторичны, однако не всякое неосновное значение можно рассматривать как переносное, так как не любое из них образуется на соотношении сходства, но как результат создается явление стилистической образности. Полисемия раскрывает возможности образности речи: перенос названия одного предмета на другой предлагает высказыванию определенную живость, оригинальность, свежесть. Поэтому полисемия широко используется в художественной литературе мокшанского языка в качестве изобразительного средства. Так, прямое значение прилагательного *кеме* — «такой, который трудно сломать, разбить, порвать и т. п.» *кеме тума* «крепкий дуб», переносное — «надежный, верный» *кеме ялгакшии* (крепкая дружба).

В литературе при передаче языка народа в прямой речи допускается использование диалектизмов, эта черта индивидуального стиля писателя, как и историческое развитие семантики слов, допускает употребление общенародного слова в индивидуально-авторском значении. Создание подобных сочетаний — важный, хотя и не единственный способ, с помощью которого выражается добавочная информация, т. е. порождается новая образная семантика [12].

В результате метафорического переосмысления слова и словосочетания в мокшанском языке формируется как денотативное, так и эмоционально-оценочное значение. А эмоциональность и оценочность лежат в основе языковой информации. Названия многих художественных произве-

дений построены на полисемии, что придает им особую значимость: повесть «*Акиша тяиште*» — «Белая звезда», рассказы «*Офтть казнец*» — «Подарок медведя», «*Пичеть мекольце оноц*» — «Последний сон сосны» Г. Пинясова и др.

Важна роль метафоры в создании как художественных, так и публицистических образов. Общеязыковые метафоры следует отличать от индивидуально-авторских, значение которых рождается в художественном контексте и не становится распространенным лексическим явлением. Например: в словаре мокшанского языка слово *сокоргодомс* имеет значение «ослепнуть». В художественном произведении мокшанского автора встречаем новое значение слова *сокоргодомс* «ослепить»: *Петя конязонза ускозе картуз козыреконец — шись сокоргофтсь сельмонзон*. [18. С. 29] («Петя надвинул на глаза козырек картуза — солнце ослепляло глаза»). Словесный образ связан с добавочной информацией, которая обусловлена в свою очередь спецификой художественного текста в целом. Авторы произведений на мокшанском языке в художественном контексте раскрывают образность слова, то есть его нормативное значение дополняют особым смыслом. Часто подобное явление происходит из-за метафоризации. Так, денотативное значение слова *понамс* в словаре раскрывается «вить, свить», *понамс пикс* «вить веревку», при помощи грамматических форм произошло расширение значения слова с добавочным лексическим элементом *поназевомс* «заплетаться»: *А поназевихть пильгонзозок, эста ни рахафты азксонь тяиштись сонцьке юкстасы, мезе стамсь юморсь* [20. С. 182] («А начнут заплетаться ноги, тогда и сам писатель-сатирист забудет о юморе»). Основной причиной создания подобных форм является отсутствие в языке лексических единиц, способных передать необходимое значение. Так появляются сложные словесные образы. Авторы используют их для передачи более глубокого смысла, и необычность формы усиливает семантику единицы и обращает на себя внимание читателя.

Индивидуально-авторские переносы значений наиболее заметны и эмоционально выразительны. Поэтому есть общеязыковые метафоры — *ковонь тарваз* «серп луны», *кяме пря* «носок сапога», а есть самобытный художественный образ автора, как например: *Перьфпяльсь эреклакшинесь одукс шачезь. Сяс ашезь тьялькфнев тундаты всяля ликонцты калмаманы илась* [19. С. 29] («Природа оживала как вновь

родившаяся. Поэтому похороны не подходили к веселому лицу весны»). *Тялькфнемс* «помещать», *эрекламс* «жить, развиваться, оживать».

Для речевого воздействия на чувства людей, их волю, эмоции необходимо идеи преобразовывать во впечатления, абстрактное — в конкретное. Именно этой цели и служат словесные образы. Положение о том, что эмоциональность — признак, производный от образности (метафоричности), М. Н. Кожина выразила так: «Образность художественной речи — это образность эстетическая, она отличается индивидуализированностью и неповторимостью признаков при их “предельной” конкретности» [6. С. 146]. Метафорическое слово вызывает в сознании читателя и слушателя наглядный зрительный образ, сопровождаемый определенным чувством. В мокшанском языке слово *эшендемс* раскрывается как «1) остыть; 2) стать прохладным», которое чаще употребляется с изменениями в природе, с горячей пищей. *Эшентьфтезе* («Похолодало»). Данное слово может встречаться при описании внутреннего состояния человека: *Ушеса кърхкаста тарксезе ваймонц (Илья), бта станя ёрась сяда куроконя эшентьфтемс пси потмонц* [15. С. 23] («На улице он (Илья) дышал глубоко, как будто хотел быстрее остудить внутренний жар»). Звукоподражательное слово *лоськофтомс* в словаре раскрывается как: 1) хлынуть (о дожде); 2) облить, обдать (водой); 3) вылить, выплеснуть (воду); 4) плеснуть (водой). Например, *Лоськофтсь вишке пизем.* (МРС: 344) («Хлынул сильный дождь»). Данное слово также помогает описать внутреннее состояние человека: *Илья комась сёрманц вельхксс, а ня мяльхне эхянь пси ведьса лоськофтозь* [15. С. 16] («Илья нагнулся над письмом, а эти мысли окатили его будто горячей водой»). В данном случае при помощи многозначных глаголов выражается эмоциональное состояние человека.

Эмоциональность рождается в результате определенного отношения носителей языка к тем представлениям, которые лежат в основе метафоры. Например, представление о человеке, который глубоко дышал, приходя в себя, на мокшанском языке выражается *эшентьфтемс пси потмоль*. Или человека бросило в жар от каких-то мыслей — *мяльхне эхянь пси ведьса лоськофтозь*.

Очень часто то или иное выражение вызывает эмоциональную оценку иронического неодобрения. Например, *ласькомс пильгонь-прянь синдезь* «бежать сломя голову». *Сон (Петясь) ласьксь*

пильгонь прянь синдезь кудснон шири. *А ялганза ащесть ширеса и рахасть* [20. С. 88] («Он (Петя) сломя голову бежал в сторону дома. А друзья стояли в стороне и смеялись»). И эта ироническая оценка переносится на метафорический, обобщенный смысл фразеологизма «не осознавая, куда бежать, и не замечая никого».

Метафорические глаголы и фразеологизмы выполняют воздействующую функцию. Они оказывают наиболее эффективное речевое воздействие на читателя или слушателя. Например, словосочетания с глаголами *ласькомс* «бежать», *валдомомс* «посветлеть», *озамс* «сесть» и др. в функции фразеологизмов обозначают: *ласькомс седис* «испытать горечь, обиду», *кольсь седись* «расстроиться», *валда шама* «веселый, добрый». Но *кодак содайне (Татуня), печкомонза сърхкасть Сюрюкить, кольсь седиезе* [18. С. 41] («Но как только узнала (Татуня), что собрались резать Сюрюкш (Рогатого), расстроилась»); *Иляста ва конашкава ласьки седизон* [19. С. 30] («Иногда до сердца доходит»). Или *озаф седи* «со спокойным сердцем». *Аннакать шамац аф ламода валдомсь. Мъзарда седиец аф ламода озась, кармась сюцема* [18. С. 52] («Лицо тети Ани посветлело. Когда немного успокоилась, начала ругаться»). Метафорическое сочетание *валдомсь шамац* «лицо посветлело», как и в русском языке, выражает внутреннее состояние человека.

Глагольные метафоры выявляются чаще всего в узком контексте: в пределах словосочетания, предложения. Например: *Коцорды голландкаса толсь. Аф, аф толсь коцорды, а пенгятне. А толсь китий и кеняртькишни, сяс мес пенгада нинге сатомика и паломс теенза ламос* [18. С. 65] («Скрипит в голландке огонь. Нет, не огонь скрипит, а дрова. А огонь пляшет и радуется, потому что дров достаточно и гореть ему долго»). В данном тексте доминирующий колорит глаголов — нейтральный. Но этот колорит меняет свою стилистическую роль при сочетании глаголов с существительным *коцорды толсь* «огонь скрипит», *толсь китий* «огонь пляшет», *толсь кеняртькишни* «огонь радуется». Или: *Ся шитнень мокшень моротне исть тяльгонде туста вирти, лиендсть шуфттнень ёткова и нулнофнесть вяри, нефтома келети, и тоса пацясна сядонга келемкинесть* [20. С. 161] («В те дни песни не помещались в густом лесу, они летали между деревьями и взлетали вверх, в бездонный простор, и там крыльям песен разлетались»). *Моротне исть тяльгонде* «песни не помещались», *моротне ли-*

ендсть «песни летали», моротне нулнофнесть «песни взлетали», моротнень пацясна келемкинесть «крылья песен разлетались». Данные сочетания не меняют смысл текста, но его общий смысл, благодаря общеупотребительным глаголам, выявляет яркую образность. Глагол, являющийся центром высказывания, вступает в синтаксическую связь с существительными. Эта тесная семантико-грамматическая связь словосочетаний нередко приводит к тому, что метафоризация одного из членов глагольно-именного сочетания ведет к метафоризации другого члена. Таким образом, метафорический смысл пронизывает всю комбинированную конструкцию.

Метафорические переносы наименований интенсивно затрагивают те группы лексики мокшанского языка, которые связаны с наиболее насущными в данный период жизни общества явлениями. К метафорическим глаголам применимо положение о том, что в их семантической структуре можно выделить качественно-экспрессивный компонент, который усиливает речевое воздействие — разговорные и просторечные метафорические глаголы. Например: *Ломань шачсь! — Тяк сязь кълдомацень, тоньфтомотка содаса, — мътторгодсь Ольга* [18. С. 28] («Человек родился! — Не ори, без тебя знаю, — проворчала Ольга»); *Кода мле аф кървяязи (шамац), кьда тетъкить сельмотнень лангозонза, — ашезь кирде Куля баба* [18. С. 90] («Как же не покраснеет (лицо), если ты вытаращил на нее глаза, — не стерпела баба Куля»). Разговорные и просторечные слова отличаются чувственностью и конкретностью — качествами, формирующими образность и эмоциональность [2].

Наибольшее речевое воздействие в мокшанском языке оказывают развернутые метафоры. Например, *А тон, бабай, между прочим, тьюхадеть правлениять решениянц лангс, — казямста азозе колхозонь прясь* [18. С. 85] («А ты, бабушка, между прочим, плюнула на решение правления, — жестко сказал председатель колхоза»). Развернутую метафору иногда называют стилистической метафорой. Такое сочетание привлекает внимание читателя, помогает глубже осознать, представить событие.

Важность метафоричности в мокшанском языке заключается в образности художественного текста, которые раскрывают суть и важность события или факта. И очень выразительно, эмоционально, часто с применением сатирических средств обличения, выражают автор-

скую оценку: *...сон каннесь ни мьяль: лункфтамс алянъ пирьфста кафта учат и уйфтемс скалнят* [17. С. 56] («...он уже размышлял: выдернуть из отцовского двора две овцы и угнать телок»); Или глагол *тяемс* имеет значение: 1) мести, подмести, вымести, смести *тяемс киякс* «подмести пол»; 2) перен. ударить *тяемс шамати* «ударить в лицо»; 3) перен. убежать, сбежать *тяезе тоста* «убежал оттуда»: *А монь тюрематии ашель асувозе. — няян, бывала, скандал срхкси — тьяйса от греха подальше* [6. С. 273] («Я не умел драться... — бывало, вижу скандал назревает, ухожу от греха подальше»). Переносные значения присущи разговорной речи, а авторы отражают речь героев в своих произведениях.

В мокшанском языке полисемия слова органически связана с явлениями антонимии и синонимии. Многозначное слово в разных значениях может иметь разные синонимы и антонимы. Так, прилагательное в мокшанском языке *сире* «старый» в значении «достигший старости» имеет антоним *од* «молодой», а синоним *эряфкшу* «пожилой»: *од ломань* «молодой человек», *эряфкшу ломань* «пожилой человек»; в значении *кунардонь* «давний, существующий с давних времен» — антоним *од* «новый», синонимы *ётмелень* «давний, исторический», *сире* «прежний»: *од ялгат* «новые друзья», *сире ялгат* «прежние (старые) друзья», *ётмелень пинге* «исторический период», *сире пинге* «старое время». Внутренне присущая связь полисемии с антонимией и синонимией — свидетельство системности лексических единиц, их взаимозависимости и взаимообусловленности. Далеко не все значения полисемантических слов способны вступать в синонимические и антонимические отношения. У одних классов слов, в частности, у существительных, это свойство развито слабее, у других, например, у прилагательных — сильнее.

Таким образом, семантическая структура многозначного слова в мокшанском языке отражает сложный процесс всестороннего познания окружающей действительности. Способность слова приобретать все новые значения не ограничена, но не всегда установление новой линии понятийно-предметной соотнесенности слова равнозначно приобретению нового понятийного значения.

Как видно из вышеизложенного материала, мокшанскими писателями широко используются многозначные слова как эмоциональные речевые средства, насыщенные метафоричностью,

яркой образностью, пробуждая в читателе ответные мысли и чувства. Изучение многозначности лексики более значимо для стилистики, так как

наличие различных значений у одного и того же слова объясняет особенности употребления его в речи, влияет на его стилистическую окраску.

Список литературы

1. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. — М., 2010. — 448 с.
2. Гришунина, В. П. Использование диалектных глаголов в мокшанской разговорной речи / В. П. Гришунина, В. Ф. Рогожина // Вестн. Чуваш. гос. ун-та. — 2013. — № 1. — С. 162–167.
3. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. — М., 1961. — 520 с.
4. Иванова, Г. С. Тяниень пингонь мокшень кялень лексикология = Лексикология современного мокшанского языка / Г. С. Иванова, П. Е. Седова. — Саранск, 2014. — 84 с.
5. Калинин, А. В. Лексика русского языка / А. В. Калинин. — М., 2012. — 320 с.
6. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — М., 2008. — 464 с.
7. Кулакова, Н. А. Стилистика мокшанского языка / Н. А. Кулакова, О. Е. Поляков, В. Ф. Рогожина. — Саранск, 2014. — 144 с.
8. Левина, М. З. Мокшень диалектологиясь = Диалектология мокшанского языка / М. З. Левина. — Саранск, 2014. — 176 с.
9. Левина, М. З. Диалектизмы в языке мокшанской художественной литературы / М. З. Левина, П. Е. Седова // Вестн. Чуваш. ун-та. Гуманитар. науки. — 2015. — № 2. — С. 178–187.
10. Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феокистова, О. Е. Полякова. — М., 1998. — 920 с.
11. Седова, П. Е. Функционирование метафорических глаголов / П. Е. Седова // Функционально-семантическое исследование : межвуз. сб. науч. тр. — Саранск, 2004. — Вып. 3. — С. 78–81.
12. Седова, П. Е. Оказионализмы в мокшанском литературном языке / П. Е. Седова // Finno-Ugrica 1: Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-Поволжья. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 123–126.
13. Седова, П. Е. Диалектная вариантность в языке мокшанской художественной литературы / П. Е. Седова // Финно-угор. мир. — 2013. — № 4. — С. 40–43.
14. Стернина, М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка : дис. ... д-ра филол. наук / М. А. Стернина. — Воронеж, 1999. — 253 с.
15. Кудашкин, И. Ломанти эряви кельгома: повесть, азкст / И. Кудашкин. — Саранск, 1996. — 222 с.
16. Кишняков, И. Монь тяштезе — менельсь: роман / И. Кишняков. — Саранск, 1982. — 304 с.
17. Лашманов, И. Сяпи пильгокит : азкст / И. Лашманов // Мокша. — 2015. — № 8. — С. 55–69.
18. Мишанина, В. Вальмафтома куд: повесть, азкст, пьесат / В. Мишанина. — Саранск, 2002. — 318 с.
19. Мишанина, В. Эсь берякозонза: повесть / В. Мишанина // Мокша. — 2015. — № 12. — С. 4–36.
20. Пинясов, Г. Вирявань руця: ёфкст, азкст, повесть / Г. Пинясов. — Саранск, 2004. — 416 с.

Сведения об авторах

Седова Полина Егоровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. Саранск, Россия. polya.sed@mail.ru

Левина Мария Захаровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. Саранск, Россия. Lev.Mariya@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 65—71.

POLYSEMY IN MODERN LEXICAL SYSTEM OF MOKSHA LANGUAGE

P. E. Sedova

Mordovian State University. N. P. Ogaryova, Saransk, Russia. polya.sed@mail.ru

M. Z. Levina

Mordovian State University. N. P. Ogaryova, Saransk, Russia. Lev.Mariya@mail.ru

The polysemy of a vocabulary or polysemy is an inexhaustible source of its renewal, an unusual, unexpected rethinking of the word. Multivalued words form a significant part of the vocabulary of the Moksha language, since the ability of words to multivalence generates the creative energy of language.

The article generalizes observations on the polysemy of words in both written and literary language, as well as in dialects of the Moksha language and reveals the reasons for the appearance of polysemy or polysemy.

Keywords: *single-valued words, polysemantic words, Moksha language, language of fiction, literary language, dialectism.*

References

1. Golub I.B. *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, 2010. 448 p. (In Russ.).
2. Grishunina V.P., Rogozhina V.F. Ispol'zovanie dialektnyh glagolov v mokshanskoj razgovornoj rechi [The usage of the dialectic verbs in Moksha spoken language]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash State University], 2013, no. 1, pp. 162–167. (In Russ.).
3. Efimov A.I. *Stilistika hudozhestvennoj rechi* [The style of artistic speech]. Moscow, 1961. 520 p. (In Russ.).
4. Ivanova G.S., Sedova P.E. *Tjanien' pingon' mokshen' kjalen' leksikologija = Leksikologija sovremennogo mokshanskogo jazyka* [Lexicology of the modern Moksha language]. Saransk, 2014. 84 p. (In Russ.).
5. Kalinin A.V. *Leksika russkogo jazyka* [Lexicology of the Russian language]. Moscow, 2012. 320 p. (In Russ.).
6. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovskij V.A. *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, 2008. 464 p. (In Russ.).
7. Kulakova N.A. Poljakov O.E. Rogozhina V.F. *Stilistika mokshanskogo jazyka* [Stylistics of the Moksha language]. Saransk, 2014. 144 p. (In Russ.).
8. Levina M.Z. *Mokshen' dialektologiyas' = Dialektologiya mokshanskogo jazyka* [Dialectology of the Moksha language]. Saransk, 2014. 176 p. (In Russ.).
9. Levina M.Z., Sedova P.E. Dialektizmy v jazyke mokshanskoj hudozhestvennoj literatury [Dialectisms in language of Moksha fiction]. *Vestnik Chuvashskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Chuvash State University], 2015, no. 2, pp. 178–187. (In Russ.).
10. Serebrennikova B.A., Feoktistova A.P., Poljakova O.E. (eds.). *Mokshansko-russkij slovar'* [Moksha-Russian Dictionary]. Moscow, 1998. 920 p. (In Russ.).
11. Sedova P.E. Funkcionirovanie metaforicheskikh glagolov [Functioning of metaphorical verbs]. *Funkcional'no-semanticeskoe issledovanie* [Functional-semantic research]. Saransk, 2004. Pp. 78–81. (In Russ.).
12. Sedova P.E. Okkazionalizmy v mokshanskom literaturnom jazyke [Occasionalisms in the Moksha literary language]. *Finno-Ugrica 1*. Joshkar-Ola, 2008. Pp. 123–126. (In Russ.).
13. Sedova P.E. Dialektnaja variantnost' v jazyke mokshanskoj hudozhestvennoj literatury [Dialectal Variation in Fiction in the Moksha Language]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2013, no. 4, pp. 40–43. (In Russ.).
14. Sternina M.A. *Leksiko-grammaticeskaja polisemija v sisteme jazyka* [Lexico-grammatical polysemy in the system of language]. Voronezh, 1999. 253 p. (In Russ.).
15. Kudashkin I. *Lomanti eriavi kelgoma* [Man needs love]. Saransk, 1996. 222 p. (In Mokshan).
16. Kishniakov I. *Mon tiashteze — menels* [My star is the sky]. Saransk, 1982. 304 p. (In Mokshan).
17. Lashmanov I. Siapi pilgokit [Bitter Footprints]. *Moksha* [Moksha], 2015, no. 8, pp. 55–69. (In Mokshan).
18. Mishanina V. *Valmaftoma kud* [House without windows]. Saransk, 2002. 318 p. (In Mokshan).
19. Mishanina V. Es beriakoazonza [To its shores]. *Moksha* [Moksha], 2015, no. 12, pp. 4–36. (In Mokshan).
20. Piniyasov G. *Viriavan rutsia* [Goddess of the forest]. Saransk, 2004. 416 p. (In Mokshan).

УДК 654 (073)
ББК 76.032

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТИПАЖЕЙ ТЕЛЕВЕДУЩИХ ПРИ ПРОДЮСИРОВАНИИ ФОРМАТНЫХ ПРОЕКТОВ

А. С. Сумская

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

В исследовании на основе системного и структурно-уровневого подходов определяются теоретические основы моделирования типажей телевизионных ведущих форматных телепроектов. Анализируются типологии Вс. Мейерхольда, В. Бебутова, И. Аксёнова, А. Н. Митты, Э. Фромма для выявления и структурного наполнения характеристик типажа. Приводятся результаты апробации модели на примере российской рейтинговой телепрограммы.

Ключевые слова: *форматная телеиндустрия, структура и характеристики типажа телеведущего, моделирование/конструирование типажа ведущего телешоу.*

Форматные телеведущие востребованы современной медиаиндустрией. Российское телевидение, в частности федеральные и крупные региональные каналы, обеспечивают программирование сетки вещания форматной продукцией в большом объеме.

В профессиональном сообществе известны дискуссии по этому поводу. Проблема производства и адаптации форматной продукции достаточно разработана в зарубежных исследованиях [11; 12]. Среди российских исследователей наиболее авторитетны работы НИУ ВШЭ [5].

При продюсировании программных продуктов важна формализация требований к актерам, журналистам, претендующим на ту или роль в проекте. В так называемых «продюсерских библиях» должны быть четко зафиксированы и описаны требования, характеристики, которыми должен обладать телегерой / телеведущий для конкретного проекта.

Вместе с тем в настоящее время практически отсутствуют теоретические разработки, решающие проблему моделирования типажей героев аудиовизуальных произведений, ведущих телепрограмм, востребованных отечественным зрителем. Недостаточно методически разработана проблема как конструирования, так и выбора типажей для обеспечения баланса полилоговой коммуникации, качественной драматургии, в конечном итоге рейтинга телевизионного проекта.

Таким образом, актуализируется потребность в обобщении представлений о сути этого феномена, анализе и структурировании характеристик типажей телеведущих.

Методологической основой исследования явились системный и структурно-уровневый подходы, в работе использован метод моделирования.

Теоретической базой исследования послужили работы в области кино и телевидения (таких исследователей и деятелей киноискусства и телевидения, как А. Н. Митта, С. М. Эйзенштейн, Г. В. Кузнецов, В. И. Михалкович, М. А. Мясникова, А. А. Новикова, В. С. Саппак), а также работы деятелей театра (И. Аксёнов, В. Бебутов, Вс. Мейерхольд).

Для моделирования типажа телеведущего имеют значение работы психологов Н. Н. Богомоловой, В. А. Газена, К. Леонгарда, А. Личко, Э. Кречмера, К. Юнга, Э. Фромма и др.

Требования к ведущим развлекательных телепрограмм в советской и российской практике различаются.

В 60-х гг. XX в. в развлекательных телепрограммах актуален метод персонификации, когда ведущий в кадре являлся своеобразным центром, образом, олицетворяющим передачу. В. С. Саппак высказывал «запрет» на «безукоризненную банальность» на телеэкране: «На телевидении нужны личности, индивидуальности, через которые можно что-то узнать о времени, создавшем их, и категорически не нужны манекенщицы, точно информирующие нас о модах сезона». Известно его мнение о «небезвредности водворения на телеэкране “банально-фотогеничных” лиц, в которых проступает “типажно-массовидное”, “такое, как все”, чаще всего — никакое» [9. С. 149].

В. И. Михалкович ввел в научный оборот понятие «двойственность в единстве». Он подчер-

кивал, что телеэкран требует, чтобы «приватная» индивидуальность «видимого» человека не сливалась с «публичной», «ролевой», чтобы человек предстал на экране в своей «единичности» [8].

В современном российском телевидении при создании развлекательных телепрограмм, в том числе различных шоу, основанием для выбора телеведущего является его соответствие характеристикам типажа, а индивидуальность просматривается сквозь призму структурированных требований.

В качестве базового определения типажа как ведущей дефиниции исследования используем работу В. А. Газена. Психолог определил тип как «образец, служащий для объединения элементов на основе соотношения их существенных свойств в совокупности и обладающий максимально выраженным своеобразием», «целостный образ как эталон для определения принадлежности к типу того или иного конкретного объекта» [3].

В своих работах В. А. Ганзен, будучи приверженцем системного подхода, указывает на существование характеристик типа не в виде некоторого набора, а в наличии целостной структуры, совокупности связей между ними [3].

Экранная природа телевидения определяет трехчастность структуры типажа телеведущего: психофизиологические характеристики человека, поведенческие особенности, личностные характеристики.

Исходя из этого, мы анализируем несколько известных в российской и зарубежной практике типологий человека, которые, на наш взгляд, могут быть использованы при разработке содержательных характеристик типажа телеведущего.

Во-первых, мы обратились к истории театра,

кино и телевидения. Известно, что первые практики разработки типажей как амплуа реализованы в театральной деятельности.

Амплуа (от фр. *emploi* — употребление, использование; должность) не что иное, как специализация актера на исполнении ролей, сходных по своему типу и объединенных условным наименованием; театральная классификация, узаконивающая и регулирующая в театральной практике соответствие определенных психофизических данных актера и стиля игры [6].

Появлению амплуа в истории театра способствовало установление традиции, которая ограничивала возможность индивидуальной трактовки роли. В результате приемы игры причислились к изображаемым типам. Согласно классической системе амплуа актер, который претендует на определенную роль, должен обладать в первую очередь подходящими для этой роли внешними данными (рост, сложение, тип лица, тембр голоса).

В 1922 г. Вс. Мейерхольд, В. Бебутов и И. Аксёнов создали универсальную таблицу из семнадцати пар мужских и женских амплуа, с помощью которых возможно полностью охватить и отразить систему драматической литературы от античности до современности.

Краткое обобщение типологии предложено в табл. 1.

Впервые понятие «типаж» в киноиндустрии использовал С. М. Эйзенштейн. В 20-е гг. XX в. — годы советского новаторского кино — появилась необходимость продемонстрировать естественность, натуральность реальной жизни и одновременно глубину человеческой души. Под типажом в тот период подразумевался «натурально-выра-

Таблица 1

Характеристики мужских и женских амплуа и соответствующие им сценические функции

Необходимые данные актера	Амплуа	Сценические функции
<p>1. Рост выше среднего. Ноги длинные. Два типа лица: широкое и узкое, средний объем головы. Шея длинная, круглая. При широких плечах средняя ширина талии, бедер. Большая выразительность рук (кисти). Большие продолговатые глаза, предпочтительно светлые. Голос большой силы, диапазона и богатства тембров. Медиум баритона с тяготением к басу.</p> <p>1а. Рост выше среднего, ноги длинные, голова небольшая, исключительная выразительность кистей рук. Большие миндалевидные глаза. Два типа лица: Дузе, Сара Бернар. Шея круглая и длинная. Ширина бедер не должна слишком превосходить ширину плеч. Голос большой силы и диапазона, разговорный медиум с тяготением к контральто, богатство тембров</p>	<p>Герой / героиня (1, 1а)</p>	<p>Преодоление трагических препятствий</p>

Продолжение табл. 1

Необходимые данные актера	Амплуа	Сценические функции
2. Рост не ниже среднего, ноги длинные. Выразительные глаза и рот. Голос может быть высоким (тенор). Отсутствие полноты. Средний рост. 2а. Рост не ниже среднего. Ноги длинные, выразительные глаза и рот. Голос может быть высоким (сопрано). Не слишком развитой бюст	Влюбленный / влюбленная (2, 2а)	Активное преодоление любовных препятствий, лирические события
3. Рост не выше среднего. Голос безразличен. Тонкая фигура. Большая подвижность глаз и лицевых мышц. Подражательные способности (мимикрия). 3а. Рост не выше среднего. Голос безразличен. Тонкая фигура. Большая подвижность глаз и лицевых мышц (мимикрия)	Проказник, затейник / проказница, затейница (3, 3а)	Игра с губительными препятствиями, им же созданными
4, 4а. Обладание манерой «преувеличенной пародии» (гротеск). Данные для эквилибристики и акробатики	Клоун, шут, дурак / клоунесса, шутница (4, 4а)	Умышленное задержание развития действия разбиванием сценической формы
5. Голос или низкий, или высокий. Рост желателен средний. Глаза безразличны (допустимо косоглазие). Подвижность лицевых мышц 5а. Голос низкий, большого диапазона и силы. Рост выше среднего. Глаза большие	Злодей и интриган / злодейка и интриганка (5, 5а)	Игра с губительными препятствиями, им же созданными
6, 6а. Большое обаяние и значительность сценической природы. Голос исключительного тембра и богатый модуляциями	Неизвестный / неизвестная (6, 6а)	Концентрация интриги выведением ее в иной личный план
7, 7а. Требования голоса те же, что и для героя. Меньшая подчеркнутость требований физического характера, предъявляемых герою	Неприкаянный или отщепенец / неприкаянная (7, 7а)	Концентрация интриги выведением ее в иной внеличный план
8. Глубокий бас. Сложение безразлично. 8а. Голос безразличен. Рост безразличен. Правильность пропорций	Фат / куртизанка (8, 8а)	Неумышленное задержание развития действия введением его в личный план
9. Рост и голос за исключением трагических персонажей безразличен. 9а. Допустима полнота. Голос предпочтительно низкий. Рост предпочтительно большой	Моралист / матрона (9, 9а)	Умышленное ускорение развития действия введением в него норм морали
10, 10а. Рост и голос за исключением трагических персонажей безразличен	Опекун / опекунша (10, 10а)	Активное приложение лично установленных норм поведения к обстановке, созданной вне его воли
11. Фигура и голос безразличны. Рост не должен превышать роста лица, с которым он связан. 11а. Общих требований нет	Друг / подруга (11, 11а)	Поддержка, содействие и побуждение того лица драмы, с которым он связан, объяснять свои поступки
12. Допустима полнота. Глубокий бас. Умение владеть фальцетом. 12а. Общих требований нет	Хвастливый (капитан) / сводня (сваха) (12, 12а)	Осложнение в развитии действия присвоением себе чужих сценических функций (например, героя)
13. Общих требований нет	Блюстителю порядка / блюстительница порядка (13, 13а)	Введение в план полицейских норм обстановки, им неподдающейся, чем вызывается осложнение в развитии действия

Окончание табл. 1

Необходимые данные актера	Амплуа	Сценические функции
14, 14а. Общих требований нет	Ученый (доктор, маг) / ученоя (суфразистка) (14, 14а)	Уснащение действия введением в него чужеродного ему толкования
15, 15а. Общих требований нет	Вестник/вестница (15, 15а)	Передача событий, протекающих вне сцены
16, 16а. Общих требований нет	Травести (прислуга) (16, 16а)	—
17, 17а. Общих требований нет	Содействующие (17, 17а)	Принятие на себя таких функций главных действующих лиц, какие теми не могут быть выполнены исходя из экономии действия

зительный» актер, чаще всего непрофессиональный. С. М. Эйзенштейн, имея опыт театральной деятельности, был готов использовать принципы театра масок в производстве кино. По его словам, «типаж в кино занимает то же принципиальное место (место предела выразительности), что и маска в театре» [4. С. 163].

Опыт работы с типажом С. Эйзенштейна получил признание в практике работы не только советского, но и мирового кино. Термин «типаж» стал применяться не только к непрофессиональным актерам, но и к профессионалам. «Типажная игра» требовала определенную «внутреннюю жизнь» персонажа, характерные черты, натуральность и естественность реакции. Требования «типажной игры» (неизменные чер-

ты) актер переносил из одного фильма в другой, таким образом, возникла имитация типажа — принцип, на котором основывалось творчество многих популярных американских актеров 20–30-х годов [7].

Во второй половине XX в. к проблеме типажа в кино обращается А. Н. Митта. В своей книге «Кино между адом и раем» он описал диапазон поведенческих характеристик типажей, выявленных в американской киноиндустрии, востребованных в отечественной практике и в настоящее время [8]. Обобщенное описание характеристик представлено в табл. 2.

Кроме того, мы предлагаем использовать психологические исследования по типизации личности. Заметим, несмотря на известную

Таблица 2

Поведенческие характеристики типажей киногероев

№	Типаж	Характеристика, модель поведения
1	Наши знакомые	Тип поведения соотносится с поведением наших друзей, сослуживцев, соседей по улице, городу, стране и по всем пяти континентам. Все главные проблемы от рождения до смерти в основном одинаковы: мы любим, боимся, работаем, хотим чего-то добиться сами, помогаем детям. И мы очень хорошо понимаем друг друга. Драматические ситуации, барьеры и конфликты «наших знакомых» могут открыть нам самые тонкие и сложные оттенки характеров. И они лучше всего помогают нам понять себя, потому что эмоциональный опыт «наших знакомых» адекватен нашему. Зритель к такому герою быстрее проникается доверием и любовью — он узнает в нем себя
2	Андердог	Многочисленный круг персонажей, желающих изменить свой социальный статус. «Это те, кто лезет вверх, преодолевая классовые барьеры. Это требует знаний, воли, мужества, хитрости, ума, упорства. «Андердог» добивается того, чтобы преуспеть и стать основой общества. Он изворотлив, но в рамках закона. Однако, если цель близка, готов пойти почти на все, разве что кроме убийства. Эти герои в ходе истории, преодолев множество препятствий, собственными силами добиваются успеха. Именно их внутренний стержень, страсть и желание достичь результата и отличает андердогов от прочих типажей. Это сильные и смелые личности, которым хочется не только соперничать, но которыми хочется восхищаться

Окончание табл. 2

№	Типаж	Характеристика, модель поведения
3	Потерянные души	Это такие же, как и мы, но потерявшие моральные ориентиры, преступившие нормы морали и даже закон. Они начали, как мы, но выбрали неправильный путь. Как правило, герои данного типа — негодяи, которые совсем не мучаются угрызениями совести. Они по собственной воле преступили грани морали и закона, после чего оказались потерянными для нормального общества. Однако и они способны встать на путь истинный
4	Идолы	В основе поведенческой модели — решение безвыходных положений. Они их шелкают как орехи. «Идол» выражает желание зрителя убежать от неразрешимых проблем. «Идолы» выступают в облике обычных людей, но их подлинная суть — существа, которые могут все. Со всеми проблемами «идол» справляется в минимально сжатые сроки с максимальной эффективностью.

максимальную формализацию типажного поведения теле- и киногероев, в поведенческих моделях «типажей» так или иначе проявляются индивидуальные характерологические особенности, то, что Э. Фромм называл «основными ориентациями характера».

Таким образом, считаем целесообразным использование в работе концепции социального характера Э. Фромма, по утверждению которого выражение и удовлетворение человеческих потребностей зависит от типа социальных условий, в которых живет индивидуум.

В своей концепции ученый рассматривает со-

циологические, политические, экономические, религиозные и антропосоциологические факторы, влияющие на формирование типа личности. «Индивидуум прекращает быть самим собой; он превращается в такой тип личности, какого требует модель культуры, и поэтому становится абсолютно похожим на других — таким, каким они хотят его видеть» [10].

Э. Фромм выделил 5 типов социальных характеров, превалирующих в современных обществах, и описал их особенности. Обобщение типов личности по Э. Фромму предложено в табл. 3.

Таблица 3

Типы личности по Э. Фромму

№	Тип личности	Характерологические особенности
1	Рецептивный тип	Это доверчивые, пассивные, чувствительные и сентиментальные люди, не умеющие действовать и жить без чьей-либо помощи. Идеалисты, часто витающие в облаках. Люди, оторванные от реального мира, он для них — источник приятных переживаний. Между «любить» и «быть любимым» — выбирают второй вариант
2	Эксплуатирующий тип	Люди с сильным характером, наделенные чувством собственного достоинства и уверенностью в себе. Часто их поведение бывает агрессивным, но в эмоциональном плане сдержанные. Данный тип личности отличается активностью, настойчивостью, что и требуют от других людей. Люди действия, которые всегда добиваются поставленных целей, а средство для достижения этих целей, чаще всего — окружающая действительность. Здесь будет уместна фраза: «Цель оправдывает действие»
3	Накапливающий	Это люди, которые копят вокруг себя все, будь то деньги, недвижимость, власть или любовь. За свое они держатся двумя руками, не рискуя и не делая лишних необдуманных движений. Люди консерваторы. Сдержанные, предусмотрительные, спокойные и терпеливые. «Накапливающие» очень надежны, но в то же время, подозрительны и упрямы. Минус — живут прошлым и не склонны к переменам
4	Рыночный	Наиболее распространенный тип личности для современного общества. Они направлены на внешний мир. Для людей данного типа их личность и есть товар, а целью является продажа себя как личности. Но у товара должна быть привлекательная «упаковка» и разработанный «маркетинг». Такие люди уделяют большое внимание своей внешности (привлекательная «упаковка»). Они заинтересованы в нужных людях. Последнее чаще всего противоречит моральным принципам, но в интересах личных целей мораль остается далеко в стороне. Поверхностные, бестактные, безнравственные, неразборчивые в средствах и одновременно открытые, любознательные и щедрые

№	Тип личности	Характерологические особенности
5	Продуктивный	Наиболее редко встречаемый тип личности. Прежде всего, честны, как перед самим собой, так и во взаимоотношениях с другими. Заботливы, уважительны и ответственны. Независимы в суждениях и поступках, отличаются любовью к животному миру и людям, наделены продуктивным творческим мышлением. Чаще всего увлекаются собственной деятельностью вопреки другим ценностям, например, семейному быту, поэтому чаще всего остаются одиночками. Удастся избежать одиночества благодаря творческому логическому мышлению, любви ко всему окружающему, общественно полезному труду, благодаря которому человек может абстрагироваться и самовыражаться. По Э. Фромму, данный тип — это идеал

Таким образом, перечислим структурные черты типологий, по нашему утверждению востребованных в экранной индустрии:

1. Психофизические характеристики человека — театральные типажи / ампула (от Вс. Мейерхольда, В. Бобурова и И. Аксёнова).
2. Поведенческие характеристики киногероев (от А. Н. Митты).
3. Характерологические особенности типов личности (от Э. Фромма).

Считаем, что данные типологии могут быть использованы при конструировании форматного типажа телеведущего.

Телеведущий, безусловно, был и остается важнейшим коммуникатором в экранном действии. В прикладных исследованиях разработаны типологии коммуникаторов: друг, авторитет, эксперт (по Ч. Миллоу, в основе — тип контакта); герой, антигерой, мистическая личность (по А. Гольдхаберу, в основе — уровень близости к аудитории); учитель, вожак, кумир, мэтр, командир (по Е. Прониной, в основе — функции в процессе социализации); мифотворец, моралист, прагматик, игрок, психоаналитик, хакер, диджей (по Е. Прониной, в основе — парадигма мыслительной деятельности).

Т. Я. Аникеевой выделено два психотипа телекоммуникаторов на основе самооценки личностных качеств коммуникаторами — манифестация образа «Я» и экономность проявления образа «Я» [1]. В случае форматной индустрии наиболее при-

емлем второй психотип.

Несмотря на значительную разработанность типологий коммуникатора, открытым, собственно, остается вопрос об их конструировании.

Согласимся с Н. Н. Богомоловой, что в образе коммуникатора наиболее важны: *социально-демографические (ролевые) и индивидуально-личностные* характеристики [2].

Социально-демографические характеристики — пол, возраст, профессиональные роли, образование и т. п., а индивидуально-личностные — данные *внешности, личностные характеристики, коммуникативные особенности*.

Полученные обобщения, на наш взгляд, могут быть использованы для моделирования / конструирования типажа телеведущего на основе объединения в единую структурную композицию значимых характеристик коммуникатора и представлений о типаже.

Так, обобщенно модель типажа ведущего телепрограммы может включать структурные компоненты, представленные на рис. 1.

Конструирование типажа телеведущего возможно в виде процесса, представленного на рис. 2.

Безусловно, данные характеристики не являются всеобъемлющими и исчерпывающими. Тем не менее модель апробирована в дипломном исследовании Н. В. Зарецкой, студентки 4 курса департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета, и доказала право на существование.

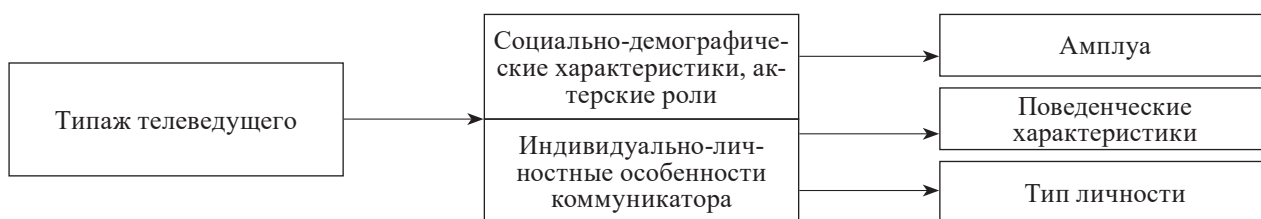

Рис. 1. Модель типажа ведущего телепрограммы

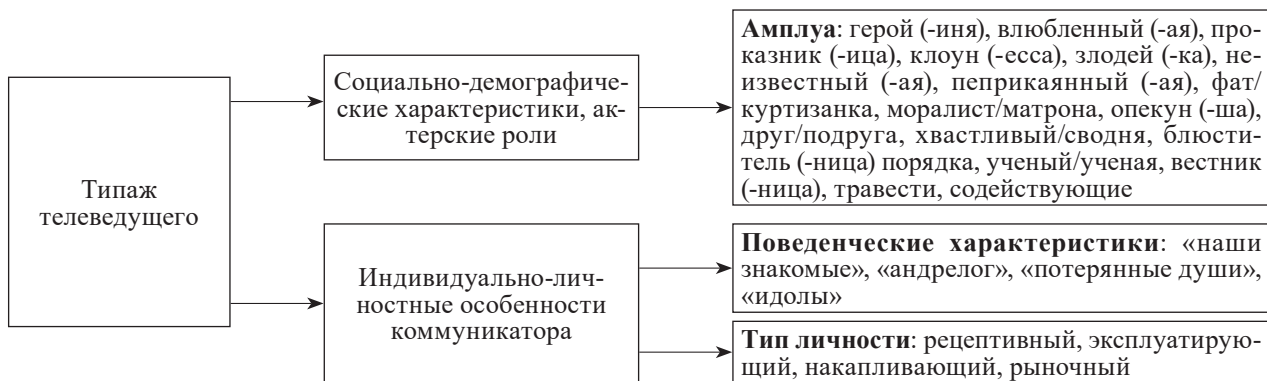

Рис. 2. Процесс конструирования типажа телеведущего

Так, в ее работе на основе анализа определены и названы типажи телеведущих программы «Давай поженимся». Типаж ведущей Ларисы Гузеевой: «наставница». Амплуа — опекунша, тип поведенческих характеристик — «наши знакомые», тип личности — «эксплуатирующий». Типаж Розы Сябитовой определен как «базарщица». Амплуа — сваха, блюстительница порядка, тип поведенческих характеристик — «андердог», но не всегда вызывающий уважение, поскольку тип личности — «рыночный». Типаж астролога Василисы Володиной: «леди». Амплуа — ученый, тип поведенческих характеристик — «идол», тип личности — «продуктивный». Полагаем, триада

«наставница — базарщица — леди» обеспечивают должный баланс полилогового коммуникации данной программы.

В приведенном примере определены типажи существующей рейтинговой программы. Представляется, данная модель может быть использована для конструирования новых форматных типажей телеведущих. К примеру, конструирование типажей востребовано на региональном российском телевидении, достаточно свободном от зарубежных форматов, но также требующем форматный подход к производству экранной продукции.

Список литературы

1. Аникеева, Т. Я. Личностные особенности телекоммуникатора : дис. ... канд. психол. наук / Т. Я. Аникеева. — М., 2003. — 208 с.
2. Богомолова, Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации / Н. Н. Богомолова. — М., 2010. — 191 с.
3. Ганзен, В. А. Системные описания в психологии / В. А. Ганзен. — URL: http://modernlib.ru/books/ganzen_vladimir/sistemnie_opisaniya_v_psihologii/read_13/.
4. Иванов, В. В. Очерки по семиотике в СССР / В. В. Иванов. — М., 1976.
5. Качкаева, А. Н. Как это делается: продюсирование в креативных индустриях / А. Н. Качкаева. — URL: <https://knigopoiisk.com/files/2016/04/kak-eto-delaetsya-prodyusirovanie-v-kreativnyh-industriyah.a4.pdf>.
6. Купцова, О. Амплуа / О. Купцова // Энциклопедия «Кругосвет». — URL: <http://www.krugosvet.ru/node/31223>.
7. Мельникова, Л. И. К типологии ведущего на белорусском телевидении / Л. И. Мельникова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер. 4. Филология. Журналистика. Педагогика. — 2012. — № 1. — С. 91–94.
8. Митта, А. Н. Кино между адом и раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Куросаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому / А. Н. Митта. — М., 2014.
9. Саппак, В. С. Телевидение и мы. Четыре беседы / В. С. Саппак. — М., 2007.
10. Фром, Э. Гуманистическая теория личности / Э. Фромм. — URL: <http://psychojournal.ru/psychologists/29-erih-fromm-gumanisticheskaya-teoriya-lichnosti.html#sel=41:42,41:73>.
11. Oren, T. Global Television Formats: Understanding Television Across Borders / T. Oren, S. Shahaf. — Routledge, 2015. — 394 p.
12. Moran, A. Television format traffic public service style / A. Moran // CONTINUUM-JOURNAL OF MEDIA & CULTURAL STUDIE. — Т. 29, vol. 5. — Pp. 684–693.

Сведения об авторе

Сумская Анна Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики, Уральский федеральный университет. Екатеринбург, Россия. anna.sumskaia@urfu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). *Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 72—79.*

MODELING BROADCASTER IN THE PRODUCTION OF FORMATTED PROJECTS

A. S. Sumskaya

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. anna.sumskaia@urfu.ru

The study on the basis of structural-level approach developed theoretical bases of modeling of types of leading television format television projects. Despite the development of themes in foreign studies, in the Russian practice there is a lack of such works.

Analyzes the typology of V. Meyerhold, V. Bebutov, I. Aksenov, A. N. Mitta, E. Fromm, to identify structural and substantial characteristics. In the structure type of the presenter are two-level (socio-demographic and individual characteristics) and three components (psycho-fiziologicheskie, behavioral, personal). The article provides the results of testing the model on the example of Russian rating television programs. The results of the study may have a role for the regional television industry.

Keywords: *formatted television industry, the structure and characteristics of the type of broadcaster, modeling/designing of type of the leading television show.*

References

1. Anikeeva T.Ya. *Lichnostnyye osobennosti telekommunikatora* [Personal characteristics of telecommunicator]. Moscow, 2003. 208 p. (In Russ.).
2. Bogomolova N.N. *Social'naya psihologiya massovoj kommunikacii* [Social psychology of mass communication]. Moscow, 2010. 191 p. (In Russ.).
3. Ganzen V.A. *Sistemnye opisaniya v psihologii* [The system descriptions in psychology]. Available at: http://modernlib.ru/books/ganzen_vladimir/sistemnye_opisaniya_v_psihologii/read_13/. (In Russ.).
4. Ivanov V.V. *Ocherki po semiotike v SSSR* [Essays on semiotics in the USSR]. Moscow, 1976. (In Russ.).
5. Kachkaeva A.N. *Kak eto delaetsya: prodysirovanie v kreativnyh industriyah* [How it's done: producing in the creative industries]. Available at: <https://knigopisk.com/files/2016/04/kak-eto-delaetsya-prodysirovanie-v-kreativnyh-industriyah.a4.pdf>. (In Russ.).
6. Kupcova O. Amplua [Role]. *Ehnciklopediya Krugosvet* [Encyclopedia "Krugosvet"]. Available at: <http://www.krugosvet.ru/node/31223>. (In Russ.).
7. Mel'nikova L.I. K tipologii vedushchego na belorusskom televidenii [To the typology of the leading Belarusian TV]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika* [Bulletin of Buryat State University. Series of Philology. Journalism. Pedagogy], 2012, no. 1, pp. 91–94. (In Russ.).
8. Mitta A.N. *Kino mezhdum adom i raem: kino po Ehjzenshtejnu, Chekhovu, Shekspiru, Kurosave, Fellini, Hitchkoku, Tarkovskomu* [Movie between hell and Paradise: a film by Eisenstein, Chekhov, Shakespeare, Kurosawa, Fellini, Hitchcock, Tarkovsky]. Moscow, 2014. (In Russ.).
9. Sappak V.S. *Televidenie i my. Chetyre besedy* [TV and we. Four interviews]. Moscow, 2007. (In Russ.).
10. From E. *Gumanisticheskaya teoriya lichnosti* [Humanistic theory of personality]. Available at: <http://psichojournal.ru/psychologists/29-erih-fromm-gumanisticheskaya-teoriya-lichnosti.html#sel=41:42,41:73>. (In Russ.).
11. Oren T., Shahaf S. *Global Television Formats: Understanding Television Across Border s*. Routledge, 2015. 394 p.
12. Moran A. Television format traffic public service style. *CONTINUUM-JOURNAL OF MEDIA & CULTURAL STUDIE*, t. 29, vol. 5, pp. 684–693.

УДК 82
ББК 83.3(2)

«ПО БЫЛИНАМ ВРЕМЕНИ СЕГО...» (мотивы «Слова о полку Игореве» в романе А. Иванова «Ненастье»)

О. С. Сухих

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Рассматривается роман А. Иванова «Ненастье» с точки зрения параллелей со «Словом о полку Игореве». Цель исследования — выявить роль интертекстуальных связей в раскрытии социальных проблем романа. С помощью интертекстуального анализа исследуются параллели в проблематике и системах образов произведений. Делается вывод: за счет обращения к древнерусскому тексту в «Ненастье» репрезентируются и разрыв, и взаимосвязь эпох.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», роман А. Иванова «Ненастье», интертекстуальность, смена времен, взаимосвязь эпох.

Творчество Алексея Иванова стало одной из важнейших составляющих литературного процесса начала XXI в. Оно привлекает внимание рецензентов и критиков за счет актуальности материала, оригинальности его авторского осмысления, разнообразия художественных средств, индивидуальности и неоднозначности языковой картины мира. Роман «Ненастье» вышел в свет в 2015 г. и, как и другие произведения А. Иванова, вызвал множество откликов в среде как просто читателей, так и критиков. В центре внимания авторов рецензий оказалась в основном социально-нравственная проблематика этого романа. Г. Ноговицын, например, характеризует в своей статье героев «нулевых» годов в изображении А. Иванова, связывая содержание произведения с историей «афганского братства» Екатеринбургa 90-х гг., и отмечает, что перед нами книга не только об этой эпохе, но, прежде всего, о людях, у каждого из которых — свое «ненастье» в душе [8]. М. Бушуева рассматривает роман «Ненастье» как книгу о смене социальных слоев в стране и о судьбе «маленького человека» на этом фоне [2]. А. Жучкова отмечает, что утверждаемые автором вечные ценности — это «энергетические матрицы народного самосознания: верная любовь, личный подвиг, дружинное братство, торжество справедливости» [3].

Интертекстуальный пласт романа тоже стал предметом исследования в отечественном литературоведении. Например, Я. Солдаткина видит в «Ненастье» платоновские мотивы духовного сиротства, духовного пути-путешествия, воскресения как нравственного возрождения [12]. Е. Погорелая рассматривает произведе-

ние А. Иванова в сопоставлении с «Доктором Живаго» Б. Пастернака и видит в нем традиции модернистского романа [9].

При прочтении романа А. Иванова «Ненастье» в сознании читателя закономерно актуализируются мотивы и образы классики предшествующих эпох, и этот диалог времен и одновременно диалог произведений, их взаимосвязь, которую обычно исследователи именуют интертекстуальностью (вслед за Ю. Кристевой [6]) или же вертикальным контекстом (вслед за И. Гюббенет и О. Ахмановой [1]), помогают углубить представление о социальной и философской проблематике романа. В данной статье речь пойдет о художественных перекличках и параллелях между романом XXI в. и «Словом о полку Игореве», связанным, как считал еще Д. С. Лихачёв, с литературным процессом нового времени [7] и, как показывает практика, новейшего тоже.

А. Иванов изображает 90-е гг. XX в. как переломную эпоху в жизни страны, повлекшую за собой постепенную смену не только ведущей общественной силы, но и идеологической парадигмы, и психологии человека, и духовных ценностей. В романе «Ненастье» это эпоха, когда вся воля общества в целом и человека в частности направлена на выживание, борьбу за свое место под солнцем, — сила и решительность в этой борьбе становятся основными ценностями. Воплощение этой эпохи — персонаж с «говорящей» фамилией Сергей Лихолетов. Не случайно именно этот образ становится «центром притяжения» и авторского, и читательского внимания, хотя формально сюжет организуется перипетиями судьбы главного героя Германа Неволина. Лихолетов —

фигура более яркая, к тому же этот персонаж олицетворяет собой определенную жизненную философию. Его сила заключается не только в грубом, смелом и прямолинейном напоре, но и в «афганской идее», которую он выдвигает в качестве опоры своего микросоциума — организации «Коминтерн» («Комитет интернационалистов»). Суть ее — в чувстве товарищества и взаимопомощи бывших «афганцев». Это единение людей, у которых общее прошлое. В какой-то мере это образ бывшего Советского Союза. Однако по ходу действия читатель наблюдает, как наступает другая эпоха, когда ведущую роль начинают играть не общая идеология и даже не сила, а изощренная хитрость и цинизм, — символом этого времени становится в романе образ Георгия Щebetовского, бывшего офицера госбезопасности, а теперь удачливого бизнесмена и олигарха местного масштаба.

Тема смены времен становится в «Ненастье» одной из определяющих. Она актуализируется не только за счет сюжета, который развивается в основном в двух направлениях и в двух временных плоскостях, но и за счет отсылки к литературному памятнику гораздо более ранней эпохи.

Горькая ирония по отношению к прошлому выражена А. Ивановым в эпизоде разгона Шпального рынка, который являлся центром мелкой торговли в городе Батуеве, где происходит действие произведения, а затем был насильственно взят под контроль «афганцами», членами организации «Коминтерн» под руководством Сергея Лихолетова. Герман и его друг и командир Лихолетов видят среди разбросанного, испорченного во время драки товара «какую-то книгу» — это «Слово о полку Игореве» в переводе Н. Заболоцкого. Взглянув на разворот, Сергей говорит: «Слушай, Немец, прямо про нас стихи <...> “Захватили золота без счета, груды аксамитов и шелков, вымостили топкие болота епанчами красными врагов”. Что за хрень — аксамиты, епанчи?» [4]. Представители нового времени не узнают книги, с которой практически началась история русской классики, хотя и ассоциируют ее эпизод с тем, что происходит на их глазах и даже с ними самими. Ассоциация вызвана азартом борьбы, духом победы. Только вместо золота и шелков перед победителями — разоренная площадка и втоптанная в грязь остатки товара, а вместо поверженных грозных врагов — беззащитные люди, вынужденные подчиниться силе. «Слово о полку Игореве», брошенное, как ненуж-

ная вещь, становится в произведении А. Иванова символом девальвации ценностей, **обесценивания культуры прошлого**, как и образ плачущей бывшей учительницы — ныне униженной рыночной торговли.

Правда, субъективно «коминтерновцы» не враждебны по отношению к жалким и бесправным «маленьким людям», Лихолетов просто убежден в том, что «право имеющим» может быть только сильный. И автор показывает, как именно и почему в сознании героя сформировалась эта мысль. Когда-то в Афганистане он тоже ощутил себя беззащитным человеком, пешкой в руках командиров, но сумел проявить волю и выжить: «Он понимал, что испытывают люди, которых избили, ограбили и прогнали. Эти люди привыкли иметь достоинство, их уважали на работе, их называли на “вы”, — и вдруг они поняли, что они скот, для которого есть пастухи. Оскорбительно. В Афгане он тоже прошел через такое потрясение, когда осознал, что он — “туловище”... Им распоряжаются командиры, как хотят; его могут принести в жертву или потерять — и никому за это ничего не будет. Он — копейка в чужом кошельке. Но ведь он смог выстоять, он вернул себе право распоряжаться своей жизнью. Пусть и другие борются» [4]. Такие люди, как бывшая учительница, плачущая на разгромленном рынке, бороться неспособны. Они наследники прежней культуры, но защитить ее они не в силах. Рынок занял в жизни общества приоритетное место, отодвинув на второй план, а то и вообще сбросив в пропасть библиотеку, театр, дворец культуры и так далее. А «на рынке гордых нету» [4], как говорит Герману Лихолетов, причем с полным на то основанием: весь ход событий, как ни грустно, подтверждает его правоту. Возможно, именно поэтому эпоха лихолетовых так легко и бестрепетно перешагнула через ценности прошлого, через сформированную прежними временами культуру.

Но то же самое случилось и на новом этапе истории: время щebetовских опрокинуло основные устои эпохи лихолетовых. Место «афганской идеи» медленно, но верно стали занимать материальные ценности. Снова приоритет остался за «рынком», только в другой его модификации.

А. Иванов изображает две эпохи «в лицах», показывает их в сопоставлении. Читатель может видеть, что лихолетовский «Коминтерн» действовал вызывающе грубо и прямолинейно, а сам Серёга и его «афганцы» производили

впечатление людей в основном малоприятных: среди них крайне мало образованных, почти все много пьют, постоянно матерятся, всё решают кулаками. Но при этом они очень ценили порядочность, дружбу и внутренне прекрасно чувствовали, «что такое хорошо и что такое плохо». В системе их ценностных ориентаций важное место занимали правда и справедливость. Щебетовский же со своей «командой» действует гораздо более хитро и изощренно. Он внешне производит вполне благопристойное впечатление: у него хорошие манеры, речь образованного и интеллигентного человека. Но при всем этом он абсолютно лишен внутренней чистоты, порядочности, чести. Для него основными жизненными приоритетами становятся деньги и власть.

Цитата из «Слова о полку Игореве» помогает выразить мысль о **разрыве эпох**, одна их которых — прошедшая — стала чужда и непонятна второй — наступившей. Но, с другой стороны, та же самая литературная отсылка репрезентирует и **связь времен**, которая выражается в повторяемости событий. Не случайно Серёга Лихолетов невольно проводит параллель между князем Игорем с его дружиной и собой, Германом, другими «афганцами». Отметим в этой связи и другой важный момент: героиню, которая была дорога и Лихолетову, и Герману, зовут Татьяна Ярославна, и она в финале романа воспринимает свою долю — любить и ждать — как саму суть собственной жизни, видит счастье в том, чтобы остался жив любимый человек. Как Ярославна молится о спасении князя, так и Таня бросается спасать Германа. Стремление мужчины к победе, как и стремление женщины защитить свою любовь, — это *непреходящее, это то, что повторяется в веках*.

Идея взаимосвязи времен воплощается в произведении А. Иванова и в другом аспекте. Приведенная в тексте романа цитата из «Слова о полку Игореве» вызывает ассоциацию с **темой временной победы**, занимающей важное место и в «Слове», и в романе «Ненастье». Строки, которые видит Сергей Лихолетов на развороте страниц «какой-то книги» и читает своему другу Герману Неволину, отсылают к тому эпизоду «Слова», где первая битва с половцами закончилась победой князя Игоря. Но, как известно, впоследствии хитрость противника увенчалась успехом — в результате войско князя было разбито, а он оказался в плену, правда, в финале вернул себе свободу и бежал на родину. *По аналогии с этой*

линией событий развивается и ход сюжета романа А. Иванова. «Коминтерн» под руководством Сергея Лихолетова одерживает достаточно серьезную победу в социальной борьбе: он получает контроль над Шпальным рынком, захватывает и отстраивает дома для семей «афганцев», становится реальной и весомой общественной силой в масштабах города. Но со временем противник начинает активно использовать все доступные ему методы борьбы, в том числе и хитрость, и непорядочные «ходы» в социально-политической игре. И вот уже происходит штурм резиденции Лихолетова, приводящий к тому, что его «рать» побеждена, а сам он арестован и долгое время проводит в СИЗО, правда, не сдается, не теряет веры в успех, и ему удается вернуть свободу. Совпадение двух событийных линий, как видим, впечатляющее. Однако на этом аналогия заканчивается — начинаются не менее внушительные концептуальные различия. В «Слове о полку Игореве» побег главного героя порождает воодушевление у автора и, соответственно, у читателя, финал окрашен оптимизмом, надеждой на новую победу: «Но восходит солнце в небеси — / Игорь-князь явился на Руси» [11. С. 348]. В произведении нашего современника А. Иванова концепция гораздо более пессимистична: освобождение Лихолетова не приводит его к победе, поскольку он не вписывается в новую эпоху.

Во времена князя Игоря победу — уже не временную, а настоящую — могли принести *единство, общность сил и интересов*, и вся поэма неизвестного автора была выражением надежды на то, что это будет достигнуто, что прежний дух единения возродится на Руси. Во времена «Коминтерна» единство тоже являлось важнейшим фактором победы — именно в этом, по сути, и заключалась «афганская идея» Лихолетова, подразумевавшая под собой взаимную поддержку бывших солдат. Но *это единство оказалось непрочным* и было разрушено, когда Щебетовский начал действовать по принципу «разделяй и властвуй», играя на личных интересах, на слабостях и эмоциях людей. Не случайно А. Иванов в одном из интервью сказал, что социальные группы, основанные на какой-либо общественной / антиобщественной идее, не могут быть по-настоящему прочными: «Сообщества этого типа всегда разваливаются. Они строятся на некоей довольно умозрительной общности: землячество — на общей родине, группировка — на общем преступлении, союз ветеранов — на общем опыте войны. И так

далее. Но эти “точки сборки” — родина, преступление, война — не самоценны. Они важны только в агрессивной среде, когда позволяют объединиться, чтобы вместе стать сильнее. Едва лидеры сообществ обретают желанное благополучие, значимость “точки сборки” падает» [5].

Итак, если автор «Слова о полку Игореве» видит идею «общей родины» в качестве объединяющей, вечной и спасительной, то автор романа «Ненасъе» включает ее в некий ряд временных идей, имеющих лишь преходящее значение, а потому неспособных дать человеку истинную духовную опору. Писатель противопоставляет подобным объединяющим началам принципиально другое — веру: «Но самый лучший способ под-

линного объединения, придуманный человечеством, — это вера» [5]. Говоря в одном из своих интервью о ненасъе как символе некой «экзистенциальной ловушки» для героев, А. Иванов формулирует важнейшую для него мысль о том, что единственным выходом и надеждой для них в такой ситуации может стать христианское миропонимание, согласно которому «нет ни Еллина, ни Иудея» [10], тогда как есть духовная общность собратьев во Христе.

Как видим, поиск путей к духовному единству людей как залого спасения занимал и занимает умы писателей разных эпох, хотя способы достижения такой общности они видят в разном ключе.

Список литературы

1. Ахманова, О. С.; Гюббенет, И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // *Вопр. языкознания*. — М., 1977. — № 3. — С. 47–54.
2. Бушуева, М. Игра на деньги с законом / М. Бушуева // *Независимая газ.* — 2016. — 1 дек. — URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-12-01/6_867_game.html.
3. Жучкова, А. Медведица пера. Алексей Иванов / А. Жучкова // *Знамя*. — 2017. — № 7. — URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=6658>.
4. Иванов, А. Ненасъе / А. Иванов. — М., 2015. — 640 с. — URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=248027>.
5. Иванов, А. России неинтересно знать, как она устроена / А. Иванов. — URL: <http://morebo.ru/item/1430517308633>.
6. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. — М., 2004. — 656 с.
7. Лихачёв, Д. С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк / Д. С. Лихачёв. — М., 1982. — 176 с.
8. Ноговицын, Г. Несчастное «Ненасъе» Алексея Иванова / Г. Ноговицын // *Звезда*. — URL: <http://zvzda.ru/articles/730f0d5ac765#close>.
9. Погорелая, Е. Гражданин убегающий / Е. Погорелая // *Вопр. лит.* — 2017. — № 2. — С. 96–105.
10. Послание к Колоссянам святого апостола Павла // *Православие.ru*. — URL: http://days.pravoslavie.ru/bible/z_kol_3_12_16.html.
11. Слово о полку Игореве / пер. Н. Заболоцкого // Заболоцкий, Н. Стихотворения и поэмы. — М., 1985. — С. 327–348.
12. Солдаткина, Я. Творческое наследие А. П. Платонова и семантико-эстетические поиски в современной русской прозе (А. Н. Варламов «Мысленный волк», А. В. Иванов «Ненасъе») / Я. Солдаткина // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика*. — 2016. — № 1. — С. 45–54.

Сведения об авторе

Сухих Ольга Станиславовна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия. ruslitxx@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 80—84.

**«IN ACCORDANCE WITH THE BALLADS OF THIS TIME...»
(the motifs of the «The tale of the armament of Igor»
in the A. Ivanov's novel «Bad weather»)**

O. S. Sukhikh

N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia. ruslitxx@list.ru

We examine the novel «Bad weather» by A. Ivanov and its literary connections with «The tale of the armament of Igor». The objective of this study is to establish the role of intertextual connections in the exposition of the social issues in A. Ivanov's novel. Utilizing the method of intertextual analysis we investigate the parallels between the two works in the imagery used and in problems they address. We conclude that by referencing the Old Russian text, the topics of change of times, of devaluation of the past culture, of the temporary victory and of the unchanging importance of love are actualized in A. Ivanov's novel. By referencing «The tale of the armament of Igor», the novel «Bad weather» represents both the disconnection between two epochs, and at the same time their interrelation. This work can be used in courses related to the history of Russian literature, and to the problem of continuity.

Keywords: *«The tale of the armament of Igor», A. Ivanov's novel «Bad weather», intertextuality, time change, epoch interconnection.*

References

1. Achmanova O.S., Gyubbunet I.V. «Vertikal'nyj kontekst» kak filologicheskaya problema [The “vertical context” as a philological problem]. *Voprosy yazykoznanija* [The Issues of Linguistics], 1977, no. 3, pp. 47–54. (In Russ.).
2. Bushueva M. Igra na den'gi s zakonom [Play for money with the law]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 01.12.2016. Available at: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-12-01/6_867_game.html. (In Russ.).
3. Zhuchkova A. Medvedica pera. Aleksej Ivanov [The nid of the Ursa. Alexey Ivanov]. *Znamya* [Pennant], 2017, no. 7. Available at: <http://znamlit.ru/publication.php?id=6658>. (In Russ.).
4. Ivanov A. *Nenast'e* [Bad weather]. Moscow, 2015. 640 p. Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=248027>. (In Russ.).
5. Ivanov A. *Rossii neinteresno znat', kak ona ustroena* [Russia doesn't care about the arrangement]. Available at: <http://morebo.ru/tema/out/item/1430517308633>. (In Russ.).
6. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poehtiki* [Selected papers: The destruction of poetic]. Moscow, 2004. 656 p. (In Russ.).
7. Lihachyov D.S. *«Slovo o polku Igoreve»*. *Istoriko-literaturnyj ocherk* [«The Tale of Igor's Campaign» and Culture of That Time]. Moscow, 1982. 176 p. (In Russ.).
8. Nogovitsyn G. Neschastnoe «Nenast'e» Alekseya Ivanova [The miserable “Bad weather” by Alexey Ivanov]. *Zvezda* [Star]. Available at: <http://zvzda.ru/articles/730f0d5ac765#close>. (In Russ.).
9. Pogorelaya E. Grazhdanin ubegayushchij [The runaway citizen]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2017, no. 2, pp. 96–105. (In Russ.).
10. Poslanie k Kolossyanam svyatogo apostola Pavla [Epistle to the Colossians by Paul the Apostle]. *Pravoslavie.ru*. Available at: http://days.pravoslavie.ru/bible/z_kol_3_12_16.html. (In Russ.).
11. Slovo o polku Igoreve. Per. N. Zabolockogo [The Tale of Igor's Campaign. Translated by N. Zabolotsky]. Zabolockij N. *Stihotvoreniya i poehmy* [Zabolotsky N. Verse and poems]. Moscow, 1985. Pp. 327–348. (In Russ.).
12. Soldatkina Ya. Tvorcheskoe nasledie A.P. Platonova i semantiko-ehsteticheskie poiski v sovremennoj russkoj proze (A.N. Varlamov «Myslennyj volk», A.V. Ivanov «Nenast'e») [The oeuvre of A. Platonov and semantic and aesthetic searching in the contemporary russian prose]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literature, Journalistics], 2016, no. 1, pp. 45–54. (In Russ.).

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ХУДОЖНИКА И ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ЛЮБОМУДРОВ

О. А. Фёдорова

Филиал ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» в г. Таре, Тара, Россия

Раскрывается одна из ключевых доминант русского философского романтизма, связанная с представлением о поэте, поэзии и их предназначении. Образы художника, поэта-пророка рассматриваются на лирическом материале Д. В. Веневитинова и С. П. Шевырева. Представленный анализ позволяет осмыслить магистральные проблемы эстетики и поэтики творчества Любомудров.

Ключевые слова: русский философский романтизм, эстетика, Любомудры, художественное творчество.

Одной из доминант мифопоэтического творчества русского философского романтизма является представление о поэзии и ее сути. Любомудры считали, что поэзия и философия — это две равноценные силы в постижении истины и идеала. Творческое наследие поэтов-Любомудров не изучено надлежащим образом, хотя оно, безусловно, является важным культурным феноменом для понимания основ русского философского романтизма. Обращение к изучению эстетических и поэтических взглядов поэтов мы видим в работах А. Э. Еремеева, Г. В. Косякова, Н. В. Цветковой, О. Бознак, В. А. Акимова.

В лирике Любомудров тема поэта и поэзии — магистральная. В поэтических произведениях романтиков отражены ключевые проблемы их эстетики. Образ поэта в творческом наследии юных лириков выражает абсолютную духовную свободу, желание достичь высшего идеала, проникнуть в сферу трансцендентного. Их литературное наследие в этой связи служит образной формой не только раскрытия эстетической программы, но и зачастую одним из средств полемики и даже литературной критики.

В поэтическом наследии основоположника Любомудрия Д. Веневитинова поэт-пророк, гений, художник представляет родовую основу человеческой природы, его богоподобную потребность в творчестве, которое мыслится как обретение желаемого идеала. Однако мифологема творчества в поэзии Любомудров не сводится только к образу поэта. Она включает в себя творческий диалог с разными авторскими позициями Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, В. К. Кюхельбекера, Ф. И. Тютчева, А. С. Пушкина, Д. Г. Байрона, И.-В. Гете. В поэзии романтиков представлена рефлексия от-

носительно генезиса творческого процесса, природы вдохновения творчества, соотношение разумного и чувственного, а также провиденциального в искусстве.

Обратимся к лирическому тексту Д. Веневитинова «Сонет» («К тебе, о чистый дух, источник вдохновенья», 1825). Композиция сонета напоминает «песни восхождения» псалмов. Это отчетливо видно в следующем контексте:

К тебе, о чистый дух, источник вдохновенья,
На крыльях любви несется мысль моя [2. С. 34].
Ср.:

Взываю всем сердцем *моим*: услышь, меня,
Господи... (Пс. 118:145).

Лирический текст Веневитинова начинается с обращения к трансцендентной субстанциональной духовной силе. Здесь соединяется философская позиция платонизма и шеллингианская концепция. Философское учение Шеллинга является основополагающим для поэтов-Любомудров. Согласно учению немецкого философа ключевым является сближение творческой деятельности индивида, природы и Божественного начала. Кроме того, у философа процесс творчества соединяется с самовыражением и самопознанием.

Таким образом, в сонете Веневитинова мы видим, что гносеологической доминантой творчества является не здравая мысль, а умозрение, наполненное «любовью». Именно поэтому становится возможным возникновение универсальной платформы поэтического творчества:

Она затеряна в юдоли заточенья,
И все зовет ее в небесные края [2. С. 34].

В приведенном контексте мысль отождествляется с душой, которая стремится к своей небесной родине.

В лирических текстах Любомудров, так же как и в текстах немецких романтиков, поэтика романтизма воспринимается как поэтика преображения природы. Окружающий мир для лирического гения предстает как малая вселенная, которая, в свою очередь, открывает для него закономерности развития целого мироздания.

Вторая часть сонета Веневитиновым представлена в форме философской триады. Как отмечает В. В. Никулина, «структура которой следующая: тезис, антитезис, который утверждает личностный путь через познание микрокосма, логический вывод, разрешающий антитезу и антитезис» [6. С. 134]:

Напрасно силится мой дух к тебе парить.

Тебя читаю я во глубине сердечной... [2. С. 34].

Философская рефлексия раскрывается поэтом посредством шеллингианской идеи тождества между субъектом и объектом самопознания. Направленность к бесконечному в макро- и микрокосме оттеняет образ лирического субъекта гения.

В произведении возникает аллюзия с Книгой жизни («Откровение Иоанна Богослова»), а также акцентируется внимание на вечных христианских ценностях любви, надежде. Именно они дают возможность лирическому субъекту объять все мироздание и приобщиться к абсолютному эстетическому идеалу.

В структуре сонета отчетливо можно выделить три мотива, которые объединены между собой. Первым мотивом является мотив духовного наслаждения от искусства, далее — апокалиптическое разрушение мироздания, и третий мотив подчеркивает вневременной статус извечных категорий любви, надежды. Кроме того, здесь поэт сталкивает два контрастных образа «света эфира» и «хаоса».

Яркое и выразительное начало в сонете подчеркивается аллитерацией звука [p]: «греми любовью лира», «рухнул мир».

В произведении других Любомудров также нашли свое отражение эстетические и философские представления о художественном творчестве, поэте и поэзии. Так, например, в лирике С. П. Шевырева образные представления о поэтическом творчестве носят в большей степени дидактический характер, нежели у Д. Веневитинова.

Лирические тексты Шевырева наполнены рассуждениями о природе поэтического вдохновения, о роли лирического гения, а также о полно-

те и истинности художественного творчества. В произведениях автором с разных ракурсов осмысляются вопросы, касающиеся универсальной природы поэзии и генезиса творческого вдохновения.

В поэтическом наследии Веневитинова и Шевырева есть произведения, которые в образной форме не только раскрывают основные эстетические принципы программы Любомудров, но и являются средством своеобразной полемики с признанными гениями. Программными являются «Послание к А. С. Пушкину» («Из гроба древности тебе привет...», 1830), [Пушкину] («Вменяешь в грех ты мне мой темный стих...», 1830) у Шевырева и «Поэт» у Веневитинова.

Шевырев в этих произведениях рассуждает о высшем предназначении искусства и высказывает магистральные задачи дальнейшего развития русской литературы. В «Послании к А. С. Пушкину» («Из гроба древности тебе привет...») образ поэта метафорически соотносится с наивысшим духовным слухом, гармонией и поэтическим даром:

Из гроба древности тебе привет,

Тебе сей глас, глас неокрепный, юный;

Тебе звучат, наш камертон-поэт,

На лад твоих настроенные струны [2. С. 172].

В тексте возникает противопоставление двух поэтических систем. Автор ратует за отделение от школы гармонической точности («оскорблю неслаженным стихом», «рифмою нестройной и мятежной»). Таким образом, его позиция соотносится с усложненным языком как на содержательном, так и художественном уровнях [1].

В лирический контекст поэт вводит образ Рима. Для Шевырева данный образ является ключевым, так как он воспринимает этот древний город как колыбель античной и европейской культуры. Рим — это не просто родина искусства, а целая сфера для творчества. Гений для автора выступает тем субъектом, для которого открыт дар пророчества, видения, ему подвластны все тайны мироздания от «бездны» до «горного эфира».

Послание Шевырева имеет диалоговую структуру. Такая форма дает возможность поэту сопоставить лирического адресата с мировым культурным достоянием: «Но для тебя не темным, не случайным...». Здесь на первый план у Шевырева выходит образ древнего города, который выступает символом преемственности культурных традиций (в силу своей древности), кроме того Рим, по мысли автора, является сим-

волом вечного, духовного обновления и является тем местом, в котором в одночасье слились прошлое, настоящее и будущее. Возможность духовного приобщения к колыбели мирового искусства и культуры окрыляет лирического героя и наделяет автора пророческой силой «предчувствия». С предчувствием у Шевырева связан образ мирового сосуда:

Да скажем наш решительный глагол,
Да поднесем и свой сосуд заздравной!
[2. С. 172].

Этот метафорический образ относит нас к библейским корням и выражает собой своеобразную историософскую позицию автора о культурной миссии каждого из населяющих землю народов.

Лирический гений автора обращается к русскому народу:

Предчувствием объемлю я отсель
Великое отчизны назначенье! [2. С. 172].

Образ русской нации появляется в данном контексте не случайно, так как по мысли автора именно она имеет великое предназначение и развитие в культурном аспекте. Таким образом, он развивает мысль о большом предназначении всей великой русской культуры. Шевырев пытается осмыслить роль России в настоящем и будущем, а позиция возвания из древнего города позволяет ему сделать это. Поэт воспевает многообразие и богатство русского слова. Слово воспринимается поэтом как неоднозначная сила, которая способна внести достойный вклад в сокровищницу мирового культурного наследия. Восхищение Россией, русским словом соотносится у романтика с чтением псалмов: «Какой тогда хвалой гремлю я богу...».

В этой связи сам Пушкин является воплощением всей гениальности, духовности русского национального характера. Поэт раскрывает образ пушкинского гения через его близость к великому и могучему русскому языку, а также к народу. В контекст послания Шевырев вводит образ колокола и органа, которые акцентируют значимость образа Пушкина не только для России, но и для мировой культуры: «Что сердце жмет и будит вздох заочный». Кроме того, колокол подчеркивает духовное родство русской и европейской культур.

Прославление русской национальной культуры в тексте послания метафорически соотносится с образом былинного богатыря Ильи Муромца и его силой. Далее автор прослеживает развитие

русского слова, начиная с М. Ломоносова и заканчивая В. А. Жуковским.

В финале произведения Шевырев вновь обращается к своему лирическому адресату — Пушкину, так как именно с ним он и другие Любомудры связывали свои надежды на обновление русской поэзии, сохранение ее самобытности и философичности. В этом заключена главная линия эстетической концепции поэта. Так, он считал, что путь к обновленной поэзии невозможен без обновления русского поэтического слова, которое должно вобрать в себя все имеющиеся ресурсы национального языка, что должно придать всем произведениям истинную глубину. Это стремление, по мнению В. В. Кожина, было вполне оправданно, так как Шевырев, как и другие представители философского романтизма, стремился «не к архаизации как таковой, а к “расширению” и “усилению” языка» [5. С. 120].

Следующее произведение Шевырева, адресованное Пушкину («Вменяешь в грех ты мне мой темный стих...»), по своему жанровому составу представляет эпиграмму, которая продолжает заявленную в первом послании полемику с гением. В тексте произведения раскрывается один из моментов литературных баталий, в которых выявляются два диаметрально противоположных эстетических взгляда. Сама эпиграмма создана в виде личного диалога, что в полной мере отражает романтические послания того времени. Поэтический язык у Шевырева построен на основе антитез и метафор: «нищего ручья», «на реке Десне».

Эпиграмму можно разделить на две части, начало которых строится с глагола «вменяешь». Таким образом, введенный в повествование глагол помогает автору отстоять свою сложившуюся эстетическую и поэтическую позицию. Экспрессию в эпиграмме подчеркивает поэтический синтаксис. Романтик использует восклицания, анафоры, риторические вопросы — все это оттеняет и усиливает развитие авторской мысли и способствует поэтическому диалогу с признанным гением:

Вот чистая водица ключевая.
Вот Алеатико бурда густая!
Что ж? — выбирай, возьми любой стакан:
Ты за воду... Зато не будешь пьян [2. С. 177].

В заключительной части лирического текста возникает образ тосканского вина (Алеатико). Для русской романтической традиции мотив вина (так же как и образ чаши или кубка) являет-

ся ключевым, так как он использовался для создания образов дружеского круга, сладострастной любви и поэтического творчества. Подобное мы встречаем у Пушкина в его романе «Евгений Онегин». На наш взгляд, введенный в повествование образ «Алеатико», с одной стороны, помогает автору в создании литературной пародии, а с другой, дает возможность использовать иронию как художественный прием. А вот образ «чистой водицы ключевой» характеризует гармоничную, ясную поэзию, которой обладает Пушкин, но лишенную философской глубины, за которую так ратовали любомудры. Для Шевырева как истинного представителя русского философского романтизма именно содержательная наполняемость стиха имеет главное значение, а не его художественная огранка.

В творческом наследии Д. Веневитинова также есть произведения, которые обращены к «Гению», «возвышенному певцу». Примером этого является послание «К Пушкину» (1826). Стихотворение построено в форме дружеского обращения к Пушкину и представляет собой художественный анализ поэтического роста поэта. Веневитинов пытается проследить дальнейшее развитие его творчества в философском аспекте.

У любомудров к Пушкину было особое отношение, они видели в нем своего предшественника-учителя, идейного вдохновителя. Сам Пушкин о некоторых их произведениях отзывался достаточно высоко (С. П. Шевырев «Я есмь» 1825). Александр Сергеевич, будучи значимой фигурой для эпохи XIX столетия, был открыт различным передовым взглядам и веяниям, и отчасти поэтому любомудры стремились донести до него свои философские и эстетические воззрения на приросту творческого познания.

Художественное произведение у романтика становится средством высказывания его литературных позиций. Образ поэта в лирическом тексте подчеркивают образы: «возвышенный певец», «пророк свободы», «венец», «лебедь». Использование подобных аллегорических фигур является традиционным для русской классической поэзии XIX в.

В зачине послания акцентируется внимание на пророческом даре гения, его отзывчивости, говорится о синтетическом характере его творчества, в котором «восторг святой» соединяется с раздумьем. Себя в этом контексте Веневитинов называет «младой музой». Как и все лирические тек-

сты любомудров, послание наполнено старославянской лексикой: «глас», «песнопение», «младую». Они, по мнению поэтов, должны были создать особую высокую поэтическую тональность произведений.

В текст включены реминисценции, связанные с творческой судьбой Байрона. Включение в повествование английского романтика позволяет автору провести аналогию с судьбой Пушкина:

Тоской измученный поэт,
Покинул мир осиротелый,
Оставя славы жаркий свет [2. С. 51].

Образы двух великих поэтов у Веневитинова объединены одной темой — темой изгнания. Доминантой послания выступает образ Камен, которые соотнесены с идеалом, искусством, прекрасным и вечным:

Но ты еще не доплатил
Каменам долга вдохновенья [2. С. 51].

В римской мифологической картине мира Каменами являлись нимфы ручья и других небольших водоемов, они обладали даром пророчества, знали все о прошлом и будущем. В более поздний период их стали отождествлять с Музами [10]. В поэтическом наследии русских романтиков встречается отождествление этих мифологических существ с судьбой: «Кладет рука камен, столь поздно справедливых!» (В. К. Кюхельбекер «Участь поэтов», 1823). В лирике Шевырева Камены отождествляются с охранительной силой любви («Торжество любви»).

У Веневитинова этот образ оттеняет трагическую судьбу гения с его индивидуальной исключительностью и предназначением искусства в целом. В послании возникает образ Гете. Фигура немецкого поэта введена в повествование автором для того, чтобы подчеркнуть его близость к эстетической позиции любомудров, это подчеркивает образный ряд стихотворения: «он наш», «наставник наш». С образом писателя в тексте произведения также соотнесены идеи жизненной мудрости, универсальности бытия, тождества духовной жизни. Для Веневитинова немецкий поэт выступает как наставник, идеал духовный, который в своем творчестве отразил полноценный мир чувств, мечтаний, дум и достиг душевного универсума.

В финальных строках послания Веневитинов высказывает идею преображения душевной основы художника, освобождение ее от бренности земного мира. Образ лебедя в контексте помогает автору подвести итог его размышлениям об

универсальной форме поэтического творчества, которая выражена в культурном наследии Гете, а приемниками ее становятся он — молодой поэт-романтик и Пушкин.

Таким образом, в лирике Любомудров поэт является собой целый универсум, а значение поэти-

ческого творчества, как и искусства в целом, направлено на постижение человека, мира с позиции вневременных и абсолютных смыслов. Поэт выступает выразителем духовной свободы, которая аллегорически противопоставляется ограниченности земного бытия.

Список литературы

1. Абрамов, А. И. Шевырев / А. И. Абрамов // История эстетической мысли : в 6 т. — М., 1986. — Т. 3. — С. 378–384.
2. Веневитинов, Д. В. Стихотворения / Д. В. Веневитинов, С. П. Шевырев, А. С. Хомяков. — Л., 1937. — 318 с.
3. Веселовский, А. Западное влияние в новой русской литературе: историко-сравнительные очерки / А. Веселовский. — М., 1896. — 256 с.
4. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — М.; Л., 1974. — 407 с.
5. Кожин, В. В. О тютчевской плеяде поэтов / В. В. Кожин // Поэты тютчевской плеяды. — М., 1999. — С. 5–24.
6. Никулина, В. В. Проблема этико-эстетического идеала в лирике Д. В. Веневитинова : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Никулина. — Томск, 2003. — 190 с.
7. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. — М., 1995. — 624 с.
8. Фёдорова, О. А. Эстетическое и поэтическое своеобразие философской лирики С. П. Шевырева : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Фёдорова. — Абакан, 2010. — 177 с.
9. Шеллинг, Ф. В. И. Сочинения в двух томах / Ф. В. И. Шеллинг. — М., 1989. — 636 с.
10. Штаерман, Е. М. Камени / Е. М. Штаерман // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — М., 1991. — Т. 1. — 619 с.

Сведения об авторе

Фёдорова Оксана Александровна — кандидат филологических наук, филиал ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» в г. Таре, Тара, Россия. oksanf979@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). *Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 85–90.*

REPRESENTATION OF THE DESTINY OF THE ARTIST AND POETRY IN THE CREATIVE HERITAGE OF PHILOSOPHERS

O. A. Fedorova

Omsk State Pedagogical University, Branch in Tara, Tara, Russia. oksanf979@mail.ru

One of the key dominants of Russian philosophical romanticism is revealed, connected with the idea of a poet, poetry and their destiny. The images of the artist, the poet-prophet are examined on the lyrical material of D. V. Venevitinov and S. P. Shevyrev. The presented analysis makes it possible to comprehend the main problems of aesthetics and the poetics of the creativity of the philosophers.

Keywords: *Russian philosophical romanticism, aesthetics, philosophers, artistic creativity.*

References

1. Abramov A.I., Shevyryov A.I. *Istoriya ehsteticheskoy mysli* [History of aesthetic thought]. Moscow, 1986. Pp. 378–384. (In Russ.).
2. Venevitov D, Shevyryov S, Homyakov A. *Stihotvoreniya* [Poetry]. St. Petersburg, 1937. 318 p. (In Russ.).
3. Veselovskij A. *Zapadnoe vliyanie v novoj russkoj literature Istoriko-sravnitelnye ocherki* [Western influence in the new Russian literature: Historical and comparative essays]. Moscow, 1896. 256 p. (In Russ.).

4. Ginzburg L.Ya. *O lirike* [About the lyrics]. Moscow; Leningrad, 1974. 407 p. (In Russ.).
5. Kozhinov V.V. O tyutchevskoj pleyade poetov [On the Tyutchev Pleiad of Poets]. *Poehy tyutchevskoj pleyady* [Poets of Tyutchev Pleiades]. Moscow, 1999. Pp. 5–24. (In Russ.).
6. Nikulina V.V. *Problema ehiko-ehsteticheskogo ideala v lirike D.V. Venevitinova* [The problem of the ethical-aesthetic ideal in the lyrics of D.V. Venevitinov]. Tomsk, 2003. (In Russ.).
7. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoehticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites]. Moscow, 1995. (In Russ.).
8. Fyodorova O.A. *Esteticheskoe i poehticheskoe svoebrazie filosofskoj liriki S.P. Shevyreva* [Aesthetic and poetic originality of philosophical lyrics S.P. Shevyrev]. Abakan, 2010. (In Russ.).
9. Shelling F.V. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, 1989. (In Russ.).
10. Shtaerman E.M. Kameny [Kamens]. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moscow, 1991. P. 619. (In Russ.).

УДК 811.11
ББК 81. 411.2

ОБ ОПЫТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ КОМПЛЕКСНО-ВИДОВЫХ НАБОРОВ МЕТОДОВ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. Г. Хохловская, К. А. Гандау

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Данная статья посвящена реализации комплексно-видовых наборов методов в лингвоэкспертной практике при производстве экспертных заключений, связанных с делами о побуждении к экстремистской деятельности. В статье описан алгоритм функциональной верификации методов исследования текста и отражена апробация видовых комплексов на примере конкретного вида экспертизы.

Ключевые слова: *комплексно-видовой набор, метод, лингвоэкспертология, экстремистская деятельность.*

В настоящей статье осуществляется демонстрация применения разработанных нами для решения исследовательских задач в рамках экспертной деятельности комплексно-видовых наборов. Целью данного эксперимента является задача проверки функциональности предлагаемых нами комплексов эмпирическим путем.

Алгоритм функциональной верификации комплексно-видовых наборов, на наш взгляд, должен состоять из следующих шагов:

- 1) подбирается текст, обладающий признаками потенциального правового конфликта;
- 2) относительно характера потенциального правового конфликта формулируются предполагаемые экспертные задачи, выраженные в форме вопросов к эксперту;
- 3) на основе сформулированных вопросов реализуется лингвистическое исследование выбранного текста, сопровождающееся методологическим комментарием.

Для осуществления апробации предлагаемых видовых комплексов выбраны материалы интернет страниц в социальной сети «ВКонтакте». В частности, для исследования выбрано:

1. Изображение в электронном виде индивидуальной интернет-страницы пользователя А. С. в социальной сети «ВКонтакте» (44 файла);
2. Изображение в электронном виде индивидуальной интернет-страницы пользователя С. М. в социальной сети «ВКонтакте» (48 файлов) [13].

Вопрос, который может быть поставлен перед экспертом, звучит следующим образом: «Содержат ли представленные материалы выраженное различными средствами побуждение к осуществлению экстремистской деятельности?»

Объектами исследования в данном случае являются креолизованные тексты, представляющие собой «сложные семиотические образования, построенные на основе, с одной стороны, знаковой системы естественного человеческого языка и, с другой, стороны, любой другой знаковой системы (рисунков, фотографий, музыки и так далее)» [7. С. 122]: скриншоты со страниц А. С. и С. М., изображения, содержащие машинописный текст с фотографиями.

Файлы, обращение к которым продиктовано задачей конкретного экспертного исследования, имеют электронный вид. В качестве иллюстрации будет проанализирована лишь часть записей и картинок, которые наиболее полно и ярко отражают суть проблемы.

Первичный осмотр объектов, представленных на экспертизу, позволяет сделать выводы, которые были сформулированы с учетом использования лексико-семантического метода, о возможности производства лингвистической экспертизы. Во-первых, все объекты относятся к речевой деятельности человека. Во-вторых, все объекты по своему содержанию относятся к коммуникативной деятельности (фрагменты страниц социальной сети «ВКонтакте»). В ходе первичного осмотра объектов с использованием общенаучных методов было замечено, что многие из представленных записей А. С. и С. М. со страниц разнообразных сообществ «ВКонтакте» имеют в своем наличии операцию «репост».

С целью объективной оценки ситуации следует анализировать вопрос, поставленный на рассмотрение эксперта, с разных сторон, так как материал для экспертизы включает и материал

со страниц А. С. и С. М., и записи в группах «ВКонтакте», имеющие опосредованное отношение к указанным лицам. Наша логика «преобразования» вопроса продиктована стремлением разграничить материалы, размещенные администраторами групп на публичных страницах социальной сети, и записи с репостами и фотографиями на виртуальных страницах указанных лиц.

1. Содержат ли записи, размещенные на страницах «ВКонтакте» А. С. и С. М., выраженное различными средствами побуждение к осуществлению экстремистской деятельности?

а) записи А. С., размещенные на странице «ВКонтакте»;

б) записи С. М., размещенные на странице «ВКонтакте».

2. Содержат ли материалы, размещенные в сообществах «ВКонтакте» «Железный крест», «Тысячелетний рейх» и [NSidea], выраженное различными средствами побуждение к осуществлению экстремистской деятельности?

Для ответа на первый вопрос целесообразно обращение к лексико-семантическому методу [1] и подбор материалов, которые могут свидетельствовать о побуждении к осуществлению экстремистской деятельности, соответственно, стать основанием для возбуждения уголовного дела. Ориентируясь на комментарий к статье 282 «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) [12] обозначим, что входит в определение «экстремистская деятельность»:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении [2].

Так как представленные материалы выложены в Интернете, который является объектом общественной коммуникации, можно утверждать, что они имеют статус публично размещенных. Подтверждением тому может являться демонстрация некоторых записей спорного содержания на личных страницах указанных лиц в социальной сети «ВКонтакте» с подписями, адресованными широкой аудитории («Доброй ночи, мои дорогие камарден и партайгеноссен»), что свидетельствует о массовом характере адресата.

Анализ личной страницы А. С. На личной странице А. С. в разделе «Любимые цитаты» содержится запись следующего содержания: «Россию спасет только массовые расстрелы и ковровое бомбометание» (рис. 1).

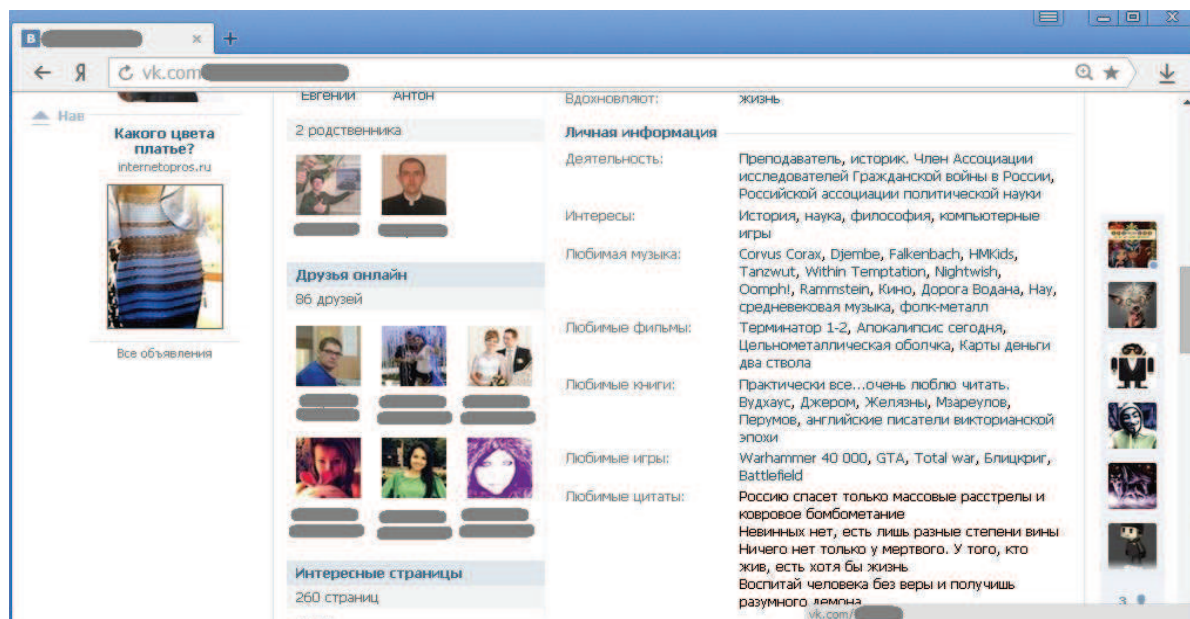

Рис. 1

Данное выражение обозначает точку зрения автора на политический/экономический строй государства. А. С. говорит о насильственном изменении основ конституционного строя, вооруженном конфликте и нарушении целостности Российской Федерации. Его выражение можно квалифицировать как желание оказать воздействие на пользователей сети «ВКонтакте», несмотря на имплицитный характер выражения, отсутствие императивов (глаголов в повелительном наклонении) и обращений к конкретному адресату. Использование в данном случае метода интерпретации и грамматического метода [14] позволяет анализировать как содержательную, так и формальную сторону высказывания.

Пользуясь коммуникативным методом, который позволяет проанализировать ситуацию, способ воздействия на потенциальную аудиторию, а также обращаясь к опыту психологов и прибегая к их специфическим методам исследования при анализе возможной реакции на подобные заявления, можно выявить коммуникативную цель говорящего. Суть представленной цитаты сводится к призыву насильственно изменить существующий политический строй, требует обращения к трансформационному методу и может быть выражена речевой формулой «если — то»: «Если ты хочешь спасти Россию, то прими участие в массовых расстрелах и ковровом бомбометании». Данный силлогизм связан с апелляцией А. С. к ложному патриотизму: желание воздействовать на общество и призывать его к массовым насиль-

ственным действиям, за которыми стоит «благородная» цель — спасение страны, связано с реализацией акта призыва [3], сущность которого раскрывается при анализе текста с использованием данных теории речевых актов [9]. Анализируемое высказывание в данном случае может быть признано призывом, так как «отвечает следующим критериям: 1) обсуждаемые действия являются частью общественно-значимой деятельности; 2) коммуниканты — политические субъекты или их представители (сторонники националистического движения); 3) сам РА — часть общественно-политической коммуникации» [3. С. 143].

Обращение к теории речевых актов также обусловлено особенностями осуществляемой коммуникации: побуждение к действиям реализуется в форме косвенного речевого акта, а именно, цитирования. Для автора страницы это является не только средством убеждения, но и эмоционального воздействия.

При анализе материалов также уместно обращение к данным психолингвистики, которые «позволяют выявлять коммуникативные намерения адресанта и коммуникативный отклик (со стороны реципиента)», а «речевая деятельность участников коммуникации, включающая потребность, мотив, замысел и установку, предполагает в первую очередь целенаправленное воздействие на аудиторию» [5].

Исследуемые материалы содержат и изображения, напрямую связанные с подписями и авторскими заметками к ним, соответственно, пред-

ставляют собой креолизованные тексты. Так, на странице А. С. размещена картинка, на которой изображено кольцо с высеченным символом фашизма — свастикой, и личный комментарий данного пользователя: «Ой, какая прелесть! А, главное, продается...».

Данные материалы могут свидетельствовать о пропаганде, публичном демонстрировании и распространении нацистской символики. Несмотря на то, что данное изображение является одним из древнейших символов человечества, население Европы и США связывает его прежде всего с Третьим Рейхом и идеологией нацизма. Коммуникативное намерение и цель пользователя в данном случае можно проанализировать с опорой на контекстологический метод [4]: совокупность экспертируемых материалов позволяет говорить об употреблении свастики и распространении материалов экстремистского содержания. В данном случае было бы оправдано обращение к историкам, искусствоведам и религиоведам, которые могут дать обстоятельный и грамотный комментарий, применяя специфические для своей науки методы, и производство комплексной экспертизы стало бы закономерным этапом в создании текста заключения.

Аудиозаписи, которые А. С. размещает от своего имени на виртуальной странице С. М., с провокативными названиями «Вы хотите тотальной войны?», изображения реальных исторических лиц, чья деятельность связывается с идеологией фашизма (Гитлер), персонажей мультипликационных фильмов и аниме, облаченных в форму СС, надписи на немецком языке, призывающие к не-

однозначным действиям по отношению к «врагам», и так далее, — те факторы, которые способствуют выявлению призывов.

При анализе информации со страницы пользователя уместно обращение к методу контент-анализа [4], с помощью которого возможно определить частотность размещения провокационных материалов, по ключевым словам и символам. Данный метод позволит определить степень заинтересованности А. С. в распространении экстремистских материалов. Записи, связанные с распространением фашистской символики, встречаются на его виртуальной странице неоднократно: пользователь периодически делает репосты, где призывает приобрести «уникальный» товар. Из 24 файлов, представленных на экспертизу и связанных с демонстрацией ценностных ориентиров конкретного пользователя, целых пять содержат репосты с объявлением о продаже символов фашизма (рис. 2).

Анализ личной страницы С. М. Анализируя информацию со страницы С. М., следует обратить внимание на никнейм (с англ. «кличка», «прозвище») — «Хунхуз» (банды налетчиков в Китае) [11]. Лексико-семантический метод [1] в данном случае позволяет расширить представление о специфическом историческом явлении. В широком смысле хунхуз — любой преступник, промышленный разбой. Соответственно, данный пользователь позиционирует себя как человека, способного совершить неправомерное деяние, в том числе оказать разрушительное воздействие на окружающих, применяя насильственные методы.

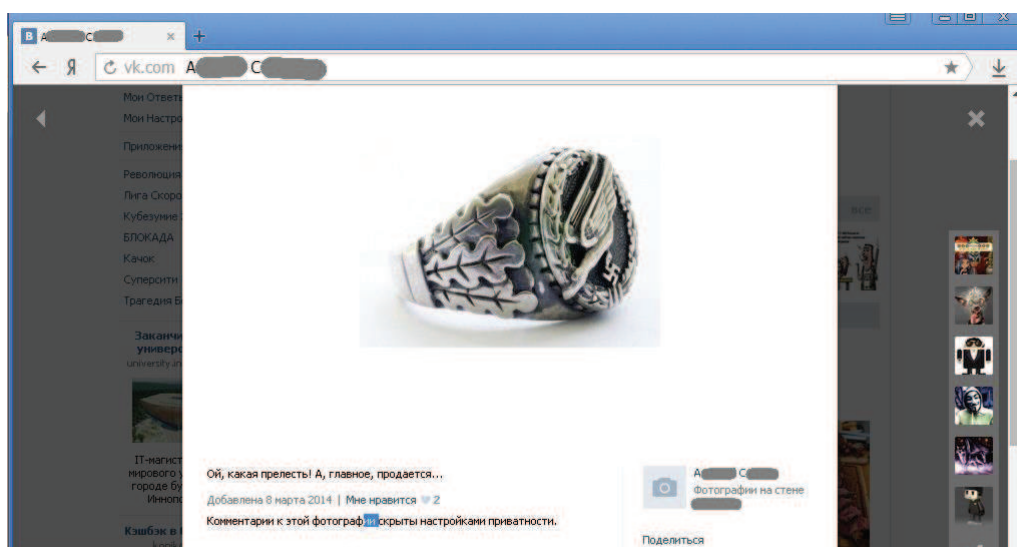

Рис. 2

Помимо никнейма на личной странице С. М. фигурирует видеофайл «Deutsche Wermacht Holle marsch» с записью марша солдат гитлеровской Германии, а также репосты со страниц групп, которые направлены на восхваление национал-социалистического движения: репосты пользователя со страниц группы «Тысячелетний рейх» с комментарием пользователя «Тысячелетний рейх. Доброе утро» позволяют расценивать поведение указанного лица как противоречащее нормам и законам государства, в котором он живет: одобрение деятельности националистического движения связано с использованием известного клише «доброе утро!», которое имеет положительную коннотацию. В разделе «любимые книги» данный пользователь указывает запрещенное произведение «Mein Kampf», что свидетельствует о личностных ориентирах С. М. и является ценностным фактором в его менталитете. Интерпретационный метод, используемый при анализе личной страницы пользователя, позволяет сделать определенные выводы относительно призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Если позиция и политические предпочтения С. М. преподносятся как факт в разделе «любимые книги», «политические предпочтения» и так далее, то размещение репостов и видеозаписей (косвенный речевой акт), в которых усматриваются призывы к уничтожению противников национал-социалистов, свидетельствуют о распространении информации экстремистского содержания.

На личной странице С. М. содержится несколько операций «репост» с сообществ, имеющих отношение к пропаганде национализма / фашизма. Наиболее частотными в информационной ленте пользователя оказываются сообщения о возможности заказа и изготовления фашистской симво-

лики (кольца с изображением штурмового знака, бюст Гитлера, флаги с соответствующей символикой), что попадает под пункт кодекса «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики».

Таким образом, среди материалов со страницы пользователей А. С. и С. М. выделяются записи, свидетельствующие о распространении призывов к осуществлению экстремистской деятельности.

Для ответа на второй вопрос представим классификацию записей из «спорных» групп.

Записи на страницах групп (посты), в которых может содержаться информация, имеющая отношение к экстремизму, может быть подразделена на несколько видов. С помощью метода контент-анализа нами установлено процентное соотношение представленных материалов относительно различных форм подачи информации в интернете. Результат см. в таблице.

Таким образом, в вышеуказанных группах «ВКонтакте» присутствуют записи разного содержания, преследующие вполне определенную цель — убедить целевую аудиторию (в данном случае подписчиков групп) в том, что национал-социалистическое движение, фашизм могут стать «идеологией будущего». Большой процент записей, на наш взгляд, содержит вербальные и вербально-невербальные комплексы, в которых авторами утверждается национальная, религиозная и расовая исключительность.

Материалы, в которых может содержаться побуждение к экстремистской деятельности, представлены в качестве изображений, снабженных письменным текстом.

Информационный ресурс (группа «ВКонтакте») [NSidea] содержит картинку с изображением космического пространства и комментарием «С каждым лайком умирает хач».

Критерий (основание)	Железный крест		[NS idea]	
	Количество файлов	%	Количество файлов	%
Продажа и распространение сувенирной продукции с изображением фашистских символов	7	21,8	4	8,8
Фактический материал, фотографии, описание исторических событий (цитаты из книг)	14	43,7	21	46,6
Распространение картинок и демотиваторов, направленных на дискредитацию строя, не имеющего отношения к национал-социализму; утверждение национальной, религиозной и расовой исключительности	11	34,3	25	55,5
Всего файлов	32	100	45	100

В данном случае уместно произвести лексико-семантический анализ, обратившись к научным источникам с целью толкования слова «хач», а также использовать интерпретационный метод [1] при анализе целеустановки создателей изображения с учетом вербальной и невербальной составляющей. Наиболее популярное в последнее время изображение космоса связывается с экспликацией следующего смысла: «космическое» — то, что вызывает восхищение, высшая форма переживания какой-либо эмоции (*Ты просто космос* — по отношению к человеку). В данном случае очевидно обращение к методу анализа пресуппозиций [3], который позволяет выявить общий компонент знаний для говорящего и слушающего: автор текста рассчитывает на то, что аудитория уже имеет представление о характере изображения. Слово «хач» имеет в русском языке отрицательную коннотацию; в толковом словаре ненормативной лексики русского языка пометается как «жаргонное» и обозначает жителя Армении («*Хачи как поднялись и вломили ему по полной программе*») [8. С. 676]. «Хач» относится, по Жельвису, к одному из разрядов инвективной лексики и квалифицируется как «ксенофобская кличка» [6. С. 236], поэтому употребление данного слова свидетельствует о разжигании межнациональной розни.

При обращении к лингвостилистическому анализу, который позволяет выявить единицы языка, передающие различные коннотации в процессе их реализации в конкретном тексте, становится понятна установка автора. Анализируемый текст на фоне изображения космоса приобретает оче-

видный смысл: те, кто поставил лайк, «космически совершенны», так как одобряют смерть «хачей». Выраженное имплицитно намерение администраторов группы, призывающих «поставить лайк», а значит, согласиться с мнением о том, что «хачи» достойны смерти, фактически становится призывом.

Соответственно, данное выражение, размещенное в группе сайта «ВКонтакте» в неразрывной связи с фоном, на котором написан текст, можно квалифицировать как побуждение к осуществлению экстремистской деятельности.

Подобная задача администраторов группы [NSidea] реализуется и в тексте «С нацистов по лайку», снабженном картинкой фашистского символа — свастики.

Данная запись представляет собой призыв реципиентов к выбору идеологий. Данное изображение содержит следующую интенцию: приверженцы нацизма подтверждают свою политическую позицию, нажав соответствующую кнопку на клавиатуре. Призыв, который определяется здесь в первую очередь с помощью отсылки к теории речевых актов, «направлен на процедуру идеологической самоидентификации путем визуализации идеи через оперирование символикой».

Интенция одобрения национал-социалистического движения содержится также в следующей записи, опубликованной в Интернет-сообществе «Железный крест»: «KEEP CALM AND JOIN THE WEHRMACHT» (рис. 3).

Использование метода компонентного анализа связано с необходимостью перевода текста на

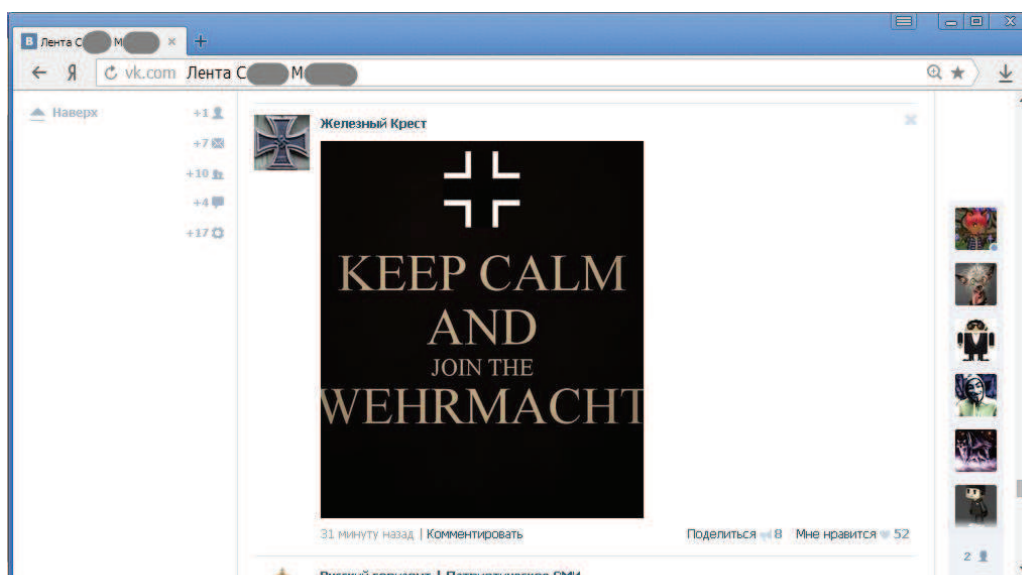

Рис. 3

русский язык. Подстрочный перевод выглядит следующим образом:

Keep (англ.) — сохранять, поддерживать, вести, обеспечивать;

Calm (англ.) — спокойный, тихий, мирный;

And (англ.) — и;

Join (англ.) — присоединяться, присоединиться, приобщить;

The (англ.) [средство связи слов в предложении, перевода не имеет];

Wehrmacht — вооруженные силы; Wehr — «оружие, оборона, сопротивление», Macht — «сила, мощь, власть, влияние, войско») [9].

С точки зрения грамматики английского языка фраза переводится так: «Сохраняй спокойствие и присоединяйся к Вермахту». Грамматический метод важен в определении характера высказывания: текст является побудительным, так как «утвердительная форма побудительного наклонения совпадает по форме с инфинитивом (без частицы to)». Данная фраза является призывом, так как в русскоязычном варианте она строится в императивной форме: «Сохраняй спокойствие, вступай». Усиливает значение призыва графическое написание фразы: все буквы заглавные, что подтверждает неоспоримую важность содержания анализируемого текста для его создателей.

Данный эпизод, на наш взгляд, является публичным призывом к осуществлению экстремистской деятельности, поскольку «Вермахт» (вооруженные силы нацисткой Германии в 1935–1945 гг.) создает оппозицию по отношению к Советскому Союзу и действующему политическому режиму и провозглашает агрессию, о чем свидетельствует использование лексико-семантического метода: сама семантика слова Wehrmacht «включает в себя элементы агрессии: оружие, сопротивление, сила, влияние, войско» [9. С. 612].

В исследуемых материалах группы [NSidea] также присутствует изображение человека в форме солдата СС (элитные войска нацисткой Германии, которые участвовали в военных действиях и осуществляли геноцид).

Сопровождается иллюстрация текстом: «Зачем любить? Зачем страдать? Вступай в СС — пойдем стрелять».

Анализ высказывания с опорой на известный Интернет-мем, строящийся по похожей схеме («Зачем любить? Зачем страдать? Пойду поем и лягу спать», «Зачем любить? Зачем страдать? Берем коту — идем играть») и так далее), требует применения грамматического метода, который имеет в данном случае принципиальное значение: построение текста в рамках предложенной формы делает его узнаваемым — аудитория информационного ресурса (подписчики указанного Интернет-сообщества), апеллируя к своему «читательскому опыту», воспринимает новые смыслы, который вкладывает автор в свой демотиватор. Определяющим оказывается наличие в тексте императивов («вступай»). Анализ использования форм изъявительного наклонения для выражения значения побудительного (функционально-семантическая категория модальности, по Бондарко) позволяет убедиться в безусловной важности грамматического метода: глагол, употребленный в форме множественного числа, — «пойдем» — в данном контексте расценивается как призыв к агрессивному поведению, осуществлению неправомерных действий экстремистской направленности.

Таким образом, ответ на первоначальный вопрос о том, содержат ли представленные материалы выраженное различными средствами побуждение к осуществлению экстремистской деятельности, положительный.

В заключение следует отметить, что эмпирическая верификация предлагаемых методических комплексов показала основополагающую роль следующих методов: лексико-семантического метода, метода компонентного анализа, грамматического, лингвостилистического методов, а также метода контент-анализа. Выбор каждого метода осуществлен с опорой на специфику материала — вербальных и вербально-невербальных комплексов — и характер экспертных вопросов.

Список литературы

1. Базылев, В. Н. Общее языкознание : учеб. пособие / В. Н. Базылев. — М., 2007. — 285 с.
2. Баранов, А. Н. Лингвистический анализ текста / А. Н. Баранов. — С. 412–421.
3. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. — М., 2007. — 592 с.
4. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. — М., 2009. — 520 с.

5. Глухов, В. П. Основы психолингвистики : учеб. пособие для студентов педвузов / В. П. Глухов. — М., 2005.
6. Жельвис, В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. — М., 2001.
7. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. — М., 2011.
8. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб., 2001. — 717 с.
9. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер, С. К. Боянус. — М., 2007.
10. Серль, Дж. Теория речевых актов / Дж. Серль. — М., 1998.
11. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Ушакова — М., 2007. — 752 с.
12. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями).
13. Хохловская, О. Г. Анализ текста экспертного заключения, связанного с проблемой выявления призывов к осуществлению экстремистской деятельности / О. Г. Хохловская. — Челябинск, 2016.
14. Хроленко, А. Т. Теория языка : учеб. пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов. — М., 2004.

Сведения об авторах

Хохловская Ольга Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. khokh-olga@yandex.ru

Гандау Кристина Александровна — преподаватель кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. kristina_gandau@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 91—99.

ON THE EXPERIENCE OF EXPERIMENTAL INSPECTION OF THE FUNCTIONALITY OF COMPLEX-SPECIES SETS OF EXPERT ACTIVITY METHODS

O. G. Hohlovskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. khokh-olga@yandex.ru

K. A. Gandau

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kristina_gandau@mail.ru

This article is devoted to the implementation of complex-specific sets of methods in linguistic practice in the production of expert opinions related to cases of incitement to extremist activity. The algorithm of functional verification of methods of text research is developed in the article and approbation of species complexes is carried out on the example of a specific type of examination.

Keywords: *complex-species set, method, forensic linguistics, extremist activity.*

References

1. Bazylev V.N. *Obshchee yazykoznanie* [General linguistics]. Moscow, 2007. 285 p. (In Russ.).
2. Baranov A.N. *Lingvisticheskij analiz teksta* [Linguistic analysis of the text]. Moscow, 2007. Pp. 412–421. (In Russ.).
3. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ehkspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of the text: theory and practice]. Moscow, 2007. 592 p. (In Russ.).
4. Bolotnova N. S. *Filologicheskij analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, 2009. 520 p. (In Russ.).
5. Gluhov V.P. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, 2005. (In Russ.).
6. Zhel'vis V.I. *Pole brani: Skvernoslovie kak social'naya problema v yazykah i kul'turakh mira* [Stricken field: Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow, 2001. (In Russ.).

7. Leontovich O.A. *Metody kommunikativnyh issledovanij* [Methods of communicative research]. Moscow, 2011. (In Russ.).
8. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [A large dictionary of Russian jargon]. St. Petersburg, 2001. 717 p. (In Russ.).
9. Myuller V.K. *Anglo-russkij slovar'* [English-Russian dictionary]. Moscow, 2007. (In Russ.).
10. Serl Dzh. *Teoriya rechevyh aktov* [The theory of speech acts]. Moscow, 1998. (In Russ.).
11. Ushakov D. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : v 4 t.* [Dictionary of Russian language in 4 vol.]. Moscow, 2007. 752 p. (In Russ.).
12. *Federal'nyj zakon ot 25 iyulya 2002 g. №114-FZ «O protivodejstvii ehkstremistskoj deyatel'nosti» (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 "On Counteracting Extremist Activity" (as amended and supplemented)]. Moscow, 2016. (In Russ.).
13. Hohlovskaya O.G. *Analiz teksta ehkspertnogo zaklyucheniya, svyazannogo s problemoj vyyavleniya pri-zyvov k osushchestvleniyu ehkstremistskoj deyatel'nosti* [Analysis of the text of the expert opinion related to the identification of calls for the implementation of extremist activities]. Chelyabinsk, 2016. (In Russ.).
14. Hrolenko A.T., Bondaletov V.D. *Teoriya yazyka* [Language theory]. Moscow, 2004. (In Russ.).

УДК 811.58
ББК 81.2Кит-4

К ВОПРОСУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДАТИРОВКИ СОЗДАНИЯ КАНОНИЧЕСКОЙ КНИГИ «ЭРЬЯ»

Т. Е. Шишмарева

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

В данной статье предпринимается попытка лингвистической датировки древнего китайского канона «Эрья». Анализируются точки зрения китайских исследователей о времени создания и авторстве словаря «Эрья», сопоставляются лингвистические данные, найденные в процессе диахронического перевода тезауруса с данными, существующими в исследовательской литературе. Проводится анализ лексики, письменных знаков, способов пояснения, порядка изложения материала «Эрья» и других древних книг.

Ключевые слова: лингвистическая датировка, канон, комментарий, сюньгусюэ, идеографический словарь, идеографические письменные знаки.

Многие специалисты в области исследования древнекитайского языка (В. С. Колоколов, Ван Говэй, Ван Нин, Хуан Кань, Хао Исин, Чжоу Цзумо, Дуань Юйцай, Шао Цзиньхань и др.) считают «Эрья» необходимой «ступенькой» при исследовании других классических книг и называют его «Симметрией в изяществе понятий», «Родоначальником словарей», «Образцом древних понятий». В современной китайской исследовательской литературе содержатся различные пояснения названия данного канона. Пояснения к «Беседам и суждениям» (论语·述而): «子所雅言: 诗、书、执礼, 皆雅言也». Конфуций говорил: «Книга песен» и «Книга истории» — образцы правильного/этикетного языка. Кун Аньго (孔安国), ученый, эпоха Западная Хань (西汉), уточнял: «雅言, 正言也», поясняя тем самым знак 雅 через 正, где 正 понимается как истинный/нормативный/правильный. Комментатор Лю Си (刘熙), Восточная Хань (东汉), в примечаниях к книге «Ши мин» (释) пишет: «爾雅»: 爾, 近也。雅, 义也; 义, 正也。Что можно трактовать как: «爾 значит близкий, 雅 значит правильный, правильный значит истинный». Цинский ученый Ван Нянсунь (王念孙) в своих комментариях к «Гуан я» отмечал: «爾乎雅, 意即近乎正言». Знаки 爾 и 雅 разъясняются как «близкий к правильному/этикетному». Вероятно, название словаря можно перевести как «Подобный образцу» [4. С. 53].

С точки зрения китайской традиционной филологической науки сюньгусюэ (訓詁學), «Эрья» считается одним из 13 древних канонических книг (十三經): «Чжоу и» (周易), «Шан шу» (尚書), «Ши цзин» (詩經), «Чжоу ли» (周禮), «И ли» (儀

禮), «Ли цзи» (禮記), «Чунь Цю цзо чжуань» (春秋左傳), «Чунь Цю гун ян чжуань» (春秋公羊傳), «Чунь Цю гу лян чжуань» (春秋穀梁傳), «Лунь юй» (論語), «Сяо цзин» (孝經), «Эрья» (爾雅), «Мэн цзы» (孟子).

Среди тринадцатиканония «Эрья» — единственный словарь, в прочтении текста которого, по мнению многих исследователей, ключ к познанию всего, что окружает [3].

Уникальность того или иного культурного текста зависит от многих составляющих: прежде всего, языка, эпохи, личности автора, его замысла и так далее. И в таком контексте уместен, на наш взгляд, вопрос о времени создания и авторстве словаря.

До настоящего момента этот вопрос остается дискуссионным. В связи с этим попытаемся проанализировать существующие в современной исследовательской литературе основные версии, касающиеся данной проблемы, и представить свою позицию. Уже ко времени составления первого каталога императорской библиотеки Лю Сяном (刘向) не было данных об авторе «Эрья» (爾雅), в эпоху Восточная Хань придворный историограф Бань Гу (班固) также отмечает, что автор неизвестен. Мы не смогли обнаружить данные о распространении «Эрья» (爾雅), по крайней мере, до правления Хань Вэнь-ди. Принимая во внимание эти аспекты, полагаем необходимым рассмотреть примеры, широко представленные китайскими исследователями китайских канонических книг Цзоу Сюэцинем (奏学颀), Ху Цигуаном (胡奇光), Фан Хуаньхаем (方环海), Кан Ювэем (康有为), Мэй Ихуа (姜义华),

Чжан Жунхуа (张荣华), и примеры, найденные нами в процессе перевода «Эрья», т. е. попытаться провести так называемую «лингвистическую датировку» [2. С. 274].

И хотя мы разделяем точку зрения автора на то, что «попытки лингвистической датировки памятников неизбежно приводят к заколдованному кругу» [Там же], с другой стороны, лингвистические данные помогут хотя бы приоткрыть завесу и, возможно, при сопоставлении некоторых данных установить временной период написания «Эрья» (爾雅). Проблема анонимности большинства канонов, в том числе и «Эрья» (爾雅), на наш взгляд, вряд ли доступна для решения.

В исследовательской литературе существует пять основных версий о времени создания и авторстве словаря:

1. Первая версия приписывает авторство Чжоу Гуноу (周公), придворному историографу, эпоха Западного Чжоу (西周), 1066–771 гг. до н. э. Самые ранние упоминания об этом мы находим в книге «Гуан я» (广雅), период Троецарствия (三国), царство Вэй (魏), 220–265-е гг., автор Чжан И (张揖) [7].

2. Вторая версия приписывает авторство ученикам Конфуция, начало эпохи Воюющих царств (战国初), 475 г. до н. э. Этой версии придерживается Чжэн Сюань (郑玄) в книге «Бо уцзин ии» (驳五经异义), эпоха Восточная Хань (东汉), 138 г. [6].

3. Третья версия гласит, что словарь был создан в конце эпохи Воюющих царств (战国末), 221 г. до н. э. Версия изложена современным исследователем истории Китая Хэ Цзюином (何九盈) в книге «Чжунго гудай юйянь сюэши» (中国古代语言学史) [5].

4. Четвертая версия говорит, что словарь был создан в эпоху правления Западной Хань (西汉), 206 г. до н. э., неизвестными авторами. Эта версия историка Оу Янсю (欧阳修) эпохи Северной Сун (北宋), 960–1127 гг. Он считает, что «Эрья» (爾雅) был написан с целью толкования древнего канонического произведения «Ши цзин» (诗经) [6].

5. В пятой версии утверждается, что время создания словаря — период после правления Западной Хань (西汉), примерно 8 г. Этой версии

придерживается Чжоу Цзумо (周祖谟) в книге «Авторы и время создания книги “Эрья”» (尔雅之作者及其成书之年代) [7].

Все вышеперечисленные авторы в той или иной мере имеют очевидные предпосылки полагать, что их версия самая достоверная. Но в то же время ни одна из версий не может считаться полностью исчерпывающей. Рассмотрим более подробно каждую версию.

Пытаясь прояснить вопрос об авторстве и датировке «Эрья» (爾雅), Ху Цигуан (胡奇光) предпринял попытку сопоставительного анализа лексики, письменных знаков, способов пояснения, порядка изложения материала «Эрья» и древних книг: «Шу цзин» (尚书·禹贡); «Чжоу Ли» (周礼·职方氏); «Люйши чуньцю» (吕氏春秋); «Ши-цзы» (尸子) (сочинение позднего периода династии Восточной Чжоу) и др.

Приверженцы первой версии в качестве доказательств приводят примеры из словаря. В главе «Ши ди» 釋地 («Истолкование земель») речь идет о девяти царствах (九州). Действительно, в представлениях древних китайцев Китай, начиная с эпохи Чжоу, разделялся на 9 царств. Подтверждения этому мы находим в древних книгах: «Шан шу» (尚书) «Чжоу ли» (周礼) «Чунь Цю цзочжуань» (春秋左传). Теперь посмотрим на примеры, предложенные авторами эпохи Цин (清) Кан Ювэем (康有为), Мэй Ихуа (姜义华), Чжан Жунхуа (张荣华) в книге «Новые толкования апокрифов» (新学伪经考). Исследователи поместили в таблицу названия древних книг и «девяти областей» (九州), т. е. девять древних административных центров в соответствии с названиями, упомянутыми в этих источниках [6] (см. таблицу).

Традиция приписывает авторство «Чжоу ли» Чжоу-гуну, следовательно, если «Эрья» был написан в то время, то названия девяти государств должны быть ближе всего именно к этому источнику. Из приведенных примеров следует, что административное деление в «Эрья» ближе всего к «Люйши чуньцю» (吕氏春秋), а это конец эпохи Воюющих царств. Таким образом, нельзя точно утверждать, что «Эрья» был написан именно в эпоху Западного Чжоу.

«Шу цзин» (尚书·禹贡)	冀	兗	青	徐	揚	荊	豫	梁	雍		
«Чжоу ли» (周礼·职方氏)	√	√	√		√	√	√		√	幽	並
«Люйши чуньцю» (吕氏春秋)	√	√	√	√	√	√	√		√	√	
«Эрья ши ди» (爾雅·釋地)	√	√	營	√	√	√	√		√	√	

Автор второй версии указывает на наличие в словаре понятий, характерных для конфуцианской школы. «Эрья» действительно повествует о «шести искусствах» (六术). Особенно это касается главы «Эрья ши янь» (爾雅•釋言). На это указывает комментатор Хуан Кань, полагая, что именно в этом причина преимущественного количества пояснений способом «дань сюнь» и «ди сюнь».

«Эрья ши янь» (爾雅•釋言):

尹, 正也。皇, 匡, 正也。Исправлять / приводить в порядок: 尹 — чиновник/доверенное лицо государя; 皇 — вносить исправления (в законы); 匡 — приводить в порядок.

夏, 禮也。Ритуал: 夏 — этикет/правило.

裁, 節也。Умеренность: 裁 — сокращать/воздерживаться.

Но это отнюдь не может означать, что словарь был создан именно в этот период, а не раньше начала эпохи Воюющих царств.

Для подтверждения или опровержения третьей версии обратимся к некоторым фрагментам культурного памятника периода Воюющих царств «Ши-цзы» (尸子), примерно 390–330-е гг. до н. э., автор Ши Цзяо (尸佼), и сравним их с некоторыми фрагментами «Эрья».

При объяснении небесных знамений в обоих источниках выделяется три вида именовании добрых предзнаменований (祥): «признак гармонии небес» (玉烛), «признак благодатного ветра» (景风), «признак благодатного дождя» (醴泉).

Сравним способы пояснения «признака благодатного дождя»:

«Ши-цзы жэнь и» (尸子•仁意): 甘雨时降, 万物以嘉, 高者不少, 下者不多, 此之谓醴泉。Когда льется долгожданный (своевременный) дождь, все расцветает вокруг, если засуха, то дождь сильный, если засухи нет, то он небольшой, название такому дождю — благодатный дождь.

«Эрья ши тянь» (爾雅•釋天): 甘雨时降, 万物以嘉, 谓之醴泉.

Когда льется долгожданный дождь, все расцветает вокруг, говорят благодатный дождь — лицюань (醴泉).

При общем сходстве названий и общем смысле высказываний очевидна разница в стилях изложения. Пояснения «Эрья» лаконичнее, что характерно для языка более позднего времени.

«Ши-цзы гуан цзэ» (尸子•廣澤): 天、帝、皇、後、闢、公、弘、闊、宏、溥、介、純、夏、幠、塚、陔、畎、皆大也。十有餘名, 而實一也。Тянь, ди, хуан, хоу, пи, гун, хун, ко, хун, пу, цзе, чунь, ся, ху, чжун, чжи,

бань — означает большое/великое. Наименований много — суть одна.

«Эрья ши гу» (爾雅•釋詁): 林、烝、天、帝、皇、王、後、闢、公、侯, 君也。Линь, чжэн, тянь, ди, хуан, ван, хоу, пи, гун, хоу — именованья правителей.

«Эрья ши гу» (爾雅•釋詁): 弘、廓、宏、溥、介、純、夏、幠、厯、墳、畎、丕、奕、洪、誕、戎、駿、假、京、碩、濯、訏、宇、穹、壬、路、淫、甫、景、廢、壯、塚、簡、筓、畎、陔、將、業、席, 大也。Хун, ко, хун, пу, цзе, чунь, ся, ху, пан, фэнь, гу, пи, и, хун, дань, жун, цзюнь, цзя, цзин, шо, чжо, суй, юй, цюнь, жэнь, лу, инь, фу, цзин, фэй, чжуан, чжун, цзянь, дао, бань, чжи, цзян, е, си — большое/великое.

Данные примеры определенно показывают временной разрыв между источниками. Во-первых, знаков, именуемых правителей, в «Эрья» на 4 больше (林、烝、王、侯), поясняющих большое/великое — на 28. Во-вторых, такие лексические единицы, как 林、王、侯、君 (поясняемые в «Эрья»), стали употребительными в начале эпохи Западная Хань. В-третьих, пояснения большого и правителей в «Ши-цзы» смешаны и не дифференцируются, в «Эрья» же эти понятия систематизированы и поясняются в разных глоссах. Кроме того, лексические единицы в «Ши-цзы» преимущественно толкуются способом «тун сюнь», в «Эрья» данный способ характерен для первой главы, на остальном пространстве текста используются другие 5 способов, что может свидетельствовать о более позднем написании «Эрья», либо о более поздней окончательной редакции словаря.

Ху Цигуан (胡奇光) полагает, что время создания «Эрья» все-таки близко к концу эпохи Воюющих царств. В ходе анализа фактического материала, в словаре обнаруживается достаточно массивный пласт понятий, характерных для памятников «Шань хай цзин» (山海经), «Чжуан-цзы» (庄子), «Оды Цюй Юаня» (屈原賦):

«Эрья ши ди» (爾雅•釋地):

東方有比目魚焉, 不比不行, 其名謂之鰈。На востоке обитают рыбы «соединившие глаза» (бимуюй) (比目魚), плыть могут только вместе, их называют та (鰈).

南方有比翼鳥焉, 不比不飛, 其名謂之鸛鶴。На юге обитают птицы «соединившие крылья», биньяо (比翼鳥), летать могут только вместе, их называют цзяньцзянь (鸛鶴).

西方有比肩獸焉, 與邛邛岨虛比, 為邛邛岨虛齧甘草, 即有難, 邛邛岨虛負而走, 名謂之麀。На западе обитают дикие звери «соединившие плечи», бицзяньшиоу (比肩獸). Сказочные звери цюньцюнь (邛

邛) с длинными передними и короткими задними лапами питаются травой, но из-за длинных передних лап они не могут есть сами, зато отлично бегают; чтобы прокормиться, они прибегают к помощи зверей цзюйсюй (岷虛). У зверей цзюйсюй (岷虛), напротив, передние ноги короткие, а задние длинные, поэтому они не могут бежать и в случае беды садятся на спину к зверям цюньцунь (邛邛). Эти звери могут существовать только вместе, поэтому их и называют «соединившие плечи» — цзюэ (麋).

北方有比肩民焉, 迭食而迭望。На севере есть люди «соединившие плечи», бицзяньминь (比肩民), у каждого половина тела с одним глазом, одной ногой, рукой. Едят и спят по очереди.

中有枳首蛇焉。В середине живут двухголовые змеи.

«Эръя ши тянь» (爾雅·釋天): ...扶搖謂之猋。Ветер, дующий снизу вверх, — вихрь/смерч.

«Эръя ши тянь» (爾雅·釋天): 暴雨謂之澍。Ливень или проливной дождь.

«Эръя ши цао» (爾雅·釋草): 卷施草, 撥心不死。Дурнишник сибирский / растение «бессмертник» (?).

«Эръя ши няо» (爾雅·釋鳥): 翠鷓。Иное название зимородка — цуй (翠).

«Эръя ши ди» (爾雅·釋地): 陳有宛丘。晉有潛丘。淮南有州黎丘。В царстве Чэнь (陳) есть холм с названием Вань цю (宛丘), в царстве Цзинь (晉) есть холм с названием Цянь цю (潛丘), к югу от реки Хуай (淮) есть холм с названием Чжоу ли цю (州黎丘) (географические названия соответствуют периоду Воюющих царств).

Таким образом, очевидна связь «Эръя» с источниками, относящимися к эпохе Воюющих царств.

Автор четвертой версии предполагает, что «Эръя» был написан с целью толкования «Ши цзина» или «Книги песен» (诗经) в период Западной Хань. В дальнейшем у этой версии нашлось множество приверженцев. Начиная с эпохи Хань и вплоть до Сун многие исследователи полагали, что «Эръя» был написан не только с целью толкования «Ши цзина» (诗经), но и для толкования других четырех классических книг: «Чжоу и» (周易) «Шан шу» (尚书), «Чунь цю» (春秋), «Ли цзи» (礼记) [6].

В поддержку этой версии могут свидетельствовать следующие факты: глава «Ши сюнь», которая фактически состоит из пояснений плещицированных признаков единиц «Ши цзина» (诗经) и фразеологизмов этого же произведения; примеров из «Эръя» в составе «Ли цзи» (礼记), формат

памятника (словарь), который принципиально отличается от других классических книг, тем самым может быть создан специально для пояснения канонов.

«Эръя ши сюнь» (爾雅·釋訓):

洸洸、赳赳, 武也。Воинственный: 洸洸 — браваый/смелый; 赳赳 — рвущийся в бой / отважный. 薨薨、增增, 眾也。Многочисленный: 薨薨 — роящийся (о множестве насекомых); 增增 — многочисленный (о людях).

Толкуются знаки из «Ши цзина», так называемого связного толкования (连言之字).

芟芟, 耜也。Обрабатывать землю: 芟芟 — вспахивать поле после зимы.

郝郝, 耕也。Вспаханное поле: 郝郝 — поле, подготовленное к посеву.

繹繹, 生也。Расти: 繹繹 — прорасти (о всходах).

穉穉, 苗也。Ростки/побеги: 穉穉 — заколоситься (о полях).

Фразеологизмы из «Ши цзина»:

«如切如磋»¹, 道學也。«如琢如磨»², 自脩也。«瑟兮兮»³, 恟慄也。«赫兮烜兮»⁴, 威儀也。«有斐君子, 終不可諼兮»⁵, 道盛德至善, 民之不能忘也»。¹ «Делать из бычьих костей и слоновых бивней предметы искусства». ² «Ограниять нефрит». (О воспитании в себе нравственности и красоты). ³ «Держать себя в черном теле». (Быть почтительным и скромным). ⁴ «Иметь грозный и величавый вид». (О внешнем облике добродетельного правителя). ⁵ «Такого добродетельного государя вечно будет помнить народ».

Глоссы «Эръя» в составе «Ли цзи»:

«Да Дай ли цзи» (大戴礼记):

男子先生为兄, 后生为弟; 女子先生为姊, 后生为妹; 谓我舅者, 吾谓之甥; 妻父曰外舅。

Фактически в «Эръя ши цинь» (爾雅·釋亲):

男子先生為兄, 後生為弟。謂女子先生為姊, 後生為妹。謂我舅者, 吾謂之甥也。妻之父為外舅。

Первая без изменений, во второй добавлен знак 謂, в третьей конечная частица 也, в четвертой добавлен 之 и вместо 曰 используется 為.

Таким образом, в словаре «Эръя» широко представлена лексика, которую можно использовать для пояснения разных понятий вышперечисленных канонических книг. Но этот факт не подтверждает того, что период создания «Эръя» относится к правлению династии Западной Хань. Это может означать, что в эпоху Хань он был отредактирован, что подтверждается и фактом

сравнения включенных в «Ли цзи» глосс «Эрья». Скорее всего, в «Ли цзи» вошли глоссы, первоначально имеющиеся в словаре, до эпохи Цинь. Отметим также, что вряд ли словарь был создан специально для этой цели, ведь общий запас неповторяющихся знаков словаря «Эрья» составляет 936 единиц, что далеко не покрывает общий запас неповторяющихся знаков пяти канонных (2426).

Основной аргумент в поддержку пятой версии — это характер письменных знаков. Автор считает, что письменные знаки словаря и способ изложения материала более сложные и систематичные (пояснения ведутся шестью ранее описанными способами), что характерно для языка конца периода Западной Хань. Кроме того, глава «Ши сюнь» 釋訓 («Истолкование повторов/приказок»), в названии которой фиксируется знак 訓, трактуется автором версии как факт появления понятия, связанного с наукой *сюньгусюэ*, зарождение которой относится к эпохе Западной Хань. Мы согласны с автором в вопросе характера письменных знаков и сложности изложения материала. Очевидно, что знаки в эпоху Хань принципиально отличались от предыдущих эпох, но факт фиксации в словаре знаков «кайшу» (楷書) может свидетельствовать также о более поздней редакции словаря, а не о том, что он полностью был написан после эпохи Западной Хань. К вопросу систематичности и порядка описания лексики, вероятно, следует рассмотреть некоторые примеры из «Эрья».

В период Хань в представлениях людей пять сторон света (东、南、西、北、中) указывают на соответствующие направления: Восток, Юг, Запад, Север, Середина.

Сравним с «Эрья ши ди» (爾雅·釋地):

东方比目鱼、南方比翼鸟、西方肩兽、北方比肩民、中央枳首蛇。На востоке обитают необычные рыбы «соединившие глаза», на юге есть птицы «соединившие крылья», на западе

обитают дикие звери с лапами разной длины, на севере одноротые, одноглазые, одноносые полулюди с двумя телами, в средней части живут двухголовые змеи.

Из примера видно, что в словаре поясняются отнюдь не географические направления, а мифические животные, что характерно для сознания людей более раннего периода развития общества, когда люди жили еще в плену мифов и сказаний.

Посмотрим на следующие примеры с точки зрения логики изложения. Начиная с периода Цинь (秦), 221 г. до н. э., вплоть до эпохи Трех Царств (三国), 220 г., в культурных памятниках соблюдалась следующая логика пояснения живой природы:

«Мэн цзы» (孟子), 108–201-е гг.:

人民鸟兽草木之名。Имена людей, птиц, диких животных, трав, деревьев.

Сравним с рубрикой «Эрья» (爾雅):

草、木、虫、鱼、鸟、兽、畜。Травы, деревья, насекомые, рыбы, птицы, дикие животные, домашний скот.

Такое членение понятийного мира было характерно для первобытных людей, которые считали, что первой появилась земля (地), затем на ней холмы (丘), горы (山), вода (水). Земля породила травы, горы и холмы породили деревья, а с появлением воды появились живые существа. Таким образом, порядок изложения и представления древних людей, толкуемые словарем, очевидно, относятся к доциньскому периоду.

Суммируя все вышеперечисленное, полагаем, что период создания словаря «Эрья» — конец эпохи Воюющих царств. Вероятно, в эпоху Цинь (秦) по приказу императора Цинь Ши Хуана (秦始皇) «Эрья», как и другие классические книги, был сожжен, а в эпоху Западной Хань состоялась окончательная редакция словаря. Поэтому нельзя сказать, что «Эрья» — плод творения одного автора, он создан не одним поколением ученых.

Список литературы

1. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. — М., 1983. — 7947 с.
2. Карапетянц, А. М. У истоков китайской словесности : собр. тр. / А. М. Карапетянц. — М., 2010. — 479 с.
3. Колоколов, В. С. Предисловие Го Пу к книге «Эрья» / В. С. Колоколов // Китай: история. Культура и историография. — М., 1977. — С. 115–123.
4. Шишмарева, Т. Е. Китайский словарь «Эрья» в идеографическом и этнокультурном аспектах : монография / Т. Е. Шишмарева. — Иркутск, 2016. — 289 с.
5. 何九盈. 中国古代语言学史 /何九盈. -广东: 教育出版社, 2004. — 464 页.

6. 胡奇光. 尔雅译注 / 胡奇光, 方环海撰. — 上海: 古籍出版社, 1999. — 459 页.
7. 十三经导读 / 白玉琳, 党怀兴主编. 北京: 中国社会科学出版社, 2006. — 534 页.

Сведения об авторе

Шишмарева Татьяна Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения, Иркутский государственный университет. Иркутск, Россия. taniyashi72@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). *Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 100—105.*

LINGUISTIC DATING OF CANON “ER’YA” COMPILING

T. E. Shishmareva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. taniyashi72@yandex.ru

The following article deals with linguistic dating of ancient Chinese canon “ER’YA”. The author analyzes different points of view, presented by Chinese researchers, on such parameters as the time and the authorship of compiling the dictionary “ER’YA”. Some linguistic facts, determined while diachronic translation of the canon thesaurus, are compared with the facts from research papers. The author points out five major versions of the period when the canon was compiled and the authorship of this ancient Chinese lexicographic source “ER’YA”. Due to heterogeneity of linguistic material presented in the word lists of the first dictionary, the author gives detailed description of examples from other classical books and compares the way of lexical definitions presentation. Basing on the given linguistic interpretation, the author sets the date of “ER’YA’ compiling as the end of Zhanguo epoch (400–300 BC); the time of final version of the canon as 1st millennium BC.

Keywords: *linguistic dating, canon, commentary, xunguxue (Chinese traditional philological science), ideographic dictionary, ideographic written signs.*

References

1. Oshanin I.M. (ed.). *Bol’shoj kitajsko-russkij slovar’: v 4 t.* [Unabridged Chinese-Russian Dictionary]. Moscow, 1983. 7947 p. (In Russ.).
2. Karapetyanc A.M. *U istokov kitajskoj slovesnosti* [The origin of Chinese Philology]. Moscow, 2010. 479 p. (In Russ.).
3. Kolokolov V.S. Predislovie Go Pu k knige «EHR”YA» [Go Poo’s Introduction to “ER’YA” canon]. *Kitaj: istoriya. Kul’tura i istoriografiya* [China: history. Culture and historiography]. Moscow, 1977. Pp. 115–123. (In Russ.).
4. Shishmareva T.E. *Kitajskij slovar’ «EHR”YA» v ideograficheskom i ehtnokul’turnom aspektah* [Chinese dictionary “Erya” in ideographic and ethnocultural aspects]. Irkutsk, 2016. 289 p. (In Russ.).
5. Hé Jiùyíng. *Zhōngguó gǔdài yǔyán xué shǐ. Jiàoyù chūbǎn shè.* Guǎngdōng, 2004. (In Chinese).
6. Hú Qíguāng, Fāng Huánhǎi. *Ēr yǎ yìzhù. Gǔjí chūbǎn shè.* Shànghǎi, 1999. (In Chinese).
7. *Shísān jīng dàodú / Bái Yùlín, Dǎng Huáixìng zhǔbiān. Zhōngguó shèhuì kēxué chūbǎn shè.* Běijīng, 2006. (In Chinese).

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ О. Г. СИДОРОВОЙ «ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕБНИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА» (Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. 172 с.)

Е. В. Шелестюк

Монография доктора филологических наук, профессора О. Г. Сидоровой посвящена первым российским учебникам английского языка второй половины XVIII — начала XIX вв. Книга представляет собой серьезный труд, преследующий как дидактико-филологическую цель прослеживания становления методологической практики преподавания английского языка в России на примере развития учебников, так и параллельно комплексную историографическую цель описания политической, экономической, языковой и культурной фактологии указанного периода, особенно в части российско-британских отношений и культурно-идеологического влияния. Монография глубоко и разносторонне представляет изучаемый объект в таких аспектах, как: контекст, статус, особенности изучения английского языка в России в XVIII — начале XIX в.; роль учебных заведений, в т. ч. Морского кадетского корпуса, в распространении английского языка в России; ранние учебники английского языка петербургских и московских авторов; англо-русские разговорники конца XVIII — начала XIX в. В работе проанализирована деятельность, достижения и последующее влияние на изучение английского языка в России таких персоналий, как М. Пермский, П. И. Жданов, П. И. Суворов, В. С. Кряжев, И. Е. Грузинов.

Материалы исследования включают архивные учебники и учебные пособия английского языка конца XVIII — начала XIX в.; в качестве теоретико-методологической базы исследования выступают многочисленные работы отечественных и зарубежных авторов, специальные каталоги, словари и справочники. Актуальность исследования объективно обуславливается тем фактом, что, несмотря на декларированную М. П. Алексеевым и другими исследователями еще в прошлом столетии необходимость описать российские руководства для изучения английского языка конца XVIII — начала XIX в., такое полное описание до сих пор отсутствовало. Рецензируемая моно-

графия решает эту задачу, в чем и заключается ее уникальность и новизна.

Книга являет собой пример синтеза достижений разных наук, органически вписываясь в современную тенденцию интеграции гуманитарных знаний. В духе такого подхода ранние отечественные учебники английского языка рассматриваются «как объекты культуры, как учебные книги, появившиеся в определенный период отечественной истории, которые конструировали и распространяли не только свой предмет (английский язык), но — в не меньшей степени — определенные культурно-идеологические установки и нормы. Очевидно, что при такой постановке целей исследования учебники должны рассматриваться на широком культурно-историческом фоне» [С. 9]. Герменевтика обозначенного объекта осуществляется в рамках оригинальной методологической парадигмы: сначала проводится анализ «вовне», в ходе которого рассматривается личность и биография автора учебника в рамках происходящих исторических событий, а также его направленность, основная целевая аудитория, кто, как и в каких количествах используется; затем проводится анализ «вовнутрь», когда изучается сам учебник в структурном, символическом, дискурсивно-нарративном, стилистическом ракурсах, он соотносится с культурно-педагогической традицией (диахронный аспект) и с современностью (синхронный аспект).

Первая глава монографии посвящена рассмотрению контекста, статуса, степени изучения английского языка в России в XVIII — начале XIX в. Системное изучение современных западноевропейских языков началось в России в XVIII в. в русле политики европеизации, проводившейся Петром I. Владение живыми иностранными языками рассматривалось идеологами русского Просвещения как средство получения сведений по конкретным наукам и областям знания утилитарного характера, а также как средство межнационального общения с обосновавшимися на территории России иностранцами. Так,

В. Н. Татищев, рассуждая о пользе иностранных языков, выделяет немецкий и французский языки, а также языки восточных соседей Российской империи — китайский, монгольский, персидский, турецкий. Английский язык, как явствует из рецензируемого труда, был в указанный период времени достаточно редким (особенно по сравнению с немецким и французским) и в определенном смысле экзотическим. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что некоторые общественные группы при этом были ориентированы на контакты с Англией, английская литература и культура были очень популярны у русской публики, среди аристократии была распространена англоманья. Иллюстрируя изучаемые процессы и явления многочисленными примерами, автор монографии показывает истоки англистики как комплексного культурно-лингвистического направления, отмечая, что произведения британской литературы и философские и социально-политические воззрения познавались российской публикой преимущественно через иноязычные источники (прежде всего, французские и немецкие). Основным исключением в XVIII — начале XIX в. были английские учебники и переводы, а также первые англо-русские словари, созданные преподавателями Морского кадетского корпуса.

Во второй главе монографии подробно анализируется система обучения в Морском кадетском корпусе и деятельность конкретных преподавателей — М. Пермского и П. И. Жданова. Подробно описывая содержание первых учебников английского языка, автор монографии опровергает мнение об их вторичности, компилятивности. Важнейшим различием между учебником Т. Дилворта и первыми российскими учебниками английского языка представляется «их общая тональность, педагогическая и культурологическая направленность», включая сугубо светскую тематику, культурологические комментарии и словари, предметы диалогов, зачастую касающиеся русско-английских контактов и развития русской культуры. В этой главе монографии также есть сведения о жизни и деятельности выдающегося российского математика П. И. Суворова, который наряду с математикой также преподавал английский язык в Морском кадетском корпусе и был переводчиком.

В третьей главе монографии исследуются ранние учебники английского языка московских авторов, рассматривается деятельность В. С. Кряжева, И. Е. Грузинова и их учебники ан-

глийского языка. В главе содержится много важных наблюдений: так, отмечается, что принципиальным отличием ранних русских учебников английского языка от их более поздних аналогов является отсутствие в них вопросов для контроля понимания материала и тренировочных упражнений, в то же время в них содержались хрестоматии, включавшие отрывки из произведений «лучших иностранных авторов» — У. Шекспира, А. Поупа, басни, письма «Абеларда к Элоизе» и «Элоизы к Абеларду», отрывки из периодических сочинений (*the Rambler, the Spectator*), хотя подбор текстов кажется не вполне соответствующим возрасту учеников. Важными являются наблюдения относительно эволюции способов фонетической нотации и систематизации грамматического материала английского языка в учебниках Кряжева и Грузинова.

В четвертой главе анализируются англо-русские разговорники конца XVIII — начала XIX в. Будучи по своему назначению учебными книгами, «Разговоры» Жданова и Кряжева одновременно являлись маркерами политики европеизации, проводимой в России, то есть обладали явной идеологической функцией. Многие диалоги совпадают друг с другом, с соответствующими разделами учебников других авторов и даже с учебниками других иностранных языков, прежде всего с «Вегелиновыми разговорами» на разных языках. Использование одного и того же аутентичного иноязычного материала в учебниках (без умаления оригинальности их авторской концепции) объясняется «общей идеологической установкой на приобщение России и российского юношества к европейской учености, в частности, к живым иностранным языкам» [С. 135]. Диалоги складываются в единый метатекст, который можно условно обозначить как описание образа жизни западного человека XVIII в., который «знает, как себя вести и что сказать в разных ситуациях, путешествует, интересуется новостями и культурой, диалоги знакомят учеников с разными тематическими и стилистическими слоями лексики, грамматики и разговорными моделями. Сегодня они читаются как увлекательный рассказ о прошлом, в котором все детали достоверны» [С. 124]. Частично в них угадываются и реминисценции о собственной жизни авторов учебников, в т. ч. в Великобритании. Отмечается такой характерный элемент ранних русских учебников английского языка, как их патриотический настрой. Во всех учебниках затрагивается тема отношения

русского и английского языков, упоминаются ведущие российские писатели и драматурги.

Монография О. Г. Сидоровой является плодом многолетней исследовательской работы, вносящим важный вклад в описание ранних учебников английского языка, их культурологический и лингводидактический анализ, раскрытие экстралингвистического контекста написания этих учебников и деятельности их авторов. Книга насыщена множеством фактов о жизни и деятельности конкретных заведений и лиц, о содержании их произведений; эти факты, складываясь подобно мозаике, позволяют воссоздать целостную социально-политическую и культурно-лингвистическую картину эпохи. В теоретическом плане,

работа расширяет понимание развития российской лингводидактики на протяжении постпетровского периода, российско-британских взаимоотношений и влияния Великобритании, в т. ч. виде ментефактов британской лингвокультуры, на культурные и идейные веяния в российском обществе. С практической стороны монография может быть использована в учебном процессе вузов при разработке и ведении лекционных курсов и семинарских занятий по лингвострановедению, культурологии, дидактике, методике обучения иностранным языкам, истории страны изучаемого языка. Монография включена в библиотеку журнала QUAESTIO ROSSICA.

Сведения об авторе

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 1 (411). *Philology Sciences. Iss. 111. Pp. 106—108.*

REVIEW OF THE MONOGRAPH “FIRST RUSSIAN TEXTBOOKS OF THE ENGLISH LANGUAGE” BY O. G. SIDOROVA (Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2016. 172 p.)

E. V. Shelestuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestiuk@yandex.ru